

485
А. З. АСФАНДИЯРОВ

БАШКИРСКАЯ СЕМЬЯ
В ПРОШЛОМ

На обложке использована фотография семьи башкира из деревни Канкулово Оренбургского уезда Нигмата Сафича Саитова (бывший IX башкирский кантон). Снимок конца XIX в.

А91

А. З. АСФАНДИЯРОВ

БАШКИРСКАЯ СЕМЬЯ В ПРОШЛОМ

XVIII-первая половина XIX в.

03
В. В.

34850 - 28577 9/4

Городская ЦБС
г. Кумертау

13

Уфа
"КИТАП"
1997

Асфандияров А.З.

А 91 Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). – Уфа: Китап, 1997. – 104 с.

ISBN 5-295-01979-9

В книге на основе анализа главным образом архивных источников освещаются формы семьи, брака и развода. Особое внимание уделяется формам экзогамии и сущности эндогамии, а также имущественным правам членов семьи и положению башкирской женщины в семье и обществе.

А 050500000 – 15.72 – 97
121(03) – 97

ББК 63.5

ISBN 5-295-01979-9

© Асфандияров А. З., 1997

ОТ АВТОРА

Семья – первичная социальная ячейка общества, члены которой взаимосвязаны браком или кровным родством; как таковая она обладает, с одной стороны, известной самостоятельностью, с другой – функционирует в тесной связи с обществом, с развитием последнего наполняется новым смыслом и содержанием. По характеристике Ф. Энгельса, семья и есть один из определяющих факторов общественного развития¹. По социальной и исторической сущности своей брак и семья взаимообусловлены господствующими экономическими отношениями, и те и другие испытывают на себе влияние общественной надстройки, прежде всего и главным образом политики, права и нравственности. Брак представляет собою не что иное, как юридическую основу семьи.

Как и у всех народов, у башкир семья играла исключительно важную роль в общественной жизни. В рассматриваемую нами феодальную эпоху крестьянская семья потому представляет немалый научный интерес, что она была основной производящей единицей в развивающемся обществе.

Следует добавить, что проблема эта до сих пор не являлась предметом специального исследования. Имеющиеся отдельные наблюдения и суждения высказаны вскользь, при изучении других проблем. Так, в общих этнографических работах о башкирах представлена она лишь попутно. Сравнительно подробно вопросы брака, развода и пережиточных институтов в прошлом у башкир осветил в своей монографии С. И. Руденко². Отдельные пережиточные явления и положение женщины в семье³ нашли освещение в этнографических работах конца XIX – начала XX в. Проблема большой семьи, степень и районы ее распространения, институты экзогамии и девиата затронуты Р. Г. Кузеевым⁴. Особенности семьи и брака у зауральских башкир в конце XIX в. рассмотрены в работе, выполненной тем же автором совместно с Н. В. Бикбулатовым⁵. Последним специально были изучены вопросы о наследовании и разделе имущества у башкир в XIX–XX вв.⁶ Обзор имеющейся литературы по проблеме в целом был дан Э. З. Нафиковым⁷.

Все эти работы опираются преимущественно на полевой материал конца XIX – первой половины XX в. Они не имеют статистических данных ни о формах семьи и их соотношении, ни о формах моногамного и полигамного брака, ни о формах развода. Между тем обращение к архивным источникам позволяет отвергнуть, уточнить или подтвердить те или иные наблюдения и выводы исследователей. Автор предлагаемой работы главнейшую свою задачу видит в раскрытии основных аспектов истории семьи и брака у башкир, а именно районов распространения и соотношения неразделенной и малой семей, форм брака и развода, имущественного права членов семьи и положения женщины в семье и обществе. При этом все эти вопросы

осасываются матерialsми VI, VII, VIII ревизских сказок 1811, 1816, 1834 гг., прошенными, бракоразводными делами, сохранившимися в фондах Оренбургской казенной палаты и Магомтаевского духовного собрания Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан. Интересно отметить, что ревизскими сказками зафиксированы члены каждой семьи. Как правило, на одном листе указаны главы семей (фамилия, имя), затем перечислены сыновья, братья, племянники и внуки, на другом листе, против фамилии и имени мужчины, перечислены имена матери, жес, дочерей и сестер. Указаны национальность и возраст членов семьи. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что ревизские сказки составлены первоначально по информации деревенских стариков (*ауыл харины*) и юртовых (*йорт*) старшин, затем троскратно проверены на аульной сходке.

Данные ревизских сказок корректированы и дополнены другими опубликованными матерialsми.

Башкиры, как и другие соседние мусульманские народы, строили смешанную жизнь на основе Корана и шариата. Поэтому выиснение особенностей их семьи приобретает особое значение.

Хронологически рамки изучаемой проблемы (1700–1865 гг.) в основном совпадают с периодом развития, затем развала и кризиса феодально-крепостнических отношений, с последовавшей отменой крепостного права и началом буржуазных реформ в России. В условиях башкирской действительности это был период подготовки и перевода башкир в военно-казачье сословие, включения их в состав регулярных войск. Процесс этот характеризуется активным вмешательством царского правительства не только в сферу хозяйства и военной службы коренного населения, но и регламентацией его бытовой и семейной жизни. Словом, наличие невиданная по масштабам лома всего того, что было свойственно башкирскому обществу.

Еще в 1989 г. было издано учебное пособие для студентов под названием „Семья и брак у башкир в XVIII – первой половине XIX в.“ в объеме 3 л. л. тиражом в 800 экземпляров. Оно не дошло до массового читателя. Настоящее издание содержит новый раздел об имущественных правах членов семьи, отдельные сюжеты даются в новой редакции, уточняются некоторые моменты, привлекаются новые матерials.

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ БАШКИР

В изучаемый период башкиры были расселены на огромной территории – от р. Волги на западе до р. Тобол на востоке и от г. Перми на севере до р. Яик (Урал) на юге; основная часть ее с 1708 г. называлась Уфимской провинцией, зауральские башкиры входили в состав Сибирской губернии; несколько позднее Зауральская Башкирия преобразована была в Исетскую провинцию. В 1744 г. Уфимская и Исетская провинции вновь составили Оренбургскую губернию. В 1781 г. из двух областей – Уфимской и Оренбургской – учреждается Уфимское наместничество, просуществовавшее до 1796 г., вплоть до преобразования его в Оренбургскую губернию.

Реформой 1798 г. вводится кантонное управление, которым башкиры переводятся в военно-казачье сословие. Территориально башкирские кантоны были расположены в Оренбургской (12 уездов), Пермской (5 уездов), Вятской (2 уезда) и Саратовской (3 уезда) губерниях.

Итак, к концу XVIII в. башкиры населяли в совокупности 22 уезда, входящие в четыре губернии: в Оренбургской губернии – Верхнеуральский, Белебеевский, Бирский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Мензелинский, Оренбургский, Стерлитамакский, Троицкий, Уфимский, Челябинский уезды; в Пермской губернии – Екатеринбургский, Красноуфимский, Осинский, Пермский, Шадринский уезды; в Вятской губернии – Елабужский, Саранульский уезды; в Саратовской губернии – Вольский, Хвалынский, Хотинский уезды.

Достоверные сведения о численности башкир вплоть до V ревизии (1795 г.) не дошли до наших дней. Что касается итогов данной ревизии, исследователи называют разные цифры; В. Э. Дзи – 177 тыс., У. Х. Рахматуллин – 184–186 тыс., Р. Г. Кузев – 250–270 тыс. человек, а потому есть необходимость привести здесь таблицу о численности башкир по уездам с указанием соотношения мужского и женского населения. Сведения эти почерпнуты нами из „Экономических примечаний“ к генеральному межеванию земель⁸.

Как видим, V ревизией в 17 уездах зафиксировано 184,5 тыс. башкир обоого пола. В таблице не представлены башкиры Елабужского, Сара-

пупельского уездов Вятской, а также Саратовской губерний. Но эти данные дает VIII ревизия. Согласно ей в 1834 г. в 13 деревнях Елабужского уезда проживало 2347, в 5 деревнях Саратовского уезда – 1056 башкир. В Вятской губернии к концу XVIII в. их было примерно 1,5–2 тыс. человек. В Саратовской губернии насчитывалось около 1–2 тыс. башкир.

Таким образом, к 90-м годам XVIII в. башкир было 187–190 тыс. Следует оговорить, что в это число не входят башкирские тарханы. Между тем, по данным П. И. Рычкова⁹, в 1745 г. имелся 1431 тарханский двор. Надо думать, что к V ревизии этот уровень не повысился, поскольку власти давно держали курс на ликвидацию института тарханства. Допустим, в одном дворе проживало в среднем 6 человек. В таком случае общая численность тарханов с их семьями могла составить 8,5–9 тыс. Итого всех башкир было 195–200 тыс.

У ревизией в 17 уездах зафиксировано 30 574 башкирских двора, где проживало 184560 человек (см. табл. 1).

Стало быть, на двор приходится в среднем 6 душ. А это не согласуется с бытовавшим в литературе мнением о том, что в XVIII в. численный состав башкирского двора был равен 8–9 душам¹⁰. Согласившись с этим, нам пришлось бы признать, что в XVIII в. все башкирские семьи были сложны по форме и что вовсе не было малых индивидуальных семей.

Таблица 1

Численность башкир в 17 уездах по V ревизии 1795 г.

№ п/п	Уезды	Численность по V ревизии			Соотношение мужчин и женщин
		мужчины	женщины	всех башкир	
1.	Верхнеуральский	10184	8663	18847	1,18 : 0,82
2.	Белебеевский	8991	8289	17280	1,08 : 0,92
3.	Берский	10673	9829	20504	1,08 : 0,92
4.	Бугульминский	1213	1204	2417	1,01 : 0,99
5.	Бугурусланский	221	223	444	0,99 : 1,01
6.	Бузулукский	580	535	1115	1,08 : 0,92
7.	Мензлинский	8027	9813	17840	0,81 : 1,19
8.	Оренбургский	11556	10632	22188	1,08 : 0,92
9.	Стерлитамакский	14137	12992	27129	1,08 : 0,92
10.	Троицкий	7370	7079	14449	1,04 : 0,96
11.	Уфимский	4238	4171	8409	1,02 : 0,98
12.	Челябинский	5225	4842	10067	1,07 : 0,93
13.	Екатеринбургский	4725	4083	8808	1,14 : 0,86
14.	Красноуфимский*	896	893	1789	1,01 : 0,99
15.	Останин*	2900	2613	5513	1,10 : 0,90
16.	Пермский	728	509	1237	1,30 : 0,70
17.	Шадринский	3353	3171	6524	1,06 : 0,94
	ВСЕГО	95019	89341	184560	1,06 : 0,94

* По Н. Палеву (Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. С. 4–58), башкир было: в Пермском уезде – 1045, в Останин – 6769, в Красноуфимском – 2203, в Шадринском – 3257 чел. обою пола.

Иногда в число башкир (250–270 тыс.) лишний раз добавляют зафиксированных V ревизией 30–40 тыс. сартов, калмыков и тарханов, как пропущенных (неучтенных) ею. О последних мы уже говорили. О башкирах, вышедших из сартов и калмыков, можно сказать следующее. Во-первых, все они были зафиксированы V ревизией. Так, по Сартской волости Стерлитамакского уезда учтено 6 деревень башкир из калмыков¹¹. По Сартской и Калмыцкой волостям Челябинского уезда охвачено 17 деревень с 314 дворами, где проживало 1569 „калмык-башкирцев“¹². В Оренбургском уезде в деревне Новоумерово (Бурзянская волость) „башкирцев из калмык“ насчитывалось 227¹³. В Уфимском уезде в Каратаалинской волости проживало 8 дворов (65 человек) теппирей из калмыков. Такие примеры можно было бы приводить и дальше, ограничимся названными. Из них сам собой напрашивается вывод: сарты и калмыки давным-давно растворились в среде башкир и стали такими же вотчинниками, т.е. владельцами общинных земель, выполняли те же повинности, что и башкиры-вотчинники. Они на деле и есть башкиры как в сословном, так и в этническом отношении. Отличаются от исконных жителей лишь одним – своим происхождением: одни из них вышли из сартов, а другие – из калмыков. В свое время на это указывали и сами башкиры. Для этого достаточно сослаться на наказ башкир Уфимского уезда, прочитанный в 1768 г. в Уложенной комиссии депутатом старшиной Гайнинской волости Туктамышем Ишбулатовым. В нем говорится: „А другие башкиры, названные калмыцкого рода, которые единого с нами магометанского закона состоят, а произошли в древние еще времена от калмыцкого рода и так называются потому званию рода калмыцкого башкирцы“¹⁴. В другом наказе башкир Исетской провинции речь идет о происхождении тех самых башкир, которых власти по инерции продолжали называть сартами и калмыками. Вот отрывок, говорящий сам за себя: „Между нашего тарханского и башкирского народа именуется сартами, калмыками некоторая часть, но все единого с нами магометанского закона, которое их название произошло в древние времена, сарты, вышедшие из-за границы самопроизвольно от владений степных народов, а калмыки также в древние времена получены были нашими башкирцами при войнах в малолетстве, которые из давних лет именуется с нами единого звания башкирцами с отличеством, что одни произошли от сарт, а другие от калмык, почему как землями и всеми угодами общее владение имеем и почитаемся все башкирцами, равно же в государственных службах обще и наряду обращаемся без всякого отличества и отделения от башкирцев, просим, чтоб оным сартам и калмыкам, единственное уже звание иметь и именоватьца башкирцами, а звание сарт и калмык оставить“¹⁵.

Все это – лучшее свидетельство того, что сарты и калмыки, проживавшие в Башкирии в конце XVIII в., полностью утратили исконно присущие им свойства и усвоили новые.

Нет единого мнения среди историков и о численности башкир по VIII ревизии (1834 г.). Во избежание разночтений, как нам кажется, следует привести эти данные поурядно¹⁸.

Таблица 2

Численность башкир в 19 уездах по VIII ревизии 1834 г.

№№ кантонов	Уезды	Численность по VIII ревизии			Соотношение мужчин и женщин
		мужчины	женщины	вместе	
I	Орский	6 849	6 601	13 450	1,04 : 0,96
	Пермский				
II	Екатеринбургский	5 297	5 043	10 340	1,05 : 0,95
	Красноуфимский				
III	Шадринский	7 350	6 884	14 234	1,07 : 0,93
IV	Троицкий Загорный	4 839	4 525	9 364	1,07 : 0,93
IV	Троицкий Западный	4 112	4 109	8 221	1,01 : 0,99
V	Челябинский	11 373	11 026	22 399	1,03 : 0,97
VI	Верхнеуральский	24 168	23 213	47 381	1,04 : 0,96
VII	Стерлитамакский	20 571	20 006	40 577	1,03 : 0,97
VIII	Уфимский	10 114	9 993	20 112	1,01 : 0,99
IX	Оренбургский	35 593	33 942	69 535	1,05 : 0,95
	Бузулукский				
X	Барский	21 543	21 388	42 931	1,01 : 0,99
XI	Мензелинский	18 692	18 948	37 640	0,99 : 1,01
	Елабужский				
	Сарapulьский				
XII	Бугульминский	23 098	23 393	46 491	0,99 : 1,01
	Белебеевский				
	Бугурусланский				
	Не включены в «Ведомости», так содержатся данные о численности по VIII ревизии				
	ВСЕГО	196 140	194 119	387 559	1,02 : 0,98

Таким образом, в 1834 г. в 19 уездах Оренбургской, Пермской, Вятской губерний проживало свыше 387 тыс. башкир. Здесь не представлены саратовские башкиры, причисленные в 1832 г. к Уральскому казачьему войску. Последних было примерно 3 тыс.¹⁹ Следовательно, по итогам VIII ревизии всех башкир было 390 тыс., в 1851 г. их численность доходила до 508 тыс., в 1859 г. – 545 тыс. человек²⁰.

Итак, численное возрастание башкир в XVIII – первой половине XIX в. налицо. С 1795 г. по 1834 г., т.е. за 40 лет прирост населения составил 52,6%, за 19 последующих лет – с 1834 г. по 1853 г. – 136,8%. За

1795–1853 гг. он равен 260%. Чтоб понять, что это представляло собою, достаточно сравнить его с демографическими данными татар. Примерно за то же самое время татарское население Казанской губернии возросло с 200 тыс. до 411 тыс., т.е. прирост составил 205,5%²¹. Такое резкое увеличение численности населения можно объяснить как естественным приростом, так и причислением губернскими властями представителей припущенников-мусульман к башкирскому сословию. Так, например, по VIII ревизии в составе башкирского сословия было 4939 человек не из башкир. Если говорить еще конкретнее, в башкирское сословие были переведены татары Сеитовского посада (Каргалы), Верхних и Нижних Чебеньков Оренбургского уезда; дер. Арасланово, Аширганово, Айдарлино, Балыклы, Нижнее Ибраево, Стерлибашево Стерлитамакского уезда в количестве 1654 человек обоего пола; погайцы Воздвиженской крепости, Желтого редута, Кондуrowsкой слободы и Никитского редута в Оренбургском уезде в количестве 2413 человек; мишари дер. Большая Ока и Мусекаево Красноуфимского уезда в количестве 872 человек. Вместе с тем они до наших дней сохранили свои этнические особенности²².

В начале XIX в. к башкирскому сословию Оренбургской пограничной комиссией причислялись и отдельные казахи с их семьями. Так было, скажем, в 9-м башкирском кантоне, о чем недвусмысленно свидетельствует VIII ревизия 1834 г. В дер. Аскарново значилась 1 семья, в Ямангулове – 5, в Кучербаеве – 17 семей, в Киччурине – 2, в Якшимбетове – 1, в Чурагулове – 1 казахская семья²³.

Все эти казахские семьи впоследствии растворились среди коренного населения, оставив свой этноним лишь в названиях родового подразделения ара.

Отметим также соотношение мужчин и женщин, поскольку это влияло на развитие семьи. По таблице 1 можно увидеть следующее: у башкир, особенно восточных, мужчин было больше, чем женщин. По V ревизии, как это видно из той же таблицы, мужчин было 95019, женщины – 89541, соотношение их 1,06:0,94²⁴. В 10 уездах из 12 мужчин было больше. Только в двух уездах – Мензелинском и Бугурусланском – это соотношение было в пользу женщин. Таблица 2 свидетельствует о том же. Из 387 тыс. башкир мужчин было 196140, женщины – 194119, а их соотношение составляло 1,08:0,92. В западных, северо-западных уездах (Мензелинском, Бугульминском, Елабужском, Сарapulьском) женщины было больше, их соотношение выглядело так: 0,98:1,02.

Форма семьи зависела главным образом от типа хозяйства – земледельческого и скотоводческого. Не что иное, как выяснение соотношения земледельцев и скотоводов среди башкир дает возможность объективно осветить проблему семьи и брака.

ФОРМЫ СЕМЬИ

Башкирское население подразделялось на оседлое и полукочевое. В 1846 г. из 439584 башкир оседлых было 230859, т.е. 52,6%, а полукочевых – 208725, или 47,4%. Башкиры Бирского, Мензелинского, Осинского, Пермского и Сарапульского уездов жили оседло. В Уфимском, Троицком (западная часть), Белебеевском, Бугурусланском уездах полукочевой образ жизни вели лишь 17–22% башкир. В Екатеринбургском, Красноуфимском уездах – 46%, в Оренбургском, Стерлитамакском, Челябинском уездах – от 78 до 84%, в Троицком (зауральская часть), Верхнеуральском уездах 93–94% вели полукочевое скотоводческое хозяйство²². Остальные – земледельцы.

Таким образом, расселенные на огромной территории нескольких губерний, башкиры в преобладающем большинстве вели оседлый образ жизни, занимались главным образом земледелием.

Между тем всем народам – и кочевым, и земледельческим – известны были обе формы семьи: большая и малая. Большая давно уступила малой главенствующее положение. На основе малой возникла неразделенная семья.

Необходимо оговорить и то, что в историко-этнографической литературе по отношению к сложной семье периода феодализма понятие не принят единый термин. Ее называют то „большой семьей“, то „большой патриархальной“. Одновременно бытует и такой термин, как „неразделенная семья“. Но характер последней толкуют неоднозначно. Под этим типом семьи одни подразумевают новую форму, переходную от большой к малой, состоящей не из трех или более поколений, как это бывало раньше, а только из двух поколений (имея в виду родителей и женатых детей)²³, другие же неразделенной семьей называют последнюю стадию развития большой патриархальной семьи²⁴. Первую форму семьи у кочевых народов С. М. Абрамзон называл „большой неразделенной“, которой охватывалось три-четыре поколения от 30 до 40 человек²⁵. Но, говорят сторонники этой точки зрения, постепенно уменьшается численный состав большой семьи и ограничивается она двумя поколения-

ми женатых мужчин. Под неразделенной семьей С. М. Абрамзон понимал ту семью, в которой совместно с родителями проживали взрослые женатые сыновья. Н. А. Кисляков в неразделенной семье видит пережиточную форму большой патриархальной семьи²⁶. Аналогичную точку зрения высказала и Р. Г. Мухамедова²⁷.

Таким образом, почти всеми исследователями сложная семья в антагонистическом обществе связывается с большой патриархальной семьей периода распада родового строя. Тем самым утверждается мысль об одновременном или параллельном существовании большой патриархальной и малой семей. В то же время вводом в научный оборот термина „неразделенная семья“ предпринимается попытка доказать промежуточный или переходный характер этой сложной семьи – от большой к малой. В неразделенной семье видят пережиточную форму большой патриархальной семьи. Такая нестрога в терминологии, неодинаковое толкование сути неразделенной семьи требуют от исследователей уточнения содержания и смысла понятия. Мы же попытаемся подойти к этому вопросу, отталкиваясь от истории сложной семьи у башкир. Впервые свою точку зрения на нее высказал С. И. Руденко. Он, однако, не задавался целью подробно изучить формы семьи, а потому неверно отождествлял самое мелкое родовое подразделение – ара, т.е. группу индивидуальных семей, с одной большой семьей²⁸. По отношению к последней Р. Г. Кузеев применяет оба термина в их сочетании – „большая неразделенная“²⁹. Н. В. Бикбулатов различает большую и неразделенную семьи. Причем отмечает, что у башкир Зауралья весьма редки большие семьи, неразделенные – довольно часты. По предположению этого автора, последнее получило широкое распространение в конце XIX – начале XX в. вследствие проникновения буржуазных отношений в башкирскую деревню. Необходимо, однако, подчеркнуть, что неразделенная семья широко известна башкирам и до капитализма. Распространение неразделенных семей объясняется, главным образом, фискальной политикой правительства и стремлением самих общинников облегчить свое положение при выполнении феодального тягла путем регенерации на основе малой сложной семьи. Справедливо подчеркивая неизученный характер природы неразделенных семей и объясняя их отличие от больших семей неустойчивостью первых, он делает категоричный вывод о том, что после смерти главы семьи, т.е. отца, неразделенные семьи всегда распадались³⁰. Тот же автор не учел возможности превращения такой семьи в братскую или в семью дядя – племянник. В новой работе о системе родства Н. В. Бикбулатов обходит стороной вопрос о неразделенной семье. Что касается других форм семьи, то он признает значительную роль большой патриархальной семьи в социаль-

ной жизни башкир, семьи, сосуществующей с малой индивидуальной семьей, т.е. основной формой первичной ячейки общества. Малая семья перерастала в большую, но последняя снова распадалась на элементарные ячейки. Большая семья функционировала в ее братском и патриархальном вариантах²⁰.

Внимание исследователей привлекает и вопрос о генетической связи между существовавшими формами семьи – преобладающей малой и неразделенной. Последняя выступала в разных типах: отцовском (родители – женатые дети – внуки), братском (женатые братья – дети – племянники) и в виде дяди – племянник.

Идею о длительном сохранении большой семьи и о генетической преемственности большесемейных форм с эпохи разложения первобытно-общинного строя до XIX века доказал М. О. Косвен. Он полагал, что большая семья, являющаяся основной общественной ячейкой патриархально-родового строя, стойко сохранялась и в классовом обществе и постепенно приобретала другие формы, например, как отцовская или братская большие семьи. Малые семьи возникали из большой²¹.

Данная концепция принята и другими этнографами. Так, по С. М. Абрамзону, малая семья возникает в результате разложения большой²². По М. А. Бижановой, малая семья также выделяется из большой. Исследовательница указывает также два пути образования малой семьи. Первый – путем раздела больших неразделенных семей, второй – путем непосредственного сложения малой семьи, иначе говоря, молодые после женитьбы начинали жить отдельно²³. Н. А. Кисляков утверждает, что малые – результат распада большой патриархальной семьи. В условиях феодализма они могут и сосуществовать. В другом месте своей работы между двумя указанными формами семей Н. А. Кисляков ставит еще и неразделенную семью. Суть его идеи сводится к следующей схеме: большие патриархальные семьи распадаются на неразделенные семьи и эти последние – на малые²⁴. Все вышеназванные авторы делают вывод: малая семья есть продукт распада большой семьи, еще сосуществующей с первой. Если с первой частью этого вывода можно согласиться, понимая его как уступку своего места большой семьей для малой, то со второй его частью согласиться весьма трудно.

Концепция этой недавно противопоставлена была другая, которая, как нам кажется, наиболее приемлема. Высказали ее одновременно В. А. Александров и М. Б. Свердлов. Их работы подтверждают также выводы К. В. Чистова, который различает „первичные“, или традиционные этнографические формы от „вторичных“, „производных“, а именно похожих на „первичные“. Как на один из четырех типов „вторичных“ форм можно указать на формы регенерированные, т.е. уже изживающие-

ся или изжитые, но под влиянием каких-то факторов восстановленные в новых условиях, а потому мы не вправе считать их простым или непосредственным продолжением традиций. В этой группе не исключено воздействие традиций, хотя они уже находятся в состоянии затухания или пережиточном. Смена форм может осуществляться в результате прямого развития традиций или изжития их. В последнем случае возникают формы как сходные, так и несходные с бытовавшими ранее, но генетически с ними не связанные или связанные не непосредственно. Их-то и называют „вторичными“²⁵. Данное теоретическое положение подтверждает В. А. Александров и М. Б. Свердлов, выявившие генетическую связь между малой и неразделенной семьями. Если рассматривать неразделенную семью архаической, т.е. постоянно существовавшим пережитком первобытно-родового строя, то следует признать одновременное самостоятельное существование как малой, так и неразделенной семей. Малая семья, длительно и преобладающе существующая, отнюдь не может быть результатом распада большесемейных форм XVIII–XIX вв. Поэтому наиболее вероятен процесс создания неразделенных семей на основе малой семьи с последующим их разделом опять на малые. Только так можно проследить генетическую связь между малой семьей и теми большесемейными коллективами, которые бытовали в эпоху феодализма в форме неразделенных семей.

В. А. Александров и М. Б. Свердлов выявили также принципиальную разницу между большой патриархальной семьей и неразделенной (отцовской и братской). Она, эта разница, состоит в том, что первая форма в условиях более ранних общественных отношений бытовала постоянно – как определенный институт, а вторая, в эпоху феодализма, систематически регенерировалась на основе малой, затем, через относительно короткое время, сама распадалась на те же малые. История неразделенных семей как вторичных образований свидетельствует об их подчиненности семье малой. Поэтому оба автора вполне справедливо предлагают называть сложную семью эпохи феодализма неразделенной, генетически, стадильно и терминологически не связанной с большой семьей периода распада родового строя²⁶.

В целом можно сказать так: согласно прежним концепциям, семья эволюционировала в направлении от распада большой патриархальной на неразделенные, а эти неразделенные – на малые, последняя концепция отличается от прежней в корне. Большая патриархальная семья, согласно ей, уступает место малым индивидуальным, служащим основой для регенерирования неразделенных семей, разлагающихся на те же малые. Для феодализма не характерны большие патриархальные семьи. Но под влиянием социально-экономических и политических факторов на основе малой семьи происходит восстановление изжитой формы се-

мы в виде неразделенной, но не являющейся простым продолжением традиции, генетически не связанной с большой семьей.

Аналогичное явление наблюдается и в башкирской семье. Неразделенная семья существовала в период господства малой и регенерировалась на основе последней в разных типах – отцовской, братской, дяди – племянника. В XVIII – первой половине XIX в. у башкир не было большой патриархальной семьи, параллельно существовавшей с малой. Место большой семьи еще в далеком прошлом заняла малая индивидуальная.

Настоящее положение убедительно передает нижеследующая таблица (см. табл. 3). Данные об изменении типов семей на основе малой в трех башкирских деревнях, полукочевые жители которых в течение первой половины XIX в. постепенно переходили к земледельческому хозяйству, почерпнуты из материалов VII–X ревизий¹⁹.

Как видим, в 1816 г. из 23 семей 22 (95,7%) относились к малой (родители и несовершеннолетние дети), лишь одна семья – к неразделенной (отцовской). Через 18 лет доля малых семей сокращается до 10, или 43,4%, в то время как неразделенные увеличиваются до 13, или 56,6%. Ревизия 1850 г. свидетельствует о развитии неразделенных семей на основе малых: их доля достигает теперь 60,9% (14 семей), доли последних сократилась до 39,1% (9 семей). По X ревизии каждая пятая семья малая.

Тот же процесс регенерирования неразделенных семей на основе малых наблюдается на примере деревни Туксанбаево (см. табл. 4), родины выдающегося башкирского поэта-просветителя второй половины XIX в. Мифтахетдина Акмуллы (1831–1895).

В 1816 г. из 20 семей малые составляли 19 (95%), в 1834 г. – 10 (50%), в 1850 г. – 7 (35%), в 1859 г. – 6 (30%). Зато доля неразделенных семей увеличилась с 5% (1 семья) в 1816 г. до 65% (13 семей) в 1859 г.

В соседней деревне Канькаево – аналогичное явление (см. табл. 5). Здесь на основе малой семьи также возникали неразделенные семьи, причем первые уступили последним ведущую позицию.

Приведенные таблицы об изменении форм семей наглядно обнажают смену их форм и тем самым подтверждают концепции В. А. Александрова и М. Б. Свердлова. В 1816 г. в трех деревнях насчитывалось от 71 до 95,7% малых семей. Приведенные цифры неопровержимо говорят о господствующем положении такой формы семьи. В 1834 г. ее доля сократилась от 32,2 до 50%, в 1850 г. – от 25,8 до 39,1%. И это произошло из-за того, что на основе малой семьи возникли неразделенные семьи разных типов. Так, в 1816 г. в трех деревнях увеличилась доля неразделенных семей от 1 до 29,15, в 1834 г. – от 50 до 68,8%, в 1850 г. – от 60,9 до 70,9%, в 1859 г. – от 65 до 79,6%. Малая семья уступила, таким обра-

зом, свое господствующее положение неразделенной семье. Причиной этому послужило, вероятно, чрезвычайное положение башкир в 1798–1865 гг., а именно перевод их из гражданского сословия в военное в период кантонного управления в Башкирии, в результате чего резко уси-

Таблица 3

Изменение типов семей на основе малой в дер. Азнаво Кулинь-Минской волости Белебеевского уезда Оренбургской губернии (с 1865 г. – Уфимской)

№№ семей	Даты ревизских сведений и типы семей				
	1816	1834	1850	1859	
1	малая	отцовская	отцовская	отцовская	
2	малая	отцовская	братская	дядя-племянник	
3	малая	малая	малая	отцовская	
4	малая	отцовская	малая	малая	
5	малая	малая	малая	братская	
6	малая	малая	малая	малая	
7	малая	отцовская	отцовская	братская	
8	малая	малая	братская	братская	
9	малая	малая	братская	отцовская	
10	малая	отцовская	малая	выбыли	
11	малая	малая	малая	отцовская	
12	малая	малая	малая	дядя-племянник	
13	малая	отцовская	отцовская	малая	
14	малая	малая	малая	отцовская	
15	малая	братская	братская	малая	
16	малая	отцовская	братская	братская	
17	малая	отцовская	отцовская	братская	
18	малая	отцовская	братская	отцовская	
19	малая	малая	отцовская	братская	
20	малая	отцовская	отцовская	братская	
21	малая	отцовская	отцовская	братская	
ИТОГО:					
малая	абс.	22	10	9	5
	в проц.	95,7	43,4	39,1	21,7
отцовская	абс.	1	12	7	6
	в проц.	4,3	52,2	30,5	28,0
братская	абс.	–	1	7	9
	в проц.	–	4,4	30,4	39,2
дядя – племянник	абс.	–	–	–	2
	в проц.	–	–	–	8,8
выбыло	абс.	–	–	–	1
	в проц.	–	–	–	4,3
ВСЕГО:					
	абс.	23	23	23	23
	в проц.	100	100	100	100

лился военно-феодалный гнет башкирского населения. Регенерирование неразделенной семьи на основе малой – следствие социально-экономических, политических и военных условий означенного времени.

Таблица 4

Изменение типов семей на основе малой в дер. Туксанбаево Кулиш-Минской волости Белебеевского уезда Оренбургской губернии

№№ семей	Даты ревизских сказок и типы семей			
	1816	1834	1850	1859
1	малая	малая	малая	малая
2	малая	отцовская	братская	братская
3	малая	братская	братская	братская
4	малая	братская	братская	братская
5	малая	малая	братская	братская
6	малая	дядя-племянник	братская	братская
7	малая	братская	братская	братская
8	малая	малая	братская	малая
9	малая	малая	братская	братская
10	малая	братская	братская	братская
11	малая	братская	дядя-племянник	братская
12	малая	малая	дядя-племянник	братская
13	отцовская	братская	малая	вымерла
14	малая	братская	братская	братская
15	малая	дядя-племянник	малая	братская
16	малая	малая	дядя-племянник	братская
17	малая	малая	малая	малая
18	малая	малая	малая	малая
19	малая	малая	малая	малая
20	малая	отцовская	братская	братская
ИТОГО:				
малая	абс. 19 в проц. 95,0	10 50,0	7 35,0	6 30,0
отцовская	абс. 1 в проц. 5,0			
братская	абс. - в проц. -	6 30,0	10 50,0	10 50,0
дядя-племянник	абс. - в проц. -	2 10,0	3 15,0	3 15,0
вымерла	абс. - в проц. -			1 5,0
ВСЕГО:	абс. 20 в проц. 100	20 100	20 100	20 100

Таблица 5

Изменение типов семей на основе малой в дер. Камасево Кулиш-Минской волости Белебеевского уезда Оренбургской губернии

№№ семей	Даты ревизских сказок и типы семей			
	1816	1834	1850	1859
1	малая	малая	малая	малая
2	малая	отцовская	отцовская	братская
3	малая	отцовская	братская	братская
4	отцовская	малая	малая	братская
5	малая	малая	малая	малая
6	отцовская	братская	братская	дядя-племянник
7	отцовская	отцовская	малая	малая
8	малая	отцовская	братская	братская
9	малая	малая	братская	братская
10	малая	братская	братская	братская
11	малая	малая	отцовская	братская
12	малая	отцовская	братская	братская
13	малая	отцовская	братская	братская
14	братская	братская	малая	малая
15	малая	отцовская	братская	братская
16	отцовская	отцовская	братская	братская
17	малая	братская	братская	братская
18	отцовская	отцовская	отцовская	отцовская
19	малая	братская	братская	братская
20	отцовская	братская	братская	дядя-племянник
21	малая	малая	малая	малая
22	отцовская	отцовская	братская	братская
23	малая	малая	малая	малая
24	малая	братская	отцовская	братская
25	малая	отцовская	братская	братская
26	малая	малая	вымерла	-
27	малая	отцовская	братская	братская
28	малая	малая	братская	дядя-племянник
29	братская	братская	братская	братская
30	малая	отцовская	братская	братская
31	малая	малая	малая	малая
ИТОГО:				
малая	абс. 22 в проц. 71,0	10 32,3	8 25,8	7 23,3
отцовская	абс. 7 в проц. 22,5	13 41,9	4 12,9	1 3,3
братская	абс. 2 в проц. 6,5	8 25,8	18 58,0	19 61,4
дядя-племянник	абс. - в проц. -	-	-	3 10,0
вымерла	абс. - в проц. -	-	1 3,3	-
ВСЕГО:	абс. 31 в проц. 100	31 100	31 100	30 100

О возросшей доле неразделенных семей говорит и средняя населенность крестьянского двора (см. табл. 6). Ее можно вычислить, если известно число дворов и количество людей в них⁴⁹.

Выходит, за 43 года средняя населенность семьи увеличилась на 6,3 души, т.е. увеличилась от 6 до 12,8. Что же касается типов неразделенных семей, то можно со всей уверенностью сказать, что в дер. Туксанбаево отцовская семья (всего 1-2) не в почете. Зато сравнительно большее распространение получила братская семья (всего 6-10). В двух других деревнях – та же картина: отцовская семья постепенно теряет свои позиции в пользу братской. Весьма редок тип неразделенной семьи дядя-племянник. В трех деревнях зафиксировано их 8.

Таблица 6

Населенность двора в трех деревнях Белебеевского уезда

Даты ревизских сказок	На 1 двор приходится душ обоого поля в деревнях			В среднем на 1 двор
	Туксанбаево	Азнаево	Каныкаево	
1795 г. человек / семей	4 61 / 15	-	-	-
1816 г. человек / семей	6,2 124 / 20	5,7 132 / 23	7,5 231 / 31	6,5
1834 г. человек / семей	8,4 167 / 20	8,8 211 / 23	10,5 326 / 31	9,2
1850 г. человек / семей	10,3 205 / 20	12,8 309 / 23	12,4 387 / 31	11,8
1859 г. человек / семей	11,6 232 / 20	12,7 292 / 23	13,6 423 / 31	12,8

Данные за 43 года (1816-1859 гг.) обнаруживают распад неразделенных семей на малые. И явление это весьма редкое. Дер. Азнаево фиксирует такой процесс только в двух семьях из 23, дер. Туксанбаево – в одной семье из 20, Каныкаево – в трех из 31. Массовый распад неразделенных семей на малые произошел после отмены кантонной военно-феодальной системы управления в Башкирии и последовавшего в 1865 г. перевода коренного населения в гражданское сословие. Об этом наглядно говорят данные за 1866 г. На 1 двор приходилось в Верхнеуральском уезде 6,1 человека, в Оренбургском уезде – 6,5, в Орском уезде – 6,4, в Троицком уезде – 6,0, в Челябинском уезде – 5,4 человека⁴¹.

По данным VIII ревизии в составе двора в деревнях Мензелинского уезда наблюдается следующее⁴² (см. табл. 7).

В 1834 г. на 1 двор приходилось, таким образом, у скотоводов 9,2, у хлебопашцев 6,4 душ обоого пола. Значит, неразделенная семья распространена много шире у полукочевых башкир, нежели у оседлых.

Обращает на себя внимание и обычное право [қарағат] у башкир. Оно четко различало неразделенную и малую семью. Общество интересовало не населенность семьи, а количество обеих форм семей. Единицей фискального обложения и служила семья. Поэтому различные денеж-

ные и натуральные сборы, наряд на военную службу производились с количества семей (дворов). Главы неразделенных и малых семей – юридически ответственные лица перед общиной.

Таблица 7

Населенность двора в Мензелинском уезде

Деревни	На 1 двор душ обоого пола	Душ обоого пола	Кол-во дворов
Балтаево	9,1	163	18
Балтаево	10,2	102	10
Зинчино	9,2	425	46
Калмаево	5,7	255	45
Каратово	5,5	132	24
Курмаево	10,3	246	24
Курмаево	10,3	246	18
Суксы	5,5	431	79
Шабыз	5,2	325	63
Челканарат	5,1	471	92
ВСЕГО	6,4	2662	419

Малую семью, состоящую из родителей и их несовершеннолетних детей, на аульном и волостном сходках представлял ее глава – отец семейства, который считался волостным человеком, или вотчинником (ацаба). И он пользовался определенными правами, обязанности у него были довольно большие.

С неразделенной семьей дело обстоит иначе. Она включала в себя несколько малых семей, но составляла один двор, а потому в общественной жизни аула или волости представлял ее только один человек – глава сложной семьи, старший из мужчин. Он и был волостным человеком. Как вотчинник (были и припущенники – ебаралмеш – из башкир, которых по VIII ревизии насчитывалось свыше 66 тыс.)⁴³ он мог участвовать в продаже и аренде волостной земли.

В то же время главы малых семей, хотя и входили в неразделенную семью, не считались волостными, т.е. вотчинниками. Вот что говорит об этом обычное право: «... неотделенные же от отцов дети и жившие у дядьев и братьев... волостными людьми почитаться не властны»⁴⁴. Причиной этому было то, что малые семьи в составе неразделенной никогда не были объектом правительственного тягла. Поэтому они не несли ни государственных, ни общинных повинностей. Башкиры говорили, что такие семьи «никаких служб мирских и тягостей не исправляют»⁴⁵. Главы таких семей как люди не волостные и не имеющие обязанностей лишены были и всяких прав. Так, например, они не могли участвовать в продаже и аренде волостной земли. Только после раздела (выдела) и об-

заведения своим домом и хозяйством бывшие неравноправные семьи приобретали права и обязанности полнокровной малой семьи.

К сказанному следует добавить, что обычное право противоречило русскому законодательству по вопросу о том, кого считать юридически членом общины. Если обычное право утверждало, что „количество владельцев или волостных людей почитать столько же, сколько в волости числится дворов“⁴⁰, то указы царского правительства в фискальных целях требовали признать таковыми всех взрослых мужчин. Обычное право, как видим, фиксирует общий процесс распада неразделенной семьи. Башкиры всех дорог, или областей (Казанская, Ногайская, Сибирская и Осинская) в 1734 г. через своих представителей обратились в Правительствующий Сенат с просьбой о том, чтобы „отделившихся от отцов детей, а от братьев – братьев, кои живут без платежа ясака, положить в ясах по старым их обычаям, как другие их братья в ясак обложены, и написать в окладную книгу“⁴¹. То же самое утверждали в 1763 г. старшины Ногайской дороги в письме к оренбургскому губернатору Д. В. Волкову, добиваясь разрешения держать крепостных крестьян в своих хозяйствах из-за того, что „сыновей более 20 лет отцы при себе не держат, ибо, оженя и сделав особый дом, отпускают“⁴².

Как явствует из приведенных примеров, и в неразделенной, и в малой семьях, прежде чем женить сына или племянника, отец или старший брат заранее строил дом для него. Любопытно отметить, что по-башкирски „женитьба“ – *әйләнер* – буквально означает „обзаводиться домом“⁴³.

В историко-этнографической литературе вопрос о существовании в прошлом у башкир больших семей считается нерешенным. Принято думать, что у них издавна господствовала малая семья⁴⁴. Однако это несколько не противоречит тому, что в родовом строе ее место занимала большая патриархальная семья. Малая семья являлась основой для регенерации неразделенной семьи. Последняя, в свою очередь, некоторое время спустя и распадалась на малые семьи. В литературе почти не найдены конкретно-исторических сведений о наличии у башкир семей из нескольких поколений. Тем интереснее будет ознакомление с типами неразделенных семей.

Отцовская семья – это семья, когда женатые сыновья живут вместе с родителями. По VI ревизии в дер. Юлбердино Оренбургского уезда в семье Зиянгула Рышева 68 лет (жене тоже 68 лет), совместно проживали семьи его сыновей: Байгильды 35 лет (жене – 38, 2 дочери), Буранбая 34 лет (жене 17 лет), Зянтили 30 лет (жене – 24 года, дочь). Были там и взрослые неженатые сыновья Зиянгула – Ильязар 23 лет, Акназар 24 лет, Байназар 27 лет⁴⁵.

Совместно жили и женатые братья, а также женатый сын одного из них (братская семья). Об этом свидетельствует семья Кашкара Байназарова 41 года из дер. Абзаново того же уезда. Она состояла из следующих лиц: жены главы семьи Тасук 44 лет, сыновей Кашкара – Мягадия 26 лет, его жены Умирбики 21 года, Салиха 20 лет, Ситдика 12 лет; первого брата Кашкара походного сотника Ямгырсы 37 лет, его жены Бики 44 лет, детей Ямгырсы – дочери Асмы 14 лет, сыновей Тажитдина 17 лет, Камалетдина 10 лет, Мансура 8 лет, Ибрагима 1 года; второго брата Кашкара Бурансы 39 лет, его жены Жамили 29 лет, дочерей Разии 7 лет, Сагуры 4 лет, Фаризы 2 лет, сыновей Исхака 9 лет, Галиакбера 1 года. Эта неразделенная семья из четырех малых семей состояла из 20 членов с числом взрослых мужчин 6 человек⁴⁶. В дер. Тлягулово двоеженец Юлгильде Кучербаев жил вместе с женатым братом (братская семья). В том же ауле совместно проживали братья Мамбет 51 года и Мукач 45 лет Мукишевы, причем последний имел 2 жены (братская семья)⁴⁷.

Есть случаи, когда семьи двоюродных братьев составляли одну братскую семью. В том же уезде в дер. Бикбулатово семья Якшимбета Ишкаева включала семьи Алчинбая 54 лет, Лачина 55 лет, неженатых – Кутлубудды 16 лет, Ишбудды 17 лет Бастубаевых⁴⁸.

Иногда семьи родителей и женатых сыновей, а также племянников главы семьи представляли перед обществом один двор, т. е. неразделенную семью (дядя – женатые сыновья – племянники).

Семья Ишалы Юртабагушева 69 лет в дер. Бексентеево Мензелинского уезда в 1816 г. состояла из сыновей Ильяс 46 лет, Хисаметдина 33 лет, Габдулшарифа 22 лет, Габдулвали 20 лет; племянников Ишалы – Габдулнасыра 23 лет, Нигаманасыра 19 лет Мадияровых; походного старшины Мисифуллы 33 лет, азанчей Нигаметуллы 33 лет, Гайнуллы 23 лет, Махмута 9 лет, Зайнуллы 7 лет Масягутовых; Ахмадия 25 лет, Мухаметгали 11 лет Салиховых; детей Ильяс – Гибадуллы 26 лет, Фаткуллы 12 лет, Фазуллы 8 лет; детей Хисаметдина – Мухаметшарифа 10 лет, Мухаметмукима 6 лет; детей Мусифуллы – Гисматуллы 22 лет, Хифаушира 11 лет; детей Нигаметуллы – 2, 5, 9 лет; сына Гайнуллы Садретдина 1 года. Таким образом, семья Ишалы Юртабагушева объединяла 7 малых семей. В них было 27 мужчин, в том числе взрослых – 13⁴⁹. В дер. Тлягулово Оренбургского уезда VII ревизия зафиксировала точно такую же семью сотника Бикчуры Байгузина 50 лет, имевшего трех жен, в составе трех малых семей двух женатых сыновей и племянников. В этой семье было 14 человек⁵⁰. Тогда же в дер. Апасево того же уезда семья Бикберды Азнагулова 75 лет (второй жене – 26 лет), объединяла три семьи сыновей – Абсалыма 55 лет (жене его 53 года, имел 4 сыновей и дочь), Алигула 37 лет (жене 32 года, имел 4 сыновей и дочь), Муксин 34 лет

(жене 32 года, дочь) и двух семей племянников главы семьи Арсланбая Юсупова 50 лет (жене 30 лет, 2 дочери и 3 сына) и Гузенра Габдулкаримова 34 лет (жене 30 лет, 4 дочери). Жил там и брат Гузенра Чингиз 21 года⁶⁷. Такую же картину видим в дер. Иткабыдова того же уезда. В семье Давлетши Махмудова 61 год жили женатые 2 сына и 2 племянника и взрослый холостой племянник⁶⁸.

Отдельные семьи отличались весьма сложным составом. Семья Утяпа Янузакова 35 лет из дер. Бикбердино Оренбургского уезда состояла из малых семей его старшего брата Ильяска 44 лет, дяди Утяпа Бижана Утямешева 40 лет и двух женатых братьев последнего – Миндяша 34 лет, Акташа 33 лет. В этой же семье жили мать Бижана Айбика 60 лет, взрослые и несовершеннолетние братья Бижана Избасар 31 года, Сементай 20 лет, Яубасар 18 лет, Чирикли 15 лет, Бурейбай 3 лет. 5 малых семей составляли одну неразделенную, где было 10 взрослых мужчин⁶⁹. Встречалась и неразделенная семья в составе семей племянника и его дяди. В тех краях в дер. Гумерово Зюмали Кангулов 26 лет, имевший жену, двух сыновей и мать, жил с дядей Ишбаем Чемирбасевым 75 лет (жене 70 лет, двое детей)⁷⁰. Все эти материалы в какой-то степени созвучны высказываниям П. И. Рычкова, правда, несколько преувеличенным и относящимся к концу 50-х годов XVIII в. „В хажлом дворе у них (т.е. у башкир. – А. А.) обыкновенно несколько семей“, – писал он⁷¹.

Теперь – о количественной стороне. Сведения о формах семьи дают материалы VI–VIII ревизских сказок, зафиксировавших численность коренного населения Оренбургской губернии с учетом состава семьи, с указанием пола и возраста ее членов.

Начнем с Зауральской Башкирии, где господствовало полукочевое скотоводство. В 1816 г. в 29 деревнях Оренбургского уезда из 647 семей по своей форме и структуре 120 семей (18,5% от всех семей) являлись неразделенными, остальные 527 (81,5%) составляли малые⁷². В Верхнеуральском уезде в 3 деревнях из 143 семей к неразделенным принадлежало 25 (17,4%)⁷³. Доля малых семей у полукочевых башкир Оренбургского уезда составляла почти 58%, и доля неразделенных семей – около 40% (см. табл. 8).

У башкир-полукочевников Белебеевского уезда господствовала сложная семья (см. табл. 9).

Таблица эта подводит нас к выводу о том, что у полукочевых жителей в значительной мере распространена была неразделенная семья.

В Бугульминском уезде, где свыше 80% башкир жили оседло, неразделенная семья встречалась редко. В 5 деревнях уезда из 150 семей только две неразделенные⁷⁴.

От этих районов несколько отличается исключительно оседлый земледельческий район – Мензелинский уезд. В 46 деревнях Байларской, Гарейской и отчасти Сарали-Минской волостей уезда проживало 808 се-

мей, из которых 123 – неразделенные, и это составляло 15,2% от всех семей⁷⁵. В Северо-западной Башкирии у оседлого коренного населения свыше 10% семей тоже неразделенные. Так, в Енейской, Киргизской во-

Таблица 8

Формы семьи у полукочевых башкир Оренбургского уезда Оренбургской губернии (IX башкирского кантона) по VIII ревизии⁷⁶

№ п/п	Деревня	Количество форм семьи				вымерло	всего
		малая	неразделенная				
			отцовская	братская	дяди-племянник		
1.	Алтабердино	48	11	4	2	–	65
2.	Арсланово	12	12	8	2	–	34
3.	Аустаново	20	5	3	–	–	28
4.	Ахметово	13	5	8	1	1	28
5.	Альчикеево	39	15	4	–	3	61
6.	Бабаларово	22	4	1	–	–	27
7.	Батырово	26	10	1	–	4	41
8.	Биктемирово	43	11	6	2	2	64
9.	Бижбаево	7	5	9	–	–	21
10.	Давлеткудово	12	10	8	–	1	31
11.	Исмаево	3	3	5	2	–	13
12.	Имангулово	70	14	10	–	14	108
13.	Исангулово	21	14	10	–	1	46
14.	Иткабылово	23	5	1	1	–	30
15.	Кабачево	37	8	5	4	2	56
16.	Калтаево	30	1	8	1	–	40
17.	Карагуля	17	4	3	–	–	24
18.	Кашкарово	7	5	4	–	1	17
19.	Киззябаево	19	4	2	–	–	25
20.	Киззябызово	41	14	–	1	–	56
21.	Кульчумово	9	7	13	–	3	32
22.	Кутлумбетово	4	3	8	2	–	17
23.	Максатово	13	3	9	2	–	27
24.	Мраково	23	9	18	–	1	51
25.	Мурапталово	19	4	1	1	–	25
26.	Мугалово	13	12	17	2	1	45
27.	Песочино	1	–	3	–	–	4
28.	Песочино	30	4	2	1	–	37
29.	Райманово	24	10	8	1	2	45
30.	Сарыаташево	28	6	8	–	1	43
31.	Сасыкулово	14	5	7	2	1	29
32.	Сивсанбаево	10	10	4	–	–	24
33.	Таймасово	32	8	8	3	–	51
34.	Туканево	11	5	3	1	–	20
35.	Тумбетово	26	10	17	2	–	55
36.	Тумачино	14	5	15	–	–	34
37.	Тюлябаево	24	2	8	–	–	34
38.	Юлашево	12	8	17	4	–	41
39.	Ялчино	18	9	7	1	1	36
40.	Якшибетово	31	10	4	–	1	46
41.	Якшибетово	50	13	7	–	–	70
42.	Ямангулово	19	7	5	1	1	33
–	ВСЕГО:	935	310	289	39	41	1614
–	в проц.	57,9	19,2	18,0	2,4	2,5	100

Таблица 9

Формы семьи у башкир Белобеевского уезда по VIII ревизии

Деревни уезда	всего семей	Количество и типы семей по VIII ревизии 1834 г.							
		малая		сложная				дядь-племянник	
		абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
Азнаево	23	10	43,4	12	52,3	1	4,3	-	-
Каныкаево	31	10	32,3	13	41,9	8	25,8	-	-
Тухалбаево	20	10	50,0	2	10,0	6	30,0	2	10,0
ВСЕГО:	74	30	40,5	27	36,4	15	20,2	2	2,9
59,5%									

Таблица 10

Формы семьи у оседлых башкир Гайнинской волости Осинского уезда Пермской губернии (1 башкирского кантона) по VIII ревизии⁶⁶

№ п/п	Деревни	Количество форм семей				вымерло	всего
		неразделенная					
		малая	отцов-ская	брат-ская	дядь-племянник		
1	Акбашево	57	7	-	-	-	64
2	Батырбаево	28	2	2	-	-	32
3	Барда	19	10	4	1	-	34
4	Борда	139	19	15	1	-	174
5	Бордабашево	12	-	-	-	-	12
6	Березниково	74	14	8	2	-	98
7	Верхшамолово	11	1	-	-	-	12
8	Новошамолово	25	5	1	-	-	31
9	Елманта	87	28	26	4	-	145
10	Ишаново	62	8	1	-	-	71
11	Ишметьево	21	2	1	1	-	25
12	Искрево	26	4	-	-	-	31
13	Капово	33	7	3	-	1	44
14	Красноярво	60	8	5	1	-	74
15	Кудашево	31	-	-	-	-	31
16	Кузьмьярово	85	12	4	1	-	102
17	Маматаево	14	-	-	-	-	14
18	Мостово	22	3	2	-	-	27
19	Новобичурини	61	13	5	-	-	79
20	Новокайтано	17	1	-	-	-	18
21	Сарицево	90	20	8	-	-	118
22	Старокайтано	31	-	-	-	-	31
23	Султанасево	91	8	3	-	-	102
24	Танылово	22	2	-	-	-	24
25	Усть-Тунтар	91	10	-	-	-	101
26	Уймузяево	25	6	12	2	-	45
27	Федоровна	20	10	8	-	-	38
28	Чалково	29	2	3	-	-	34
29	Чювашево	13	2	-	-	-	15
30	Шарши	100	15	1	-	-	117
ВСЕГО		1396	219	113	14	2	1744
в %		80,0	12,6	6,3	0,8	0,1	100

постях Сарапульского уезда Вятской губернии из 44 деревень неразделенные семьи имелись в 34 аулах, где их насчитывалось до 84 от общего числа семей в 671 единицу (12,5%)⁶⁶.

Обратимся к Осинскому уезду. У оседлых башкир-гайнинцев господствовала малая семья (80%). Пятая часть всех семей сложная. Иначе говоря, сравнительные данные о формах семей по двум уездам – Оренбургскому и Осинскому – показывают, что у оседлых башкир неразделенная семья встречалась вдвое реже, чем у полукочевников. Данный вывод подтверждают и материалы по оседлым башкирам Мензелинского уезда (ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 469).

Таблица 11

Формы семьи у башкир Мензелинского уезда по VIII ревизии

Деревни	Количество и типы семей по VIII ревизии								Вымерло		
	всего	малая		сложная							
		абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.			в %
Балтасево	18	10	55,5	5	27,8	1	5,6	2	11,1	-	-
Балтасево	10	3	30,0	5	50,0	2	20,0	-	-	-	-
Зияшево	47	14	30,4	21	45,7	11	23,9	-	-	1	2,1
Калмашево	48	42	93,3	3	6,7	-	-	-	-	3	6,3
Каратово	25	21	87,5	2	8,3	1	4,2	-	-	1	4,0
Курмашево	25	8	33,3	12	50,0	4	16,7	-	-	1	4,0
Курмашево	18	13	72,2	4	22,2	1	5,6	-	-	-	-
Суксы	79	64	81,0	12	15,2	2	2,5	1	1,3	-	-
Шабьы	63	54	85,7	9	14,3	-	-	-	-	-	-
Челпанарат	94	84	89,5	7	7,4	1	1,0	-	-	2	2,1
ВСЕГО	427	313		80		23		3		8	
в %	100		73,3		18,8		5,3		0,7		1,9
24,8%											

Сложная семья у оседлого населения Мензелинского уезда составляла, как видим, четвертую часть всех семей.

Приведенный статистический материал в целом со всей очевидностью констатирует, что местные жители повсеместно знали обе формы семьи. Однако степень распространения неразделенных семей неодинакова. В литературе существует мнение о том, что большая семья сохраняется у оседлых народов более стойко, нежели у полукочевых и кочевых обществ⁶⁶. Башкирский материал не согласуется с этим. Как уже видели, в западных и северо-западных уездах края – в сравнении с зауральскими – доля неразделенных семей была незначительной. Сведения о неразделенных семьях по хозяйственным районам красноречиво говорят о том, что оседлым башкирам неразделенные семьи были менее известны, чем полукочевникам. Во всяком случае в последующий период (вслед за VI–VII ревизиями) наблюдается резкое снижение доли неразделенных семей у

оседлых башкир. И это позволяет сделать вывод о том, что в Зауральской Башкирии неразделенная семья у полукочевых общинников была более устойчивой организацией, чем у башкир-земледельцев в Западной Башкирии⁷⁰.

Вывод этот подтверждается и данными из истории семьи мишарей Оренбургской губернии по VIII ревизии.

Таблица 12

Соотношение форм семей у мишарей по VIII ревизии

Уезды	Количество			Неразделенная семья в %
	деревень	дворов (семей)	в том числе неразделенных	
Барский	140	3 792	196	5,2
Уфимский	84	3 319	324	8,5
Белобогский	87	2 948	162	5,5
Стерлитамакский	42	1 243	77	6,3
ВСЕГО	357	11 824	749	6,3

Как видим, неразделенные семьи и у башкир-хлебопашцев, и у мишарей-земледельцев были распространены почти в равной мере, но они встречались сравнительно реже, чем у башкир-полукочевников. Из 11824 мишарских семей 749 относились к неразделенным семьям, что составляло 6,3% от всех семей. Эта цифра почти совпадает с долей неразделенных семей у оседлых башкир Мензелинского уезда за 1834 г. Стало быть, фактические данные не подтверждают выводы тех исследователей, которые утверждают, что «... наиболее характерные примеры о больших семьях относятся в основном к Западной Башкирии... в Восточной Башкирии она была менее устойчивой, менее прочной, чем в Западной Башкирии»⁷¹. На деле же неразделенные семьи в большей степени встречались у полукочевых башкир, нежели у оседлых. Объяснение этому следует искать в том, по-видимому, что раздел скота в случае отделения женатых сыновей крайне отрицательно сказался бы на дальнейшей судьбе полукочевоего скотоводческого хозяйства. Помимо всего прочего, исполнение государственных повинностей каждым двором (семьей) в отдельности служило одной из причин регенерации неразделенных семей у всех башкир, как оседлых, так и полукочевых. Но главное в том, что неразделенная семья была более связана с общиной (волостной) земельной собственностью, в то время как малая семья – с ее подразделением – тюрбной (аймачной), аудальной собственностью, повыгьем (жеребьем, паем, акланом, тарлау), получившими сравнительно огутное распространение у земледельчес-

ких башкир, нежели у кочевых⁷². Из приведенных материалов вытекают следующие выводы.

Для феодализма не характерна большая патриархальная семья, тесно связанная с коллективной собственностью на средства производства. В период распада родового строя она уступает свое место малой индивидуальной семье, вызванной к жизни господством частной собственности. На основе малой семьи регенерируется неразделенная семья в зависимости от действия определенных социально-экономических и военно-политических факторов. Поэтому сложная (неразделенная) семья ни генетически, ни стадильно, ни терминологически не связана с большой патриархальной семьей эпохи распада родового общества. В период кантонного управления в 1798–1865 гг., когда башкиры (и мишари) находились в военно-казачьем сословии и выполняли обременительные повинности, заметно увеличилась доля неразделенных семей за счет малых. Такая эволюция в формах семьи сделала ее значительно титлоспособной. Однако после упразднения кантонного управления и перевода башкир снова в гражданское сословие малая индивидуальная семья возвращает себе былое господствующее положение. Неразделенная семья, более известная у полукочевых башкир, чем у оседлой их части, вынуждена была перейти во всех хозяйственных районах на второстепенную позицию.

Выяснив степень распространения и соотношение форм семьи у башкир, можно перейти к институтам экзогамии и эндогамии.

⁷⁰ Афанасьев А. Т. Крестьянский двор как социальная ячейка башкирского аула // XXV съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-экономическое развитие деревни). XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 30 сентября – 3 октября 1982 г. Часть II. М., 1982. С. 173–177. ⁷¹ Там же. Крестьянский двор как социальная ячейка башкирского аула // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. (Социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984. С. 352–360.

ЭКЗОГАМИЯ И ЭНДОГАМИЯ

В развитии семейно-брачных отношений большую роль играла экзогамия (от греч. экзо – вне, снаружи и гамос – брак, т.е. запрет брачных отношений между членами родственного коллектива). Экзогамия возникает в родовом обществе и характерна для рода. В материнском роде родство велось по женской линии, поэтому в силу экзогамных норм брак был абсолютно запрещен для мужчины со всеми родственницами матери, однако брак мог иметь место даже с ближайшими родственницами отца. Затем и в отцовском роде экзогамия еще являлась правилом в силу традиции. Теперь родство велось по отцовской линии. Экзогамия сохраняется и в преемнице отцовского рода – большой патриархальной общине. В то время экзогамия стала нарушаться. Это привело к нарушению запрета женитьбы на родственницах как со стороны отца, так и со стороны матери. Оставались запретными в брачном отношении лишь союзы с родственницами, ведущие к прямому кровосмешению. Сохраняются некоторые виды браков в различных поколениях.

У одних народов со временем экзогамия исчезает, у других она сохраняется в пережиточной форме. К последним относятся и башкиры.

Брак у башкир регулировался экзогамными ограничениями, т.е. жену брали из другого рода (волости). И родовая экзогамия все еще встречалась в XVIII–XIX вв. Дополнительно известно, что чиновники кантонного и волостного управлений стремились брать жен из другой волости и кантона (уезда). Так, например, Салима Сагитова из дер. Тавлукаево Бурзянской волости Верхнеуральского уезда в 1818 г. засватана была за сотника Мухамета Ибраева из дер. Ишкулово Тангаурской волости²².

По мере развития производительных сил общества родовая экзогамия заменялась экзогамией родовых подразделений (аймак или тюба, ара), т.е. стали брать жену из одного рода, но из другого аймака (тюбы). Браки заключались между представителями различных аймаков (тюб) одного рода (волости). Затем они совершались и между лицами одного аймака, но двух различных ара (родственными группами семей). По сообщениям информаторов Габита Муталлапова (1903 года рождения),

Халфетдина Туйсина (1904 года рождения) и Давлеткильде Асмандиярова (1915 года рождения), в деревне Чингизово (ныне Баймакский район РБ) представители таких ара, как *кэзэкэй, хускар, сеуэтэ, сеуелдэк, сүкеш, таз, татар, төрөй* не только в отдаленном прошлом, но и в ближайшем для нас время могли заключать между собой браки. А каждый ара объединял 6–12 родственных семей. В дер. Иткулово 1-е Бурзянской волости браки оформлялись между такими ара, как *башмах, хыумх, хурмас, сөтэй, сонтор хазы, сымхан, сытырых, төлкө*. В дер. Верхнее Яикбаево (Верхнее Нугаево), по словам информатора Гайнияма Сабитовой (1898 года рождения), брачные связи устанавливались между такими ара, как *айыу, бүкэн, сәкэнэй, тартай, теуэлбай, тумыртха*. Брак не мог быть заключен между представителями одного ара потому, что они считались близкими родственниками. Г. Сабитова поведала интересную деталь: представители одноименных трех ара *сәкэнэй* в деревнях Верхнее и Нижнее Яикбаево (ныне Баймакский район) и Абдряшево-Нугаево (по р. Кизил в нынешнем Абзелиловском районе) не могли заключать брачный союз, ибо они считались кровнородственными группами. Еще один характерный штрих: дер. Нугаево по р. Кизил выделилась из дер. Верхнее Яикбаево, а потому ее жители предпочитали брать невесту не оттуда. Экзогамные отношения свое яркое отражение получили и в пословице *„Алыстан ат алма, атындан хыз алма“* (издалека не бери лошадь, поблизости – невесту). В целом у башкир сохраняется поколенная форма экзогамии. Это полностью отражено в поговорке: *„Тыугандан тыуыр ейэнсәр, ейэнсәрҙән тыуыр бүләсәр, бүләсәрҙән тыуыр тыуасар, тыуасарҙән тыуыр тыуят, тыуяттан тыуыр етеят“* (От кровной родственницы родится ейэнсәр (внучка), от ейэнсәр родится бүләсәр (правнучка), от бүләсәр родится тыуасар (праправнучка), от тыуасар родится тыуят (прапраправнучка), от тыуят родится етеят (прапрапраправнучка, т.е. чужая). Брак до 7 колена запрещался. Недаром одна из поговорок гласит: *„Ете атаға еткәс, хыз бауыры алышһына“* (дойдя до 7 колена [отца], девушка становится чужой), т.е. с ней можно заключить брачный союз. Еще в начале 60-х годов XIX в. поколенная экзогамия – повседневная реальность. Вот характерный диалог между Магомметанским духовным собранием в Уфе и судебным следователем 3-го участка Саранульского уезда Вятской губернии:

– Может ли девушка вступить в брак с двоюродным прадедом, а именно с братом родного прадеда со стороны матери (т.е. мать – отец – дед – прадед – его брат, всего 5 колена) – запрашивал следователь авторитетную инстанцию.

– По шарияту мусульманка не имеет права выйти замуж даже за двоюродного прадеда как по линии отца, так и по линии матери, – ответи-

ли оттуда²⁸. Выходит, что ислам не только не вытеснил нормы полевой экзогамии по обычному праву, но и в лице духовного управления в Уфе как бы их узаконил.

По мере развития общества брак заключался с родственниками 5-6 поколений.

Эндогамия (от греч. эндо – внутри, гамос – брак) – обычай, предписывающий заключать браки в пределах племени и т.д. В первобытном обществе род был экзогамен, а племя эндогамно.

Мусульманское право – шариах – запрещает брак мусульманки с иноверцем (например, с православным), но законы Российского государства его разрешают при условии перехода ее в христианство. Переходившие в христианство люди оставляли свой аул. Переход же в ислам одного из супругов по законам империи карался каторжной работой. Поэтому весьма редко встречался конфессионально смешанный брак. Браки заключались главным образом между единоверцами. Не одобрялись и национально-смешанные браки. Браки у мусульман заключались преимущественно внутри этноса.

Что же касается башкир, то они почти всегда придерживались норм эндогамии. Браки преимущественно заключались внутри башкирского этноса. Эндогамия имела важное значение для самопроизводства этноса, ибо в этом случае сохранялась этническая однородность. Эндогамия выступала как своеобразный этнический барьер²⁹.

Вместе с тем башкиры не всегда соблюдали этот институт. Территориальная и хозяйственно-культурная близость башкир с татарами, мишарями, казахами, ногайцами, сартами и др. способствовала появлению межнациональных браков. Об этом свидетельствует широкое распространение родовых подразделений аймак (туба) или ара с этнонимами *татар, мишар, казах, каракалпак, сарт, татик (таджик), ногай*. Встречались и этнонимы немусульманских народов – *чуваш, черемис, калмык, ар (удмурт)*.

Царское правительство, боясь сближения и совместной борьбы народов против феодально-колониального гнета, всячески вмешивалось в личную жизнь своих подданных, запрещало смешанные браки. Сильному стеснению подвергал браки башкир с казанскими татарами-переселенцами указ от 11 февраля 1736 г. Разрешался брак лишь с „позволения“ казанского губернатора. „А кому, по прошению, в том позволено будет, у тех брать с каждой свадьбы по лошади драгунской, а кто без позволения женится, с таких брать по три лошади драгунских, а за другую вину действительно ссылат в ссылку“, – говорилось в том указе³⁰. Указ начальника Оренбургской экспедиции В. Н. Татищева от 4 марта 1737 г. запрещал взаимные браки между башкирами и мишарями³¹. Указом от

11 мая 1747 г. искусственные барьеры и рогатки ставились и против браков между башкирами и казахами. Особая экспедиция Оренбургской пограничной комиссии от 7 октября 1830 г. в циркулярном отношении к Магометанскому духовному собранию подтверждает указы от 1737 и 1747 гг.³² Однако запреты правительства не всегда достигали цели. Напротив, взаимодействие между западными башкирами и казанскими татарами из года в год усиливалось в различных областях жизни. Приливные (пограничные) казахи и соседние с ними южные и восточные башкиры столь тесно общались меж собой, что нередко заключали брачные союзы. И это практиковалось не только между рядовыми представителями двух народов. Известен, например, такой случай: прибывший в 1738 г. в Башкирию для подавления восстания казахский хан Малого жуза Абулхайр, вырубивший 700 семей³³, женился на дочери башкира Чюрака, жителя дер. Кутлуяолово Бузянской волости. Примеру хана последовали и его спутники – султан Ирали и батыр Кутур³⁴.

Смешанные браки создавались и насильственным путем. Так, например, после поражения восстания под предводительством Карасакала в 1740 г. карателями были розданы 1060 башкирок замуж за „верных“ правительству мишарей и башкир³⁵.

Однако смешанные браки не были характерны для подавляющего большинства башкир, эндогамия в целом не нарушалась ими. Академик Ю. В. Бромлей считает, что нарушение эндогамии в пределах 10% не сопряжено для этноса со сколько-нибудь заметными последствиями³⁶.

В то же время следует отметить, что западные (Бугульминский, Мензелинский уезды) и северо-западные (Елабужский, Сарapulьский уезды) башкиры* в этом отношении оказались менее подверженными эндогамии. Здесь определенную роль сыграли, помимо прочих факторов, тептяри, связавшие между собой вотчинников и пришлых крестьян тюркского происхождения. К 1926 г. произошла не только языковая, но и этническая ассимиляция 166 тыс. башкир вышеуказанных уездов татарами.

В литературе³⁷ причины этого явления трактуются не совсем верно. Как правило, обходят стороной вопрос о местном происхождении института тептярей. последних связывают с пришлым в Башкирию крестьянством³⁸, необоснованно причисляя тептярей к особой группе крестьян социально-этнического характера и отрицая факт присутствия башкир среди них. В результате исследователями, хотя бы они того или нет, игнорируется межэтнический процесс в Башкирии вообще, а западной ее части – в особенности. Вот почему от историков и этнографов требуется более внимательное отношение не только к происхождению термина и условиям тептярей, но и к их роли в межэтническом процессе.

* В дальнейшем речь будет идти о башкирах только данного региона.

Обратим вкратце внимание на происхождение термина и сословия припущенников и тептярей.

Институты припущенников и тептярей являются продуктом социально-экономического и политического развития башкирского общества. Порождены они вотчинным правом башкир на населенные ими земли, возникли и существовали задолго до появления переселенцев из Поволжья. Показательно, что с исчезновением этого права сошел на нет и институт припуска. Доказательством местного происхождения тептярства служит еще тот факт, что институт этот не зафиксирован нигде, кроме Башкирии, где на жалованных русскими царями землях возникла возможность припуска. Часть вотчинных общинных земель легко отчуждалась: она продавалась или отдавалась в калым или аренду. На общинные земли припускались на определенных условиях припущенники из данной или других волостей.

Припущенниками становились отдельные башкиры или волощане целой волости, потерявшие право на землю из-за определенных социально-экономических и политических причин. Его лишались активные участники восстаний⁸⁶. В результате захвата вотчинных земель Златоустовским, Мияским, Саткинским, Юрюзань-Ивановским и др. заводами на положение припущенников, например, перешла часть кара- и бара-табынцев⁸⁵, сызгинцев⁸⁶, айлинцев и куваканцев⁸⁷. Непригодная для хозяйственной эксплуатации болотистая или гористая местность в отдельных вотчинах вынужденно оставлялась улукатайцами, принятыми без оброка⁸⁸ вотчинниками Катайской⁸⁹ и Бала-Катайской⁹⁰ волостей.

Башкир-припущенников было особенно много в западной части края. Это было обусловлено переходом полукочевых башкир к оседлости и развитием земледельческого хозяйства. Не могла не способствовать данному процессу и народная, а также правительственная колонизация края. В Белебеевском, Бугульминском и Мензелинском уездах Оренбургской губернии по VIII ревизии припущенников насчитывалось 22 595 человек, что составляет 34,2% от всех 66 тыс. безземельных башкир⁹¹.

Припущенниками назывались безземельные башкиры, вышедшие из своих общин и принятые вотчинниками на условиях уплаты оброка (10–25 коп. в год), но сохранявшие сословную (ясачную, затем служилую) и этническую (башкирскую) принадлежность. Вотчинники называли припущенника *еборелмеш* (от *еборелеу* – припускать) или *килмешак* (от *килеу* – приходить). Как припущенник этот еборелмеш за пользование земельными угодьями платил вотчинникам оброк, как башкир он выполнял все, что требовалось от башкирского сословия в пользу казны и припускавшей его общины. Таким образом, вотчинник, потеряв право на владение землей и становясь припущенником чужой ему общины, про-

должал находиться в ясачном (XVI–XVIII вв.), позже – в служилом башкирском (1798–1865 гг.) сословии.

С началом народной колонизации институт припущенников получает дальнейшее развитие. Тем самым усложняется национальный состав припущенников. В ряды башкир-припущенников влились представители безземельных татарских, мишарских, марийских, мордовских, улмуртских и чувашских крестьян. Крестьяне Поволжья, переселившиеся в Башкирию, выходили из своих общин и становились припущенниками у вотчинников. Татары-припущенники образовали здесь несколько сословий: служилое, торговое, ясачное, чемаданное. Это означало, что из их числа были служилые татары, торговые татары и т.д. Из мишарей-припущенников были только служилые мишари.

Из среды припущенников постепенно образовалось сословие тептярей. Припущенник – понятие более широкое, нежели тептярь. Почти все тептяри – припущенники, но не все припущенники – тептяри.

Тептяри XVI–XIX вв. очень напоминают русских изгоев. Изгой (исключенный, не платящий подати) – это бывший смерд-общинник, по каким-то причинам вышедший из своей общины и сословия. Раб, отпущенный на волю, также становился изгоем, т.е. выходил из своей среды и сословия. Изгой – юридически свободные люди, лишены, однако, почти всех средств производства. Чтобы добыть средства к существованию, они вынужденно обращались к феодалам за ссудой, брали у них и земельный надел, и орудия труда, и семена. Тем самым они взваливали на себя массу феодальных повинностей. Так изгой превращался в зависимых от феодалов людей – закупов (от „купа“ – ссуда) и рядовичей (от „ряд“ – договор).

Тептярь в условиях башкирской действительности такой же изгой. Потерявший вотчинное право на землю башкир выходил сам или вытеснялся нуждой, или выталкивался насильно (по-башкирски – *тибелә*) не только из своей общины, но и сословия (припущенник в отличие от него не выходил из своего сословия). Отсюда – социальный по своему содержанию термин тептярь (по-башкирски – *типтәр*, от слова *тибеу*, *тибеләу*, *типтереу*, *типтер*, *типтәр* (сравни: *бүләр-бүләр*).

Вместе с тем в литературе имеется другая точка зрения – о персидском происхождении слова от „дэфтэр“, что означает „запись“, „договор“. Такого мнения придерживались П. И. Рычков⁹², В. Н. Витевский⁹³ и Г. Н. Ахмаров⁹⁴, так думают другие⁹⁵. По Г. Комиссарову, слово „дэфтэр“ означает бирку, на которой ножом отмечался размер причитавшегося и уплаченного долга, как это было принято у чувашей. „Типтер“ по-чувашски и означает „бирка“⁹⁶.

Тептяри могли получить свое название лишь после оформления договорных условий о припуске с башкирскими вотчинниками, утвержда-

ют сторонники этой точки зрения. На деле же и до заключения, и при совершении таких актов припущенники – как местные, так и пришлые – часто назывались тептярями. На это впервые обратил внимание видный лингвист А. А. Юлдашев при изучении говора и быта тептярей Учалинского района Башкортостана (часть бывшего Верхнеуральского уезда)⁹⁷. Связывать термин „тептярь“ со словом „дэфтэр“ по меньшей мере нелогично.

Гипотеза о происхождении термина тептярь от персидского „дэфтэр“ не подтверждается и историческими реалиями. В середине XIX в. тептяри пользовались или владели в 16 уездах 916475 дес. земельных угодий⁹⁸. Причем из них 615696 дес. (64,4% от всех земель) принадлежало башкирским вотчинникам, с которыми тептяри заключали договорные записи о пользовании ими. 224902 дес. угодий находилось в руках казны. С последней тептяри, как известно, не заключали никаких договоров, но тем не менее они назывались тептярями. Оставшаяся часть земель была собственной, некогда жалованной им русскими царями или купленной у вотчинников. На собственной земле тептярь, естественно, не мог ни с кем заключать договор. Тем не менее вотчинник – владелец покупной и жалованной, т.е. собственной, земли также назывался тептярем. Выходит, что припущенник, живший и на башкирской вотчинной, и на казенной, и на собственной земле, назывался тептярем.

Таким образом, сама реальность не согласуется с объяснением термина „тептярь“ как происшедшего от персидского „дэфтэр“ и, напротив, подтверждает мнение о том, что он берет свое начало от башкирского (тюрского) слова *милтер-милтэр*⁹⁹.

Тептярями становились прежде всего те из припущенников, которые были в хозяйственном отношении менее состоятельны, чем остальные. Для них было обременительно выполнение повинностей, падавших на башкирское сословие. Несение повинностей первоначально было для тептярей относительно легким. А до формирования тептярского сословия, по словам И. К. Кирилова, они „в казну ясаку ничего не плачивали“¹⁰⁰. Неудивительно поэтому, что до 40-х годов XVIII в. среди тептярей башкир было сравнительно много. Но когда же тептярские повинности стали более устойчивы и обременительны, башкиры-припущенники почти не переходили в тептярское сословие, оставались в своем собственном. Но зато среди тептярей резко возрастает численность переселенцев из татар, мари, удмуртов, чувашей, вышедших из своих общин и порвавших связь со своим сословием (ясачным, служилым).

Указать точное количество башкир-тептярей, однако, невозможно из-за отсутствия статистических данных. Отдельные факты, имеющиеся в литературе и выявленные нами в архивах, говорят об общении башкирских общинников и в результате этого – о выходе их из своей общины и сословия.

Переход в разряд бобылей считался более легким, потому что бобыль платил необременительный ясак. В конце XVII в. бобыльский ясак платили, например, башкиры дер. Юрматы Ногайской дороги Митросовы и Ельмов¹⁰¹. Башкир той же дороги Качиков в 1686 г. так объяснил свое пребывание в бобыльской группе припущенников: „Прежде сего деды и отцы их и они были Кипчакские волости. А ныне де за их скудостью и да бедностью написаны в бобыльский ясак“¹⁰². Много лет отцы и деды башкира Атачика Иликеева из Минской волости Ногайской дороги платили в казну бобыльский куличный ясак, но затем в 1688 г. они переписались в окладной тептярский ясак¹⁰³. Эти примеры говорят о том, что среди бобылей были и местные крестьяне¹⁰⁴, хотя институт бобыльства был привнесен в Башкирию извне. От тептярей бобыли отличались лишь размерами повинностей и способом оседания на вотчинных землях („без всяких актов“). И они, конечно, пополняли ряды тептярей. К VIII револуции бобыли сохранились лишь в 21 этнически смешанной¹⁰⁵ деревне Стерлитамакского (693 душ м.п.), Уфимского (122 души м.п.) и Осинского (9 душ м.п.) уездов¹⁰⁶.

Немало было башкир и среди тептярей. Коренные жители Ельдятской волости Казанской дороги И. Алтыбаев¹⁰⁶ и Б. Илимбаев¹⁰⁷ в 1679 г. платили тептярский ясак. Ельдятские вотчинники припустили сальжегуповцев¹⁰⁸. В той же деревне Бирючево в начале XIX в. было свыше 20 тептярей из башкир¹⁰⁹. Их можно было встретить и в Гарейской волости Бирского уезда (1811 г.)¹¹⁰. В Бугульминском уезде целая деревня (Сары-Биккулово) состояла из тептярей-башкир¹¹¹. В середине XIX в. башкиры Еликеевы платили тептярский ясак¹¹². Были они и в дер. Карагузино Троицкого уезда¹¹³. Такие отдельные примеры можно было бы приводить и дальше. Важно отметить другое, а именно то, что башкир можно было встретить и среди ясачных татар-припущенников. Жители деревень Кутусас (Иманово)¹¹⁴, Сарсас Такирман, Саклы Чурашево, Старый Дрюш, Мрясово, Сеитово, Чиршилы (Шанды-Тамак) и Старые Саклы в 1795 г. выключались „из башкирцев“ и записывались в оклад, т.е. ясачными татарами¹¹⁵.

Д. М. Исхаков, вычитая из 166 тыс. башкир Мензелинского, Бугульминского, Елабужского и Сарapulьского уездов по переписи 1897 г. произвольную цифру 124 тысячи, полученную разницу в 42 тыс. относит к тептярям с башкирским языком¹¹⁶.

Были башкиры и среди мешан городов губернии¹¹⁷.

Не совсем точно отражают действительность и данные 1855 г. об этническом составе тептярей¹¹⁸. Тогда в Оренбургской (9 уездов), Самарской (3 уезда), Вятской (1 уезд) и Пермской (2 уезда) губерниях собственно тептярей было 93895 душ м. п. (70,2%), мари – 23152 (17,3%), татар – 10256 (7,7%), удмуртов – 6499 (4,8%). Из всех 133802 тыс. душ м. п. 93895 мужчин

тептярей, как видно, не представлены в отдельной этнической классификации. Нам не известно, были они башкирами или чувашами. То, что среди тептярей было немало татар, не вызывает никаких сомнений. Надо полагать, что в числе 93895 тептярей и бобылей были и татары, и башкиры, и чуваш.

Среди тептярей христиан было 802 души м.п. (0,6%), язычников 29256 (21,9%) и мусульман 103744 (77,5%)¹¹⁸.

Как бы то ни было, первыми по времени и этнически однородными тептярями (как и припущенниками) стали разорившиеся в результате различных причин башкирские общинники. В возникновении их как феодальной категории населения царское правительство не играло никакой роли. Это было продуктом внутреннего развития общества башкир. Институт тептярей получает большое развитие с началом стихийной народной колонизации Башкирии в XVIII в. Правительство могло ускорить или замедлить этот процесс, но того значения, какое придает ему У. Х. Рахматуллин («Тептяри возникли как результат фискальной политики царского правительства» или «При этом (возникновении тептярей. – А. А.) главная роль принадлежит феодальному государству»)¹¹⁹, оно не заслуживает. В более позднее время в формировании тептярей как сословия феодальное государство в лице своего правительства, конечно же, сыграло не последнюю роль.

Игнорирование особенностей социально-экономического строя Башкирии приводило отдельных исследователей к признанию внешнего фактора главным и единственным в происхождении института тептярей. Они считали тептярей только лишь пришлым нерусским населением¹²⁰. Встречаются неверные утверждения о том, что пришлое население называлось тептярями и бобылями¹²¹. В частности, всех татар, переселившихся из Поволжья, причисляют к тептярям¹²², при этом не принимают во внимание другие сословия из них, например, ясачных, служилых, торговых, чемаданых татар, превосходящих в количественном отношении тептярей-татар.

Вместе с тем отдельные авторы, не понимая сущности взаимоотношения между припущенниками и вотчинниками, тептярей низводят до положения крепостных, как это делалось в дореволюционной историографии¹²³, а владельцев вотчин возвышают до уровня феодалов. Отсутствие какого-либо представления о сущности социально-экономических отношений в Башкирии ярко видно в утверждении о том, что «припущенники должны были платить башкирам-помещикам оброк за земли»¹²⁴.

До начала народной колонизации край башкиры-тептяри образовали однородную социально-этническую категорию. Но в ходе переселенческого движения в состав тептярей вошли представители народов Поволжья. Тогда тептяри стали представлять собой только социальную группу различного этнического происхождения. После отмены кинтовой систе-

мы управления в Башкирии, в составе которой в 1855–1865 гг. формально с сохранением всех прежних своих повинностей находились тептяри, последние из социальной категории постепенно перерастают в социально-национальную группу феодально зависимых крестьян. Это произошло тогда, когда по разным причинам тептяри из татар стали тяготеть к татарам, финноязычные тептяри – к мари, мордье, удмуртам. Что касается тептярей из башкир, то часть их тяготела к башкирам, большинство же вошло в состав татар, улеская за собой и вотчинников Мензелинского, Бутульминского, Елабужского и Сарapulьского уездов.

Несколько слов о времени формирования сословия тептярей. Этот вопрос давно привлекает внимание исследователей. На сегодня бытует мнение о том, что тептяри сложились в 30–90-х годах XVIII в. Обратим же внимание на таблицу, составленную нами на основе ведомостей о численности тептярей по VIII ревизии (см. табл. 13).

Таблица охватывает 13 уездов. «Акты и права на владение землей», на основе которых она составлена, хранятся в ЦГИА РБ¹²⁵. Если исключим количество «неизвестных» (416) из общего числа тептярских деревень (1075), то получим цифру 659. Время заселения почти половины тептярских деревень (324, или 49,2%) падает на 30–90-е годы XVIII в. В первой трети века заселено 104 деревни (9,7%), 145 деревень было основано в XVII в. К первой трети XIX в. относится появление лишь 83 деревень (13,4%). Выходит, что в течение XVIII в. тептяри поселились в 428 деревнях, что составляет почти 65% от всех 659 населенных пунктов. Естественно, это наводит на мысль о том, что формирование сословия тептярей – процесс длительный, охватывающий несколько столетий.

Таблица 13

Время заселения тептярей в уездах Оренбургской губернии

Уезды	Время заселения деревень тептярями							
	Неизвестно		XVIII в.		I пол. XIX в.			
			1606–1699 гг.		1700–1729 гг.		1730–1750 гг.	
абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
Белебеевский	69	33	18	8,6	12	5,7	63	30,1
Бирский	104	28,2	93	25,2	79	21,4	–	–
Бутульминский	9	11,4	14	17,7	–	–	36	45,6
Бугурусланский	18	100	–	–	–	–	–	–
Будульский	–	–	–	–	–	–	–	–
Мензелинский	118	81,9	12	8,3	1	0,7	5	3,5
Оренбургский	3	50	–	–	6	8,3	16	22,2
Стерлитамакский	30	41,7	–	–	1	20	–	–
Троицкий	–	–	–	–	5	4,8	16	15,4
Уфимский	55	33,7	–	–	–	–	–	–
Елабужский	28	100	–	–	–	–	–	–
Осинский	–	–	6	54,5	–	–	3	27,2
Красноуфимский	2	8	2	8	–	–	10	40
ВСЕГО	416	38,7	145	13,4	104	9,7	149	13,9

Уезды	Время заселения деревень тевтярами							
	II пол. XVIII в.		XIX в.		По старинному		Всего	
	1751-1799 гг.		1800-1854 гг.		заселению			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Белебеевский	38	18,2	9	4,4	-	-	209	100
Бирский	63	17,1	30	8,1	-	-	369	100
Бугульминский	5	6,3	15	19	-	-	79	100
Бугурусланский	-	-	-	-	-	-	18	100
Бузулукский	-	-	5	100	-	-	5	100
Мензелинский	6	4,2	2	1,4	-	-	144	100
Оренбургский	3	50	-	-	-	-	6	100
Стерлитамакский	19	26,4	1	1,4	-	-	72	100
Троицкий	4	80	-	-	-	-	5	100
Уфимский	28	28,9	20	19,2	-	-	104	100
Елабужский	-	-	-	-	-	-	28	100
Осинский	-	-	-	-	2	18,3	11	100
Красноуфимский	9	36	1	4	1	4	23	100
ВСЕГО	175	16,3	83	7,7	7	0,3	1075	100

Но активизация политики царского правительства в отношении тевтяро-бобылей действительно падает на последние 60-70 лет XVIII в., и тем самым подтверждается вывод исследователей о формировании сословия тевтярей в тот период.

Таблица не только обобщает поименованное социальное явление, она показывает время и районы тевтярского заселения. Уже в XVII в. тевтяри были известны в западном (на территории будущих Бугульминского, Белебеевского, Мензелинского уездов), северном (Осинский уезд) и северо-восточном (Красноуфимский уезд) районах. Их можно было встретить там, где башкиры постепенно переходили от полукочевого скотоводства к земледелию, которое для них впоследствии стало основной отраслью хозяйства.

В дальнейшем районами заселения тевтярей и вообще припущенников – как местных, так и пришлых – стали Уфимский и Стерлитамакский уезды. В Бугульминском и Стерлитамакском уездах, по мнению Д. И. Исхакова, тевтяри появились лишь в 1730-1740 гг. Словом, тевтяри за это время заселили лишь 36 из 79 деревень в Бугульминском и только 16 из 72 деревень в Стерлитамакском уездах. До этого времени было основано в первом 23, во втором уезде 36 деревень. Остальные аулы (по 20 на уезд) основывались после указанных дат.

Тевтяри широко распространены были в тех же самых западных, центральных и северных районах Башкирии и в середине XIX в. Из 266069 тевтярей и бобылей 246730 проживало в западных и центральных уездах – Белебеевском, Бирском, Бугульминском, Бузулукском, Бугурусланском, Мензелинском, Стерлитамакском и Уфимском.

Остальные 7981 – в северо-западных районах: Елабужском и Осинском. Часть тевтярей (11358 чел.) обитала в юго-восточных районах Оренбургской губернии (Верхнеуральском, Оренбургском, Троицком уездах)¹⁷.

Выяснив происхождение термина и сословия, а также сущность тевтярей, порожденных башкирским обществом в ходе его развития (внутренний фактор) и получивших большое распространение с началом народной колонизации края (внешний фактор), перейдем к причинам и предпосылкам, способствовавшим межэтническим процессам в Западной Башкирии в XVIII-XIX вв. – Бугульминском, Мензелинском, Елабужском и Сарапульском уездах, – и роли тевтярей в них.

Результатом действия множества факторов, сильно влиявших на развитие межэтнических процессов в Западной Башкирии, явилось главным образом сближение мензелинских, бугульминских, елабужских и сарапульских башкир с татарами и в конечном счете ассимиляция первых вторыми. Эти факторы в общих чертах выглядят следующим образом (Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. С. 63-79).

Первое, что обращает на себя внимание в этнических процессах между западными башкирами и татарами, – это близость их в языковом и культурно-бытовом отношении. В этом смысле башкирский и татарский народы самые близкие. Башкирский язык лингвисты относят к кипчакской группе тюркских языков, среди которых ближе всего стоит к нему татарский. Его от татарского отличают преимущественно консонантизм и лексика¹⁸. Не об этом ли свидетельствует то, что в повседневном тесном общении между собой представители двух народов не нуждаются в услугах толмачей. Издавна обучение детей в башкирских мектебе и мелресе велось сначала на языке „тюрки“, распространенном как книжный и деловой язык в Средней Азии и в Казахстане, Приуралье и Поволжье, от Волги до Кавказа, затем оно велось на татарском языке, что не могло не влиять на процесс языковой адаптации, а в середине XIX в. и на явление языковой ассимиляции бугульминских, мензелинских, елабужских и сарапульских башкир. Как известно, на этих языках распространялись и произведения башкирских поэтов и писателей, например, Кол Гали, Тажетдина Ялыгулова, Мухаметсалима Уметбаева, Мифтахетдина Акмуллы и др.

Обучение на татарском языке и распространение татарской литературы наряду с численным преимуществом татар, сильным территориальным смешением их с коренными жителями Бугульминского, Мензелинского уездов вело к приобретению башкирами данного региона основных черт татарской культуры. Все это способствовало формированию у башкир двойного этнического самосознания, что вело их в конечном счете к полной этнической ассимиляции татарами.

Второй фактор. Процесс ассимиляции башкир татарами усиливался множеством сходных социально-экономических отношений.

Западные и северо-западные безземельные башкиры вышеуказанных четырех уездов, лишённые вотчинных прав и называвшиеся припущенниками и тентярями, как и татары-припущенники, не владели, а пользовались башкирскими или казенными землями. Обе эти группы безземельных крестьян зависели от башкир-вотчинников, платили им оброк за пользование общинной землей. Они выполняли одни и те же государственные и мирские повинности. Однотипность социального положения сближала башкир-припущенников и татар-припущенников. Неудивительно поэтому то, что безземельные башкиры больше тяготели к татарам-припущенникам, составляя с ними одну и ту же социальную категорию феодально-зависимых крестьян, нежели к вотчинникам, от которых они зависели экономически. Территориальная (сельская) община, куда входили безземельные башкиры и татары, защищала их интересы. Вместе с тем припущенники из коренного населения не теряли восторженной связи с вотчинниками. С последними связывала их общность языка, культуры, традиций и т.п. Так, башкиры-припущенники выступали промежуточным, связующим звеном между пришлыми крестьянами и вотчинниками. Такая роль постепенно приводила их к тому, что они в большинстве своем первыми растворялись среди татар. Вместе с тем вотчинники сами непосредственно имели контакт не только с тентярями-татарами, но и с явными, служилыми и торговыми татарами и мишарами, являвшимися их припущенниками. В Западной Башкирии вотчинники жили в окружении главным образом татарских крестьян и оказались в изоляции от основного этноса, что и привело их впоследствии к этнической ассимиляции татарами.

Контакты между ними начинались ещё с конца XVI – начала XVII в., а сближение их протекало на протяжении нескольких столетий. Социальное различие между припущенниками и вотчинниками сохранялось вплоть до Октябрьской революции. С отменой вотчинного права устранялось последнее препятствие перед этнической ассимиляцией западных башкир татарами. Уравнивание татар и башкир в поземельных правах привело в конце концов к потере последними своего этнического лица.

Ассимилятивному процессу сильно способствовало и однотипное хозяйство. Западные башкиры, как и татары, жили оседло, занимаясь главным образом земледелием, сочетавшимся с животноводством и различными промыслами¹²⁹.

Одновременно шло, конечно, и обратное всестороннее воздействие со стороны башкир на пришлых крестьян. Но это было малоэффективно ввиду того, что вотчинники численно уступали им.

Вместе с тем взаимоотношения между башкирами и их припущенниками не совсем верно освещаются в литературе. В частности утверждают, что с 30-х годов XIX в. учащается переход тентярей в „башкирское звание“, с одной стороны, с другой – что такой переход вызван приобретением ими вотчинных прав на землю¹³⁰. Основанием им служит известный указ от 10 апреля 1832 г., который будто раздавал вотчинное право припущенникам. Указ на деле ограничивал поземельные права как вотчинников, так и припущенников. Изданный перед VIII ревизией, он четко устанавливал размеры наделной земли для всех категорий крестьян строго по VII ревизии – для башкир-вотчинников по 40, для припущенников военного ведомства по 30, гражданского по 15 дес. на душу. Таким образом, надел получал тот, кто попал в VII ревизию. Причем припущенники наделались землей в пользование, а вотчинники – в собственность.

Отдельные исследователи пытаются показать даже те причины, которые давали возможность пришлым крестьянам получить башкирские земли в собственность. Среди них главной выдвигается территориальная неопределенность у башкир, у которых земельных угодий было много, а потому они не в состоянии были держать их под своим контролем¹³¹. Вновь обратимся к реальным фактам. В XVII в. на огромной территории Башкирии появилось 145 (13,5% от всех 1075) тентярских деревень. Стало быть, в XVII в. не было массового переселенческого движения, и башкирские общины вполне могли контролировать свои земли. Но в XVIII в. усиливается это движение, и в первой трети столетия основано 104 (9,7%), в 30–90-х годах – 324 деревни (30,2%)¹³². Помимо того, XVIII в. – это время дворянской, заводской и правительственной колонизации края. В этих условиях, естественно, обостряется борьба за земельные угодья. Если бы была территориальная неопределенность у башкирских родов (волостей) и они не закрепляли бы за собой определенные территории на основе царской грамоты в качестве вотчинных, т.е. населяемых ими и используемых под пастбища, то очень скоро земли эти целиком и полностью отошли бы от башкирских общин к казне, заводам, дворянам и крестьянам-переселенцам. Башкирские общины, представлявшие коллективы вотчинников, веками вели упорную борьбу за сохранение хотя бы минимуму того, что они имели до начала активной колонизации. В „Эксплиците башкирского народа“, написанном 23 октября 1774 г. П. И. Рычковым, об этом говорится так: башкиры „... привязаны весьма к своим землям и угодьям, так что, почитая их собственными и старинными своими вотчинами, нередко за них бунтовали и умиртали, чему в известиях о сем народе многие примеры находятся“¹³³.

Есть множество опубликованных и архивных материалов, указывающих на четкую территориальную определенность у башкир и на от-

существование „пустопорожных“ угодий. Еще 13 января 1735 г. хорошо осведомленный о делах башкир И. К. Кириллов в „Изъяснении“ правительству акцентировал внимание на том, что „земли и угодья между родами все разделены, а в некоторых родах уже от настоящих произошли роды, кои называют аймаками, а инде тюбями, и тако никакой земли и угодий нет, кои бы свободны лежали“¹³⁴.

В начале 60-х годов XVIII в. П. И. Рычков писал об отношении народа к своим землям так: „Ничто столь много не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли и отхожие, т.е. лесные угодья, а напротив пчелиные бортовые промыслы...“¹³⁵. А теперь обратим внимание на „Наказы“ башкир Уфимской и Исетской провинций для Уложенной комиссии, где говорится, что во всей Башкирии „земли состоят во владении по волостям нераздельно... владеют оными всею волостно... а порожжих пустых... земель и чтоб оными владетелей не было... нисколько не имеется да оным быть невозможно“. Прося помочь и защитить от посягательства на их земли, депутаты от башкир решительно заявили, что „оные вотчинные земли никогда пустовами не бывали, а в точном владении нашим башкирском издревле состояли и пустовых между нами башкирцев земель нисколько не имеется, но все по разным волостям в башкирском владении издревле, т.е. до принятия подданства всероссийской е. и. в. великоздравной державы состояли и ныне в точном владении состоят и по указу е. и. в. и Правительствующего Сената...“¹³⁶.

Таким образом, предположение Д. Б. Рамазановой о ничейных землях у башкир не имеет под собой реальной почвы. Территория каждого рода (волости) была точно определена на основе естественных ориентиров – рек, гор, долин, лесов, отдельных деревьев, курганов и т.д.

Но это отнюдь не означает, что отдельные припущенники не получали вотчинное право на землю. Приобретение такого права связано было с заслугами их представителей перед правительством. Так, например, в Белебеевском уезде 4 деревни (1,9% от 209 тептярских деревень уезда), в Бирском – 43 (11,6% от 369 деревень), в Мензелинском – 3 (2,1% от 144 деревень), в Елабужском – 4 (14,35 от всех 28 деревень), в Осинском – 6 (54,55 от 11 деревень), в Красноуфимском уезде 1 деревня (4% от 25 деревень) жили на жалованных тептярям русскими царями землях. Доля всех этих деревень на жалованных землях составляет 5,7% от 1075 тептярских – в большинстве своем этнически смешанных – деревень. Кроме того, в Бирском уезде на земле, охраняемой оберегальной грамотой, было расположено 8 тептярских деревень (2,2% от 369 деревень), что в общем составляет 0,75% от всех 1075 тептярских деревень.

О времени поселения тептярей в этих деревнях. В Белебеевском уезде в XVII в. получили землю по грамотам царей тептяри 4 деревень –

Аднагулово (2 февраля 1626 г.), Биганово, Верхний Сердык, Калшали (1676 г.)¹³⁷.

Самое раннее известие о жалованных тептярям грамотах относится к началу XVII в. В 1626 г. жалованную грамоту на владение землей получили тептяри-удмурты 4 деревень (Старое Варнаево, или Варяш, Няныды, Четырман, Андреево), в 1631 г. – тептяри-марийцы 7 деревень (Каябак, Куразово, Тылбахтино, Сазово, Бабаево, Кульсентово, Туяда), в 1639 г. – тептяри-марийцы деревни Тюльдино, в 1649 г. – деревня Янгизнаратово, в 1650 г. – две марийские деревни (Измарино и Берлячево), в 1651 г. – 2 деревни (Бикзяново и Бикмурзино), в 1673 г. – 9 марийских деревень (Рабак, Кушня, Шаметево, Музиково, Козлоторово, Норкино, Ведраево, Кояново, Калтаево), в 1678 г. – 2 марийские деревни (Арбан и Книжишево), в 1683 г. – 13 удмуртских и марийских деревень (Бишбаш, Большое Барабаново, Большой Гондырь, Верхнее Барабаново, Верхний Гондырь, Коймашибаш, Кониково, Малый Гондырь, Можга, Нократово, Старая Сухая Кырга, Ишгыр, Шудаково), в 1684 г. – 4 деревни тептярей-марийцев (Азмибаш, Большая Амяз, Губурово, Килмаш), в 1693 г. – 9 марийских тептярских деревень Бирского уезда. В XVIII в. владела жалованной землей дер. Буралы (1718 г.). Всего таких деревень было 55¹³⁸.

В Елабужском уезде жалованными землями владели 4 деревни тептярей (Рысово, Большая Варзя, Малая Варзя, Салауш)¹³⁹, в Красноуфимском уезде – одна тептярская деревня (Арсланково, с 1695 г.)¹⁴⁰, в Мензелинском уезде в XVII в. – 3 деревни (Старый Тагирман, Старый Байляр, Толубаево)¹⁴¹, в Осинском уезде в 1663–1676 гг. – 6 деревень по берегам р. Барды (Бардабашево, Бардинская, Константиново, Султанаево, Таныповская, Усть-Ашапово)¹⁴².

Как видим, тептяри из марийцев и удмуртов 72 деревень (6,7% от всех 1075 деревень) 6 уездов получили от царей жалованные и оберегальные грамоты на владение землей главным образом в XVII в. Только у одной деревни Бирского уезда документ относится к началу XVIII в. Документ, названный „Ведомости о тептярском и бобыльском народе с указанием числа их душ, количества владимой или пользующей ими земли и прав на это“, составлен уездными судами в 1839–1840 гг., т.е. через 7–8 лет после издания закона 1832 г. Однако он не содержит ни одного сведения о жаловании тептярям казенной земли. Значит, утверждения некоторых авторов не подкреплены источниками. Главный вывод, который напрашивается из этих ведомостей, таков: тептяри и после получения жалованных земель сохраняли свое социальное лицо. Ни в XVII, ни даже в XIX вв. они не сменили свое сословие на другое. Посему нет никакого смысла тептярям-владельцам жалованных вотчинных земель переходить в „башкирское звание“. И они – вотчинники, и те – вотчинники.

Д. М. Исхаков, говоря о переходе «тептярей» в «башкиры», опирался, хотя и без прямых ссылок, на слова Р. Г. Кузеева о том, что тептяри и мишари, увеличивая свои наделы после VIII ревизии, становились башкирами¹⁴³. Спрашивается, почему они стремились попасть в «башкирское звание»? Ведь все три сословия выполняли почти одни и те же повинности. Переход в «башкиры» означал, что человек этот мог стать вотчинником, участвовать в продаже и аренде общинных земель и получать свою долю от арендной платы или проданных угодий. Но тептярям из татар, мордвы, удмуртов, марийцев, а также мишарям-припущенникам был наглухо закрыт доступ на башкирские вотчинные земли в качестве их владельцев. Лишь в редчайших случаях их представители могли стать башкирами-вотчинниками. Это случалось тогда, когда кого-то из них усыновляли вотчинники¹⁴⁴ или женили на вдове владельца земли. Пасынок, мать которого выходила замуж за вотчинника, в благоприятных условиях мог получить права своего отца. И это случалось лишь в исключительных случаях, не систематически.

О получении мишарями и татарами жалованных грамот¹⁴⁵, «превращении» их в башкир-вотчинников факты говорят следующее. В 1841 году в Бирском уезде жалованные земли имели 1806 мишарей из 6 деревень, в Уфимском уезде – 1652 мишаря из 3 деревень¹⁴⁶. Мишари-вотчинники составляли лишь 4,8% от всех 72666 мишарей. Жалованные грамоты получены ими не в XVIII, а XVII в. (1667–1699 гг.). Несмотря на то, однако, что мишари стали вотчинниками, они и в середине XIX в. все же пребывали в своем сословии. Выходит, часть мишарей-вотчинников не сменяла свое сословие даже после того, как они в ходе Всероссийской переписи 1897 г. формально попали в башкирское сословие¹⁴⁷. А если и были переходы из одного сословия в другое, то это были единичные случаи. В самом деле, есть ли смысл переходить в другое сословие, когда припущенник становился вотчинником? Ведь и башкиры, и мишари-вотчинники несли одинаковые повинности, и переходом в «башкиры» мишари не достигали никаких преимуществ.

Третий фактор. На межэтнические процессы в Западной Башкирии влияла и религия. Для тесных контактов и сближения между башкирами и татарами не было религиозных преград, все они – мусульмане. Общеизвестно, например, что ислам глубже проник в общественную жизнь оседлых западных башкир, как и татар, нежели в среду полукочевников. В ассимиляции бугульминских и мензелинских башкир татарами и этот фактор играл немаловажную роль.

Четвертый фактор. Взаимодействие башкир четырех уездов и татар происходило в условиях полного отсутствия у них своей государственности. Впоследствии уезды эти вошли в состав Татарской Республики, где

башкиры полностью сменили свое этническое самосознание. В этом видна роль политического фактора. Этнической ассимиляции не произошло в других регионах, хотя взаимодействие этносов проходило не менее интенсивно. Эти уезды – Белебеевский и Бирский, где, например, соотношение башкир и всех категорий припущенников к VII ревизии составляло соответственно 0,52:1,92 и 0,43:2,33. Почти то же самое наблюдается по Бугульминскому уезду, вошедшему затем в состав Татарии (0,35:2,84)¹⁴⁸. Башкиры Белебеевского и Бирского уездов сохранили свою этническую самостоятельность, хотя и подверглись языковой ассимиляции. Так же обстоит дело с гайнинскими башкирами 28 деревень в Осинском уезде Пермской губернии. Гайнинцы, жившие частично в этнически смешанных населенных пунктах или в окружении татар и представителей финноязычных народов, сохранили, однако, свою этническую самобытность несмотря на то, что большинство из них подверглось языковой ассимиляции. А поэтому вывод может быть только один: в этнической ассимиляции башкир бывших Бугульминского, Мензелинского, Елабужского и Сарapulьского уездов, позднее вошедших в состав Татарской Республики, наряду с решающими социальными факторами, немалую роль сыграли моменты общественно-политического свойства, а именно издание периодики, ведение школьного обучения лишь на одном – татарском – языке.

Пятый фактор. На развитие межэтнических процессов в значительной мере влиял и демографический фактор, т.е. возрастание численности одного и уменьшение численности другого этноса.

О численности и доле башкир, тептярей и татар в этнически смешанных деревнях по V ревизии (1795 г.) можно получить представление из следующей таблицы¹⁴⁹ (см. табл. 14).

Татары и тептяри, таким образом, численно преобладали в смешанных деревнях Бугульминского уезда (61,2%). В трех уездах – Белебеевском, Мензелинском и Уфимском – они составляли 1/3 сельского населения. Следует думать, что в последующем их доля немного возрастает. К этому суждению наталкивают нас данные о соотношении численности башкир-вотчинников и всех припущенников за 1815–1817 годы.

Следующая, 15 таблица – о численности и соотношении башкир-вотчинников и их припущенников.

Припущенники всех видов (тептяри, татары, мишари, государственные и удельные крестьяне) численно преобладали над башкирами-вотчинниками почти в 3 раза в Бугульминском, около 2,5 раза в Бирском, почти вдвое в Белебеевском уездах. Припущенников было немного больше, чем вотчинников в Мензелинском, Уфимском и Троицком уездах. Численное преобладание припущенников весьма активно способствовало ассимиляции

Таблица 14

Численность и соотношение башкир, татар и татар в смешанных деревнях в 1795 г.

№ п/п	Уезды	Численность и доля						Процент татар и татар
		башкир		татар		татар		
		абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	
1.	Верхнеуральский	18 847	98,4	161	0,9	139	0,7	1,6
2.	Белебеевский	17 280	66,5	6 360	24,5	2 343	9,0	33,5
3.	Бирский	20 504	87,1	2 075	8,8	960	4,1	12,9
4.	Бугульминский	2 417	38,8	2 209	35,5	1 604	25,7	61,2
5.	Бугурусланский	444	90,8	31	6,3	14	2,9	9,2
6.	Бузулукский	1 115	100	-	-	-	-	-
7.	Мензелинский	17 840	72,0	4 529	18,3	2 410	9,7	28,0
8.	Оренбургский	22 188	100	-	-	-	-	-
9.	Стерлитамакский	27 129	89,3	1 696	5,8	1 544	5,1	10,7
10.	Троицкий	14 449	97,8	35	0,2	298	2,0	3,2
11.	Уфимский	8 409	67,8	1 392	11,2	2 612	21,0	32,2
12.	Челябинский	10 069	100	-	-	-	-	-

башкир татарами. В других уездах наблюдается обратная картина. В них, например, приушеников насчитывалось крайне мало, вотчинники численно превосходили приушеников в Верхнеуральском, Оренбургском, Челябинском, Бузулукском, Стерлитамакском, Бугурусланском уездах.

Таблица 15

Численность и соотношение вотчинников и приушеников

№ п/п	Уезды	Численность по VII ревизии (душ)		Соотношение (в %) башкир-вотчинников и их приушеников
		башкир-вотчинники	приушеники	
1.	Белебеевский	12 772	24 522	34,25 : 65,75
2.	Бирский	15 174	35 428	29,99 : 70,01
3.	Бузулукский	1 693	218	88,03 : 11,97
4.	Бугульминский	2 070	5 884	26,02 : 73,98
5.	Бугурусланский	388	312	65,35 : 34,65
6.	Мензелинский	11 746	12 439	48,57 : 51,43
7.	Оренбургский	15 745	92	99,42 : 0,58
8.	Стерлитамакский	14 330	4 750	75,10 : 24,90
9.	Троицкий	5 636	4 800	45,32 : 54,68
10.	Уфимский	4 989	5 097	49,46 : 50,54
11.	Челябинский	6 611	177	97,39 : 2,61
12.	Верхнеуральский	15 909	-	100,0
ВСЕГО		107 173	93 709	52,83 : 47,17

Шестой фактор. Ассимилятивному процессу способствовало, конечно, и территориальное смешение башкир и татар. Перемещение ясачных, служилых, чомоданных и торговых татар, мишарей и тептярей-татар в

* Составлено по: ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1506. Л. 123-127.

башкирскую среду в западных и северо-западных уездах привело к численному сокращению башкирских деревень и увеличению этнически смешанных населенных пунктов. Об этом свидетельствует 16 таблица¹³⁰.

И по этому фактору обращают на себя внимание западные районы. В Бугульминском уезде смешанные деревни составляли 89,7% (I место среди других уездов), в Мензелинском – 58,7% (II место), в Белебеевском – 54,4 (III место), в Бузулукском – 50,0 (IV место), в Бирском – 35,7 (V место), в Уфимском – 32,1% (VI место), в остальных уездах смешанные деревни составляли незначительный процент – от 6,6 до 13,6%.

Таблица 16

Количество смешанных по населению деревень по V ревизии (1795 г.)

Уезды	Верхнеуральский	Белебеевский	Бирский	Бугульминский	Бузулукский	Бугурусланский
Этнич. смеш. деревни						
Башкирские	110	83	117	3	2	7
Башкиро-тептярские	6	55	39	6	-	-
Башк.-тепт.-мишар.	-	9	13	-	-	-
Башк.-тепт.-татар.	-	24	3	17	1	-
Башкиро-татарские	1	11	2	3	1	-
Башкиро-мишарские	-	2	7	-	-	-
Башк.-мишар.-татар.	-	2	1	-	-	-
Всех	117	186	182	29	4	7
В том числе смешан.	7	103	65	26	2	-
Смешан. деревни в %	6,5	54,4	35,7	89,7	50,0	-
Место смешанных деревень	VIII	III	V	I	IV	-

Окончание таблицы 16

Уезды	Мензелинский	Оренбургский	Стерлитамакский	Троицкий	Уфимский	Челябинский
Этнич. смеш. деревни						
Башкирские	62	187	139	99	57	91
Башкиро-тептярские	51	-	20	2	4	-
Башк.-тепт.-мишар.	1	-	1	-	15	-
Башк.-тепт.-татар.	28	-	3	1	3	-
Башкиро-татарские	8	-	-	-	-	-
Башкиро-мишарские	-	-	1	4	4	-
Башк.-мишар.-татар.	-	-	-	-	-	-
Всех	150	187	184	106	84	91
В том числе смешан.	88	-	25	7	27	-
Смешан. деревни в %	58,7	-	13,6	6,6	32,1	-
Место смешанных деревень	II	-	VII	IX	VI	-

Доля смешанных деревень возрастала и позднее (см. табл. 17).

По итогам VII ревизии в Бугульминском уезде не оставалось ни одной деревни, где бы проживали одни башкиры. Все деревни по этническому составу были смешанными. В Мензелинском уезде башкирских деревень сохранилось более одной четверти. В 73,4% деревень совмест-

но жили башкиры, темяри, татары, мишари. Такое соотношение, разумеется, сыграло не менее существенную роль в ассимиляции башкир татарами.

Таблица 17

Смешанные по наследию деревни по VII ревизии (1817 год)¹¹¹

Деревни	Уезды			
	Бугульминский		Мензелинский	
	абс.	в %	абс.	в %
Башкирские	-	-	41	26,6
Башкиро-темярские	5	25,0	78	50,7
Башк.-темяр.-татар.	14	70,0	22	14,2
Башкиро-татарские	1	5,0	7	4,5
Башк.-темяр.-мишар.	-	-	4	2,6
Башк. татар (крещ.)	-	-	1	0,7
Башкиро-мишарские	-	-	1	0,7
ВСЕГО	20	100	154	100

Седьмой фактор – смешанные браки между татарами, темярями и башкирами.

В литературе последних лет, посвященной темярям, бытует ошибочное мнение о том, что массовая инфильтрация башкир в состав темярей происходит благодаря лишь смешанным бракам. Мнение это опирается на неправильную предпосылку о редком якобы присутствии башкир среди темярей. При этом бросается в глаза одна странная особенность: согласно этой точке зрения, темяри брали в жены больше башкирок, нежели отдавали своих девушек башкирам. А темярки из татар, например, по Д. М. Исхакову, попадая в башкирскую среду, сближались башкир с татарами, но башкирки почему-то не выполняли те же функции. Словом, подобная точка зрения сугубо умозрительна, не выдерживает критики. Дело, видимо, в том, что темяри Бугульминского и Мензелинского уездов, бравшие в жены башкирок, по этническому происхождению были башкирами. Иначе сколько-нибудь убедительно не объяснено были башкирами ассимиляция темярей башкирами. Как уже отмечали, у западных башкир произошло значительное нарушение эндогамии, оно-то и привело к ее саморазрушению. Смешанные браки между башкирами западных уездов края и татарами – явление довольно распространенное. Такие браки выступали в качестве одного из наиболее радикальных путей включения в этнос «чужеродных элементов». Академик Ю. В. Бромлей считает, что обычно первое поколение лиц, поселившихся в другой этнической среде, сохраняет свою прежнюю этническую принадлежность на протяжении всей жизни. Лишь их дети и внуки, рожденные в смешанном браке, могут рассчитывать на сравнительно быструю и полную этническую адаптацию и ассимиляцию. Запрещение особым законом смешанных браков между западными башкирами и татарами лишьшний раз свидетельствует о массовом

их характере в XVIII в. По Ю. В. Бромлею, при этнической ассимиляции в массовых масштабах удельный вес смешанных браков у поглощаемого этноса обычно значительно выше, чем у этноса, выступающего в роли ассимилятора. Этнос-ассимилятор почти сохраняет эндогамию¹¹². На деле получается, что башкиры брали в жены татарок больше, чем отдавали им своих дочерей. И такие брачные связи продолжались в течение нескольких столетий. В итоге у западных башкир была разрушена эндогамия, к тому же происходила языковая ассимиляция татарами, что в конце концов привело первых к полному этническому поглощению вторыми. Близость западных башкир к татарам в языковом, культурном, социально-экономическом отношении, одинаковое вероисповедание, численное преобладание татар, перемещение последних в башкирскую среду не могли не ускорить этот процесс. В итоге 166 тыс. западных башкир были ассимилированы татарами.

Д. М. Исхаков, предлагая свое «четкое решение этого вопроса», делает вывод: поскольку представители данной группы коренного населения за короткий срок (1897–1926 гг.) сменили свою этническую принадлежность, то они не могли принадлежать к башкирскому этносу и во времена более ранние, они были не башкирами и не татарами, а скорее всего представляли некоторую переходную группу¹¹³.

Есть авторы, идущие еще дальше Д. М. Исхакова при «уточнении» происхождения этой самой «переходной» группы. Например, они временно даже отказываются от термина «башкиры» в отношении коренного населения Оренбургской и Уфимской губерний, дабы башкир западных районов не считать башкирами вовсе. Отсюда – безличные их формулировки типа «население Западной Башкирии» или «тюркское население» региона. Дело доходит до абсурда, например, когда говорят о том, что татары в Башкирии повсеместно проживают «бок о бок» с русскими, чувашами, украинцами, удмуртами, марийцами, мордвой, латышами и даже с немцами. Башкиры по их воле бесследно исчезли. Это есть не что иное, как настоящая фальсификация истории вообще, расселения народностей на территории Башкирии в частности. Действительное положение таково: во-первых, чисто татарских деревень в Западной Башкирии было мало, во-вторых, многие населенные пункты были этнически смешанными. Татары, будучи единоверцами, предпочитали оседать прежде всего в башкирских деревнях, в то время как представители мордвы, марийцев, удмуртов и чувашей, как правило, основывали собственные поселения, редко проживали в башкирских или татарских деревнях.

Поднимается еще один вопрос – об основании отдельных населенных пунктов в Башкирии «выходцами из булгар». В связи с этим возникает вопрос: как булгары могли основывать здесь деревни еще задолго до завоевания их монголо-татарами? Перечисляют даже деревни, якобы основанные булгарами. К ним относят с. Менеуз-Тамак, дер. Зайпекуль (ныне

Миякинский район), деревня Балыкдыкуль (Аургазинский район), с. Кыска-Елга (Буздякский район), с. Ново-Книшки, дер. Улукулево (Кармаскалинский район), с. Сафарово (Чишминский район), с. Бальшылы (Благоварский район)¹⁵⁴.

А каковы же факты? Вот они: в деревне Зайпекуль башкиры Меркит-Минской волости по договору 1806 г. припустили мишарей; в дер. Менез-Тамаке тогда же проживало 7 мишарей¹⁵⁵. В дер. Балыкдыкуль проживали и мишари, и тептяри на купленной у башкир Меркит-Минской волости земле по договорам от 1758, 1762 и 1806 гг.¹⁵⁶ Дер. Кыска-Елга, относящаяся к Капшинской волости Белобеевского уезда, принадлежала только башкирам: в 1840 г. там проживало 7 вотчинников и 274 башкира-припущенника. И ни одного „выходца из булгар“¹⁵⁷. Что же касается дер. Сафарово, то она принадлежала мишарям (в 1840 г. их было 1328 человек обоего пола), которым в 1742 г. земля была отписана от башкир Чуби-Минской волости из-за „булта“¹⁵⁸. В дер. Ново-Книшки проживали тептяри, которые в XVIII в. заключили договор с вотчинниками Дуван-Табанской волости о припуске¹⁵⁹.

Таким образом, об основании вышеуказанных населенных пунктов выходцами из булгар речи быть не может. Во всех деревнях, кроме Кыска-Елги, жили мишари и тептяри. Притом не с седой древности. Мишари – не булгары, а тептяри – не только татары.

На основе ничем не подтверждаемого вывода эти авторы строят еще и гипотезу о формировании различных групп населения Башкирии с булгарского периода. Основанием для такого утверждения служат, по их мнению, названия башкирских племен – юрматы, сней, юрми, гайна, буляр, танып, биляр, – населявших Западную Башкирию, где в формировании данного населения преобладал булгарский компонент¹⁶⁰. Между тем доказано, что в формировании этих башкирских племен приняли участие не только булгары, но и угры и древние башкиры¹⁶¹. Но, как известно, в природе не бывает абсолютно чистых явлений, не было также и чистых племен и народов. В составе каждого из поименованных башкирских племен было несколько ранних компонентов, не говоря уже о поздних. Кроме названных, на западе Башкирии были и другие: в Мензелинском уезде – ирэкты, киргизы, сарали-мишды, в Бугульминском – ельдят, дуваней, илекей-мин, каллы, кыркули-мин, кульчи-мин, кыр-елан, кыпчак, сарали-мин, як-суби-мин, которые численно превосходили племена булгарского происхождения, растворившиеся в башкирской среде.

В целом же сближение западных башкир с татарами шло по всем параметрам межэтнических взаимодействий. Многовековые их контакты привели к языковой ассимиляции башкир.

ФОРМЫ БРАКА

Прежде чем приступить к выяснению сути форм брака, отметим, что в литературе вопрос о возрасте брачащихся интересовал отдельных авторов, констатирующих, не основываясь на фактах, господство ранних браков. Один из них традиционный возраст для невесты определяет в пределах 13–14 и даже 11–12 лет, для жениха – 15–16 лет (у татар для невесты 18–22, для жениха – 21–25 лет). Господство ранних браков объясняется им сохранением у башкир значительных пережитков патриархальных отношений и неэффективностью мер государственного регулирования брачного возраста (См.: сб. „Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий“. Тезисы доклада. Омск, 1984. Ч. 2. С. 135–137).

По мнению других авторов, „девушек выдавали замуж в возрасте 16–17 лет, иногда 14–15 или даже 12–13 лет. Для юношей нормальным считался возраст 16–18 лет, но большей частью в XIX – начале XX в. женились в 19–20 лет и позднее“ (Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. М., 1991. С. 11).

Подчеркнем, что башкиры, как и все соседние мусульманские народы, при оформлении брака придерживались обычаев и установлений Корана и шариа. Однако возраст вступающих в брак в них не оговаривался. Временами среди них действовал закон Российского государства от 1744 г., по которому для вступления в брак жених должен достичь не менее 15, а невеста – 13 лет¹⁶². По закону от 13 июля 1830 г. запрещалось заключать браки до достижения женихом 18, а невестой 16 лет. Возраст этот был обязательен и для башкир. Указные муллы, свершавшие ранние браки в нарушение закона, подвергались наказанию¹⁶³.

Думается, что опыт поколений сам установил приемлемый возраст для брачащихся. Подавляющее большинство башкир заключало брак с 18 и старше лет, невестам бывало за 17. Разумеется, не обходилось и без отклонений от привычного обычая.

Из числа изученных нами дел за 1834 г. по 42 деревням Оренбургского уезда (см. табл. 18) в 27 аулах наблюдалось отклонение от установленного возраста брачащихся. В 27 деревнях ранний брак зафиксирован в 96 семьях из 1080, что составляет 8,8% от всех семей. Из них в 6

Количество всех семей и ранних браков по деревням Оренбургской губернии

Деревня Оренбургского уезда	Кол-во семей	Возраст		Деревня Оренбургского уезда	Кол-во семей	Возраст					
		мужья	жены			мужья	жены				
Аршаново	34	17	14			22	17				
		22	16			18	13				
		53	1-38			16	15				
			11-16			20	16				
						45	18				
Аустаново	28	18	15			26	16				
Алаштинское	28	18	15			22	14				
Адышевское	61	14	17	Башкино	21	30	1-25				
Белогорское	64	22	16						11-16		
		22	13						14		
		23	16						19		
		24	18						20		
		20	12				20				
Исмаилово	13	13	20			24	17				
Ивангузово	44	32	18	Кашкино	23	56	16				
		21	13					23	16		
		22	17			Кулчуново	32	22	15		
		18	17							21	16
		18	15							23	16
Ишкабильское	30	25	17	Маскотово	27	28	16				
		24	16					42	1-17		
		15	12						11-35		
		22	1-18			Мутаново	45	25	14		
			11-42							22	16
29	1-23			19	14						
	11-17			32	17						
22	14	Павлово	37	32	17						
35	1-19					19	15				
	11-14			Рыбачинское	45	22	15				
22	1-16							19	15		
	11-16							19	15		
17	16					19	15				
31	1-20	Сарытаево	43			21	15				
	11-16					21	16				
20	15					20	16				
15	12					20	16				
21	14					18	13				
28	14	Карагулово	24	26	16						
16	18					23	18				
20	18					24	17				
28	15					19	15				
25	17			Ташкино	34	31	16				
Тайманово	51	21	18					20	15		
		58	16					27	17		
		51	14					36	17		
		18	18			Юдино	41	17	13		
		18	18					26	16		
18	18			22	14						
13	14			18	14						
16	30	Якимбетово	46	40	1-36						
23	1-35						11-16				
	11-12			Яковлевское	33	37	1-21				
Тришкетово	34					45	15			11-16	
							1-33				
			11-33								
Тукалово	20	33	1-33								

случаях невестам было по 12 лет (0,6%), в 7 случаях – по 13 лет (0,6%), в 14 случаях – 14 лет (1,2%), в 14 же случаях – по 15 лет (1,2%), в 39 случаях – по 16 лет (3,6%), в 16 случаях – по 17 лет (1,5%).

Возраст женщин колебался от 18 до 30 лет, редко старше 30, трем из них было 40, 45, 50 лет.

Отклонение в возрасте наблюдалось не только у невест. В двух случаях 13-летние подростки были женаты и жили в отцовской семье. Но в двух других случаях ранний брак женщин был вынужденной необходимостью – у них не было родителей (14-летний имел 17-летнюю жену, другой, 15 лет, – 12-летнюю). В 5 случаях 16-летние женихи имели жен: 1-й – 13 лет, 2-й – 15 лет, 3-4-й – 16 лет, 5-й – 30 лет¹⁸⁴.

Это – у полукочевых башкир. Что же касается оседлых коренных жителей Осинского уезда Пермской губернии, то у них ранний брак – редкость. В 1834 г. из 30 деревень башкир-гайишников в 4 аулах (Березниково, Елпачиха, Капоково, Куземьярово) зафиксировано 9 сравнительно ранних браков: двоим было по 16, семерым – по 17 лет. Доля их составляет лишь 0,5% от всех 1744 семей северных башкир¹⁸⁵.

Народ осуждал ранние браки. И это нашло свое отражение в фольклоре. Исторические песни и *сеңләу* (песня-плач) зафиксировали отклонение в возрасте брачующихся как отрицательное явление, имевшее место главным образом у полукочевых башкир. Надо думать, явление это было нетипичным для оседлых башкир.

По сведениям 1866–1869 гг., в брак вступали в первую очередь молодые женихи и невесты, затем – вдовцы и вдовы и, наконец, вдовцы и девушки. Основная масса девушек вступала в брак до 20 лет, некоторая их часть – до 25 лет, незначительная часть – до 30 лет. В большинстве своем мужчины обзаводились семьей в 20–25 лет, отчасти – до 20 лет, менее всего – в 26–30 лет¹⁸⁶. Ранние браки встречались, таким образом, весьма редко. Как видим, массовый статистический материал не согласуется с выводами вышеупомянутых авторов, выдававших единичные факты за правду.

Башкиры заключали браки по сватовству и путем умыкания. У браков по сватовству – несколько форм:

- 1) калымный брак путем уплаты выкупа – калыма,
- 2) колыбельное сватовство,
- 3) брак отработкой,
- 4) левират и сорорат.

Брак путем похищения предполагал насильственное и мнимое умыкание.

Кратко – о формах браков.

Женитьба путем уплаты калыма – основная форма брака. Калымный брак существовал у тюркоязычных народов еще до принятия ислама. За-

тем мусульманскими идеологами он был закреплен как разновидность покупного брака. Калым стал выполнять такую же роль, какую выполнял брак с уплатой махра у арабов¹⁶⁷.

Со времен средневековья вопрос о заключении брака решался, по словам Ф. Энгельса, „не самими вступающими в брак“¹⁶⁸. Так было и у башкир: вопрос о браке решался не женихом и невестой, а родителями, а у более взрослых людей – валиями, или доверенными лицами. Они и вели переговоры с родителями невесты. При согласии последних начинались переговоры о калыме. С обоюдного согласия определялся его конкретный размер. Надо сказать, что не всегда привнималось во внимание согласие молодых на брак. Народная поговорка этот момент передает так: „*Кыз кемес бармас ине, егет кемде алмас ине, калым малы булмаһа*“ (за кого бы не вышла девушка, кого бы не брал жених, если бы не было калыма).

Сама процедура заключения брака еще в 1784 г. подробно описана одним анонимом: „При свадьбах (у башкир Пермской губернии) бывают следующие обряды: с жениховой стороны выбирают мужчин свидетелями, которые приходят в дом назначенной невесты обще с муллою; невеста же в это время не показывается; отец же спрашивает дочь при поминутых свидетелях, согласна ли она (выйти замуж) за назначенного ей жениха; когда она согласна, производят ряд, по их языку называемый калым, на прощание невестинного отца, сколько оной потребует, и уходят. Свадьбу назначают на другой день, призывают муллу, который приходит с алкораном и спрашивает невестина отца три раза, отдает ли дочь, а потом мулла же спрашивает у свидетелей три раза, отдает ли жених назначенный калым; когда же окажется со обеих сторон согласными, мулла читает из алкорана приличные сему молитвы; с тех пор позволяется жениху ходить к невесте для посещения, на пазуху, но только тайным образом, чтобы никто из домашних его не видел, пока не выплатит калым, по выплачиванию же берет (жену) к себе в дом“¹⁶⁹.

Муллы записывал брачный договор в метрическую книгу, введенную для мусульман в 1829 г. До этого времени никаких записей не было, все свертвалось устно. При этом фамилии рядовых башкир, производные в основном от имени отца, сохранялись у женщин в период их замужества.

В любом эксплуататорском обществе брак – экономическая сделка. Вот что писал об этом Ф. Энгельс: „... с торжеством частной собственности над общей и с появлением заинтересованности в передаче имущества по наследству, тогда заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера“¹⁷⁰. Не представляло исключение и башкирское общество. У башкир калым и есть сделка по приобретению жены. Кораном предусмотрена в обязательном порядке выплата женихом выкупа¹⁷¹, но не установлен его размер. Последний зависел от социального и материального положения сторон. Обычно он колебался в

денежном выражении от 150 до 1500 руб. ассигнациями. Н. Попов для башкир Осинского и Пермского уездов Пермской губернии указывает размер калыма для начала XIX в. от 100 до 400 руб. и более¹⁷². П. М. Кудряшев приводит сумму от 200 до 500 руб. Богатые предлагали калым до 3 тыс. руб.¹⁷³

В состав калыма входит скот, деньги, отрезки материй, одежда, украшения, хозяйственные и бытовые предметы, в том числе топор, узла, ножи, пуговицы, английские булавки, зеркала, мыло и др.

Башкир Юрматинской волости Ногайской дороги одинокий Бердышка Акибетев, родители которого отъехали в Крым, выдав родную сестру замуж за башкира Таигаурской волости той же дороги Давлетчуры Тинсарова, в 1672 г. получил в калым вотчину по обе стороны реки Яик, места рыбной ловли по Яику, 60 голов скота, „доброе“ коня, 7 кунных шуб, шапку из черной лисицы и пансырь¹⁷⁴.

В легенде „Уралбай“, относящейся примерно к XVIII в., престарелый аульный богач Уразбай обещал бедным родителям девушки калым в составе 5 лошадей и коров, а также одежду¹⁷⁵. Иногда в калым включали и ясирей – пленных. Так, например, в 1700 г. башкир Бурзянской волости Ногайской дороги Утека отдал в калым пленного калмычонка Апачко башкиру Минской волости Корсаку Булякову (данный факт говорит и о наличии племенной экзогамии)¹⁷⁶.

В XIX в. в составе калыма преобладала его денежная часть, что является показателем развития товарно-денежных отношений в России и на ее окраине – Башкирии. Надо полагать, что до этого времени важную роль в составе калыма играл скот.

По шариаду, пока не выплачен калым, невеста не переходит в дом жениха, хотя он стал фактически супругом. В таких случаях жизнь вносила свои поправки в установлении шариада. По обоюдному согласию, по ушате половинного размера калыма жених мог забрать к себе невесту¹⁷⁷. Тем не менее в случае недоплаты калыма за отцом невесты сохранялось право вернуть (*хайтарыу*) свою дочь и оставлять ее у себя до полной выплаты калыма¹⁷⁸. Житель дер. Алкино Уфимского уезда Суяргул Темирбаев в прошении в 1839 г. писал, что 9 лет тому назад он выдал дочь Гульзагиду замуж за башкира дер. Мусабаево Назмутдина Ашимбаева с условленным калымом в 800 руб., часть которого (300 руб.) он получил деньгами. За это время зять не доплатил остаток калыма, но и „на пропитание жены ничего не доставляет, ибо он сам шатается по заводам и работникам“¹⁷⁹. Дочь его была вынуждена вернуться в дом родителей. Пример этот – лишнее доказательство того, что родители продолжали защищать своих замужних дочерей.

В глазах родителей брак дочерей – выгодное мероприятие. Некоторые из них ухитрились дважды выдать дочерей замуж и дважды получить

калым. Примером тому – следующие дела. Тляк Аблаев из Айлинской волости жаловался на то, что несмотря на выплату им в 1820 г. условленного калыма в 1500 руб., теща его Халиет Хамзина не отдала ему свою дочь под предлогом „будто бы она в августе 1820 г. потерялась“. Оказалось, что он выдал ее замуж за большого калым за урядника Файзуллу Гумерова, отправленного на очередную военную службу в Томскую губернию. По жалобе Тляка Аблаева Салима Хамзина была выслана из той губернии и возвращена истцу¹⁰⁶. Жена Калимуллы Самигулова из дер. Курминово Бирского уезда Сахиббафа Нигматуллина в 1827 г. в прошении писала, что в отсутствие мужа отчим и мать насильно отдали ее вторично замуж за другого человека. Прожив у последнего 4 недели, она вернулась к первому мужу¹⁰⁷.

Основная масса людей жила в условиях моногамной (еднобрачной) семьи. Но были и полигамные (многобрачные) семьи. По Корану, многоженство – явление приемлемое. Поэтому башкиры имели право заключать браки с четырьмя женщинами одновременно. Но следует оговорить, что многобрачные семьи – это удел в основном феодального сословия. Более того, его представители не очень-то придерживались этих ограничений Корана. Нарушения подобного рода зафиксированы материалами народного творчества и архивными источниками. В легендах „*Ярэктай*“ и „*Көнбәләүҙән кәмһән*“ представлены такие ситуации, когда аульные баи стремились иметь до 5–6 жен. Так, например, жадные и жестокие Типтегуд и Абдулла сватали девушек соответственно пятой и шестой женой¹⁰⁸. Духовное управление мусульман не раз возбуждало дело против подобных нарушений со стороны кантонного начальника 6 (7) кантона Верхнеуральского уезда сотника Хасана Бишева, имевшего уже пять жен¹⁰⁹. Тем не менее факты эти – исключение, а не правило.

Немалый интерес представляет также вопрос о соотношении полигамных и моногамных семей. Следует отметить, что о степени распространения многоженства в башкирском обществе нет единого мнения в литературе. Существуют в основном две точки зрения. Согласно первой, многоженцев было чрезвычайно много. Точка зрения эта выдвинута чиновниками-администраторами XVIII в. и поддержана исследователями. Еще в 1726 г. кунгурский воевода Юхнев, объездив по поручению властей 60 башкирских волостей, писал в своем отчете: башкиры „имеют многих жен по их закону, и того ради людны“¹¹⁰. Предлагая увеличить численность башкир, участвующих в войнах и на тяжелых крепостных работах, другой чиновник видел в этом наиболее эффективный путь разрушения семейного быта. Начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов в 1735 г. доносил в Кабинет: „И без прибылых людей настоящее башкирское народонаселение чрезвычайно увеличивается вследствие многоженства... Башкиры опасны не настоящею своею

силою, но будущим размножением от многоженства и приплыва беглых“¹¹¹. Первый член-корреспондент Петербургской Академии наук оренбуржец П. И. Рычков в середине XVIII в. поддерживал ту же точку зрения: „Дворское их (башкир. – А. А.) число повсюду прибывает тем, что от многоженства весьма умножаются“¹¹². В период составления „Экстракта о башкирском народе (1774 г.)“, предназначенного для генерала-карателя П. И. Панина, П. И. Рычков продолжал считать многоженство причиной прироста башкирского населения¹¹³.

Выводы эти поддерживались и другими авторами XIX в. По мнению А. Ф. Щекатова, в начале XIX в. „многие башкирцы имеют по две жены, а больше редко у кого бывает“¹¹⁴. В 1810 г. Н. Попов утверждал: „Редкие башкирцы имеют по 4 жены, но многие по две, а прочие по одной“¹¹⁵. В 1867 г. крупный административный деятель кантонного управления и просветитель Альмухамет Куватов в своих рукописных записках „Причины обеднения башкирского народа“ писал: „Некоторые говорят, что к обеднению башкирского народа способствовало многоженство. Это правда, тем более, когда народ угнетен бедностью, но это только зло временное, поддерживаемое невежеством и грубостью нравов башкир, которые служили преградой к развитию и просвещению их“¹¹⁶.

Авторы сходятся в одном: многоженство у башкир – явление обычное и весьма распространенное.

Но бытовала и противоположная точка зрения. Знаток быта башкир, этнограф, руководитель тайного антиправительственного кружка в Оренбурге П. М. Кудряшев в 1826 г. писал: „Редкие имеют более одной жены, потому что бедность не допускает пользоваться вполне дозволенным религией“¹¹⁷. В. М. Черемшанский уточняет так: „Башкирцы, как и вообще все мусульмане, имеют – достаточные – по две и по три жены, а бедные по одной. Впрочем, в настоящее время многие из благодушных башкирцев не увлекаются примером многоженства, считая его главной причиной семейных несогласий, и, при всей возможности иметь несколько жен, всю жизнь довольствуются одной. Многоженцы обязаны иметь для каждой жены особое помещение – особую избу, старшей представляют преимущество в хозяйственном распоряжении“¹¹⁸.

Выяснив причины бедности народа, бывший начальник 10-го Уфимского кантона в 1866 г. отметил между прочим: „Дозволенное многоженство, вредное для семейной жизни, у башкир не так распространено“¹¹⁹. Что же касается полигамных семей у северо-восточных башкир, то, по Н. А. Скалозубову, „чем зажиточнее население, тем большее и большее развитие получает в нем многоженство“¹²⁰.

Общий вывод сводится к тому, что полигамия – редкое явление в быту башкир.

В вопросе о многоженстве среди башкир многие авторы ограничивались лишь общей констатацией самого факта полигамных семей и редко приводили единичные примеры. Ни в одной работе о башкирах не найти статистических данных о степени распространения, соотношении полигамных и моногамных семей. Наличие прямо противоположных точек зрения говорит само за себя. Историко-этнографической наукой поныне не разрешен этот вопрос.

Естественно, возникает вопрос, в какой мере верна та или иная концепция? Прежде всего отметим, что многоженство вызвано было к жизни не религиозными догмами ислама, а хозяйственной необходимостью, своеобразием кочевого уклада жизни населения. Буряты или народы Крайнего Севера – не мусульмане, но и у них многоженство широко практиковалось. Ислам поддержал и узаконил лишь реально существующее положение.

В свете многобрачия материалы VII ревизии можно было бы обобщить такой таблицей (см. табл. 19).

Судя по этим данным, к 1816 г. многоженство в разной степени наблюдается во всех населенных башкирами уездах. Из рассмотренных дел явствует следующее: в 231 деревне 9 уездов проживало 8999 семей, из них многобрачные 1126, или 12,5% от всех семей; двоеженство – в 1032 семьях (11,4%); в 86 семьях – троюженство (0,9%); в 8 семьях – четвероженство (0,08%). Значит, многоженство у башкир не носило массового характера. Одна из причин этого в том, что женщин всегда было меньше, чем мужчин.

Таблица 19
Количество всех и многобрачных семей по хозяйственным районам¹⁹⁵

Хозяйственные районы и уезды	Уездов	Количество семей						
		всех	в т.ч. двум женщинам		в т.ч. трем женщинам		в т.ч. четырем женщинам	
			в % к общему кол-ву	в % к общему кол-ву	в % к общему кол-ву	в % к общему кол-ву		
Земледельческий район:								
Белебеевский уезд	9	284	20	7	–	–	–	–
Бирский	15	502	61	12	3	–	–	–
Мензелинский	63	2195	245	11	34	1,3	1	0,01
Мензелинск (1834 г.)	62	2614	281	10,7	22	0,8	1	0,03
Осинский (1834 г.)	23	1581	64	4	6	0,3	–	–
Уфимский	15	354	66	13	9	2,5	–	–
Итого:	187	7530	737	9,8	74	0,9	5	0,06
Скотоводческий район:								
Красноуфимский	3	92	19	20,6	4	4,3	–	–
Оренбургский	32	1177	230	19,6	7	0,5	3	0,20
Стерлитамакский	5	114	23	20	1	0,8	–	–
Троицкий (Зурьял.)	4	86	23	26,6	–	–	–	–
Итого:	44	1469	395	20	12	0,8	3	0,20
ВСЕГО:	231	8999	1032	11,4	86	0,9	8	0,08

Таблица приоткрывает нам и особенности хозяйственных районов в свете этого вопроса. В скотоводческом районе из 1469 семей многобрачными являлись 310, что составляет 21,1% от всех семей. В земледельческом районе многобрачных 816 (10,8%) из общего количества семей – 7530. Как видим, сравнительно большее распространение получило многоженство у башкир-полукочевников, нежели у башкир-земледельцев.

Вывод этот подтверждается и материалами истории семьи у татар и мишарей некоторых уездов Оренбургской губернии¹⁹⁶.

Попутно заметим, что эти данные о полигамии среди татар не совсем согласуются с утверждением Л. И. Шайдуллиной о том, что среди них почти не привилось многоженство¹⁹⁷. Далее, как видно из табл. 20, из 11495 татарских и мишарских семей полигамными считались 1202, или 10,5%. Процентное сравнение многобрачных семей у мишар-татар и у башкир земледельческого района дает почти полное их совпадение – 10,5% и 10,8%. Стало быть, у земледельцев полигамия известна в меньшей степени, чем у полукочевников.

Таблица 20

Соотношение моно- и полигамных семей у татар и мишарей

Уезды, где проживали татары и мишари	Количество семей			Многобрачные семьи (в %)
	всех	в т.ч. единобрачных	в т.ч. многобрачных	
Бирский	3 592	1 384	208	5,8
Белебеевский	2 948	2 652	296	10,0
Уфимский	3 839	3 400	439	11,4
Стерлитамакский	1 245	1 081	164	13,2
Челябинский	694	614	80	11,5
Оренбургский	227	212	15	6,6
ВСЕГО	11 495	9 343	1 202	10,5

Положение неразделенных семей лишь усиливает эти наблюдения. Сравнительно заметная распространенность многобрачия и неразделенных семей у полукочевых башкир, очевидно, неслучайна. Вызвана она главным образом особенностями кочевого скотоводческого хозяйства.

Взаимозависимость этих двух институтов в скотоводческом районе Башкирии проступает еще и в том, что многоженство более развито в неразделенных семьях, нежели в малых. А неразделенных семей сравнительно больше у полукочевников, чем у оседлых башкир. Таким образом, полигамия и неразделенная семья – атрибуты прежде всего кочевого мира, нежели оседлого.

Не подтверждается существующее мнение и о решающей роли полигамных семей в приросте населения. Они, безусловно, оказывали некоторое влияние на этот процесс, но определяющего значения иметь не

могли. Парадоксально, но факт: в семьях, где по 2–4 жены, редко было до 10 детей. В 1757 г. у старшины Усерганской волости Кувата Кинзыгул ула от трех жен было 7 сыновей и 3 дочери¹⁹⁸. У 54-летнего башкира дер. Куново Бирского уезда в 1816 г. было 4 жены (26, 35, 36 и 41 года) и 13 детей¹⁹⁹. Из дер. Акбулатово Оренбургского уезда Аргумбай Тюлебаев (48 лет) имел от двух жен 5 дочерей и 2 сыновей. 60-летний Гумер Карачурин из дер. Гумерово того же уезда от 3 жен (27, 44, 59 лет) имел 5 сыновей²⁰⁰. Из той же дер. Гумерово Исхибай Зюмагузин (48 лет) от двух жен (27, 40 лет) имел только сына и дочь²⁰¹. У сотника Бигчуры Байгузина (50 лет) из дер. Главулово Оренбургского уезда от 3 жен (50, 50, 25 лет) – 3 сына и дочь²⁰². Биктимир Якупов (54 года) из дер. Кырлясово того же уезда имел 4 жены (54, 52, 45, 22 года) и одного 2-летнего сына²⁰³. Такие примеры можно приводить и дальше, ограничимся названными. Для нас важно отметить, что по просмотренным делам ревизии 1816 г. не нашлось ни одной полигамной семьи, где бы имелось больше 13 детей. Но и семей, имеющих больше 10 детей, единицы. В 40 деревнях Оренбургского уезда по VIII ревизии (1834 г.) – 1592 семьи, из них полигамных – 205, что составляет 12,9 от всех семей (см. табл. 21). На каждую многобрачную семью полукочевника в среднем приходилось 3,3 ребенка²⁰⁴.

Таблица 21

Количество детей в многобрачных семьях у полукочевных башкир

Число детей	без детей	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	всего
Число семей	9	33	36	39	40	23	12	5	4	3	1	205
В проц.	4,4	16,0	17,6	19,0	19,5	11,2	5,9	2,5	1,9	1,5	0,5	100

В полигамных семьях число детей редко превышало 6 человек. Наиболее характерны семьи, имеющие от одного до пяти детей: их 83,3%. Почти 40% от всех семей имело по 3–4 ребенка. Встречались семьи и с числом детей от 7 до 11, но их весьма и весьма мало – всего 6,4%. По той же ревизии в 19 деревнях из 30 у северных башкир-земледельцев Осинского уезда имелись полигамные семьи. Их насчитывалось до 95 из 1140 семей, что составляло 8,3% (см. табл. 22). На каждую многобрачную семью приходилось здесь по 3,8 ребенка²⁰⁵.

Таблица 22

Число детей в полигамных семьях у оседлых башкир

Число детей	без детей	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	всего
Число семей	8	12	8	16	13	19	8	1	5	2	1	95
В проц.	7,4	12,8	8,5	17,0	13,8	20,2	8,5	1,2	5,3	2,2	0,5	100

У башкир-хлебоплывцев каждая 5-я семья имела 5 детей. Для них характерны семьи с количеством детей от 1 до 5, таких насчитывалось 72,3%. Семьи с большим числом детей (от 7 до 13) составляли 11,8%. Бездетность –

одна из причин многоженства, бездетных семей у полукочевников было больше (12,8%), чем у земледельцев (8,3%).

Бездетные полигамные семьи встречались и на юге, и на севере. Выходит, решающее значение в приросте башкирского населения имели единобрачные семьи, а не полигамные.

Многоженство, кроме всего прочего, было распространено в зажиточных семьях. Это происходило потому, вероятно, что связано было с экономическими возможностями. Недаром Ф. Энгельс подчеркивал, что „многоженство – привилегия богатых и знатных“²⁰⁶.

Кто из состоятельных мужчин имел более одной жены? Те, чьи жены оказывались неспособными к деторождению или не имели сыновей.

Многоженство, вызывавшее разлад семьи и раздел имущества, стало предметом обсуждения в Оренбургском магометанском духовном собрании. В 1841 г. указным мултам предписывалось обследовать материальное положение мужчины перед тем, как удовлетворить его намерение обзавестись второй женой. Свидетельство о материальном положении выдавались юртовыми старшинами, т.е. старшинами группы деревень, их помощниками, кантонными начальниками, а также их помощниками. Вот пример. Житель дер. Легазово Шадринского уезда Мухаметзариф Сантягафаров по случаю „уклонения первой жены от супружеского с ним сожития“ решил жениться на дочери башкира дер. Кызылбаево Файзуллы Альмухаметова. Для этого после обследования его хозяйства помощником старшины претендент получил свидетельство, где сказано было, что он „в состоянии содержать двух жен, по новоду сему дозволяется ему жениться на законном основании“²⁰⁷.

Многоженство вызывало, разумеется, массу негативных моментов в быту народа. Отрицательные последствия его отмечены кантонными начальниками. Один из них в 1864 г. писал, что „многоженство среди башкир (Челябинского уезда) – имеет... свою невыгодную сторону. Оно поселяет несогласие в семье и, усиливая семейные разлады, отрицательно влияет на хозяйство башкир“²⁰⁸. Альмухамет Куватов среди многих других причин обнищания народа видел большое зло в многоженстве. „Не будь этого невежества, – писал он, – застоя в умственном развитии вследствие объясненных выше причин, башкиры занимали бы в истории народов значительное место, уничтожив сами собою допускаемые магометанством обыкновения, как то многоженство и тому подобные обряды“²⁰⁹.

Фольклор также подчеркивает нежелательные последствия этого пережиточного института. Народные поговорки: „Аты икәүҙең аяғы тынмас, хатыны икәүҙең холағы тынмас“ (у кого два коня, погам не будет покоя, у кого две жены, ушам не будет покоя); „Көндөшлөккә айҙо көп до кәйһөнә“ (в доме соперниц бесконечные переживания); „Өйҙөш тә бер, көндөш тә бер, кысқырыш та талаш“ (однаковы и квартирантка, и

соперница: крих да сора) – тому яркий пример. Одной из поговорок выражено сочувствие судьбе таких женщин: „*Кындышлага тин озон, кындышлага кыи озон*“ (ночь длинна для соперницы, день длинен для поленницы). Народ осуждает полигамию и иронизирует над двоеженцами: „*Кесе хатын – кесе хатыным*“ (младшая жена – чужая жена), „*Тулал хатын тилкө булар, уны алган калкы булар*“ (младшая жена будет лисой, взявший ее станет посмешищем).

С калымным браком и многоженством тесно связаны пережиточные формы брака – левират (от лат. *levir* – деверь, брат мужа) и сорорат (от лат. *soror* – сестра). Языческий левират отменен был Кораном и все же у башкир в какой-то мере он сохранился²⁰. Тому свидетельство – архивные и фольклорные источники. О сути его в „Описании башкирцев, обитающих в Пермском наместничестве“ (1784 г.) говорится так: „После смерти (старшего) брата его родной (младший) брат берет жену покойного спустя 4 месяца 10 дней после его смерти, если она не брюхата, а замужество за себя... и жениться таковым позволено и отдает ей калым вполне“²¹. В народной шуточной песне отражено это же явление: „*Алай үлөп, еңгә халһа, өбермөбөз иттарга*“ (если умрет брат и останется сноха, не отпустим ее к чужим). Претендентов на сноху-вдову было предостаточно. Первый из них – младший брат умершего („*Жәйнеш – ярты ир, ир югында – бөтөн ир*“ – младший брат мужа – наполовину муж, нет мужа – полный муж). Следующий кандидат на нее – племянник, сын брата покойного мужа („*Еңгә хатын – сәйдиһесе*“ – сноха принадлежит внуку).

Главную причину сохранения института левирата исследователи видят в материальной стороне дела. В случае ухода снохи-вдовы неразделенная семья лишалась работницы, имеющей значительное приданое²². Но следует добавить, что левират у всех народов не лишен был и гуманный смысл (воспитание детей старшего брата).

А теперь проследим проявления этого обычая по косвенным сведениям VII, VIII ревизских сказок, относящихся к Южной, Восточной и Западной Башкирии. В 1816 г. левиратные браки встречались в аулах Оренбургского уезда. Житель дер. Абзаново Мухаметгали Мурзабулатов в 18 лет имел жену Асылбику 46 лет, Кулгыз 17 лет; в дер. Акъялово у Сунарсы Ханбилова 24 лет были жены – Кыялбика 47 лет и Гульбастан 21 года; в ауле Аюназарово у 35-летнего Шамгула Азибаева были жены: первая – 50 лет, вторая – 35 лет, причем у первой имелся уже взрослый сын 23 лет²³. В дер. Айбатово Челябинского уезда у мурды Куйбагыша Айбатова было 2 сына, в 1815 г. старший из них – Султамрат – умер в 40 лет, а на его вдове Тюнулей 39 лет женился 18-летний младший брат Хаби, уже имея 20-летнюю жену²⁴. В Мензелинском уезде житель дер. Суксы Абдулнасыр Юлдашев 26 лет имел жен: Вафиру – 40 лет,

Сагиду – 16 лет; в дер. Сапарово у походного сотника Мухаметвали Мухаметрахимова 48 лет имелись жены: Гаибя 60 лет и Габида 45 лет. У жителя дер. Азякулево 40-летнего Идриса Смакова была 60-летняя жена Алтынбика²⁵. Материалы VIII ревизии рисуют такую картину: в дер. Арсланово Оренбургского уезда Мухамадияр Ибрагимов в 21 год был женат на жене умершего в 1823 г. брата Габбаса 43-летней Хафизе. В дер. Куллумбетово в одной семье мужу было 19 лет, жене – 30, причем они имели детей 8 и 11 лет. В дер. Сихсанбаеве совместно жили 7 женатых братьев, из которых 53-летний умер. Его 42-летнюю вдову Игабику взял в жены 17-летний младший брат Худайгул. В дер. Туимбетове вдову умершего 36-летнего Ишмикула Кучукулова взял его 17-летний младший брат Ишкул. Якуп Сусарбаев в 16 лет был женат на 30-летней вдове умершего брата Усмана – Азнабике. Там же старшина 40 лет был женат на двух: первой – 30, второй – 65 лет²⁶. В дер. Барда Осинского уезда у 22-летнего гайнинца была 48-летняя жена²⁷. В дер. Кузикове Мензелинского уезда у башкира Хаметуллы Абдуллова 43 лет были жены Вазиля 68 лет и Хуснуниса 40 лет²⁸.

С этими сведениями перекликаются и мотивы исторической песни „Шәүрә“: старик-бурзянец женил 18-летнего сына Баима на 37-летней вдове его старшего брата. От первого брака она имела совершеннолетнего сына, которого женила на красивой девушке Шауре. Шаура любит не мужа, а свекра Баима, последний отвечает ей взаимностью. Из-за чинных препятствий вынуждены они были покинуть родной край²⁹. Словом, большой возрастной разрыв между супругами говорит о наличии левиратных браков у башкир. Вдова старшего брата, вышедшая замуж за его младшего брата, бывала старше второго мужа на 10–15 лет. И часто это приводило ко вторичной женитьбе ее супруга. Не случайно там, где имелся левират, наблюдалось двоеженство. В 1864 г. начальник кантона о левирате у башкир писал так: „... в браках, совершаемых между ними, видна несоразмерность возрастов жениха с невестой, являющаяся следствием чисто корыстных побуждений. Отец или даже старший брат, у которого осталась невеста после смерти одного из членов семьи, не желая отпустить из своего дома скот и другие вещи, данные ей в калым, отдают ее в жены самому младшему члену семьи. Следствием этого является то, что последний, уступая воле главы семейства, вступает в брак с женщиной, производительные силы которой уже истощились“³⁰. По этому поводу одна из поговорок советовала: „*Ерек утын яхма, еңгә хатын алма: ерек утындың кызымы юк, еңгә хатындың йылымы юк*“ (не топни печь ольховыми дровами, не бери в жены сноху: нет тепла у ольхи, нет тепла и у снохи).

Разумеется, левиратные браки совершались, как правило, не без согласия вдовы. Жена жителя дер. Тагаево (Сунтареве) Галляутдина Аб-

дулвахитова, узнав о гибели мужа в Отечественной войне 1812 г. и прождав его три года, „по общему согласию вышла замуж за брата, родного того умершего“²²¹. Вдова жителя дер. Юлдашево Бузулукского уезда Атангула Атиксева Марьям Аблаева в 1826 г. вышла замуж за своего деверя Кулманкула. Она владела скотом на общую сумму в 3058 руб.²²²

Встречались левиратные браки и по принуждению. В 1822 г. житель дер. Белекей Абызово Оренбургского уезда Габай Ишбаев жаловался в Магометанское духовное собрание на насильственное обвенчание муллой его дочери Шагиды с братом умершего ее мужа²²³.

Принудительные левиратные браки – следствие нежелания семьи отпустить вдову как работницу, имеющую приданое в виде скота, вещей и денег. Пример этому – поступок свекра вдовы из дер. Новое Муинаково Челябинского уезда Умургула Янузакова. Не желая ухода снохи Гулбани после смерти сына Мухаметгали Янузаков попытался насильно выдать ее замуж за второго сына Мурадыма с „небольшим калымом“ (две лошади, овцы, вещи). Она на это согласия не дала и вышла замуж за другого. После этого бывший свекор пытался присвоить себе ее приданое, состоящее из шести лошадей, восьми коров, 100 овец и др.²²⁴

В целом народ относился к левирату неодобрительно. „*Еңе хатын-ямау, халман малы – талау*“ (жена-сноха – заплата, оставшаяся ее имущество – грабег) – гласит башкирская поговорка.

Наряду с левиратом несколько реже практиковался **сорорат**. В случае смерти невесты до брака, за которую уже уплачен калым, ее отец должен был отдать жениху вторую дочь. Если же она была несовершеннолетней, то просили жениха подождать. В случае смерти жены вдовец мог просить руки ее сестры и жениться, но уплатив дополнительный калым в уменьшенном размере. В 1833 г. имам Ишмухаметов из дер. Кубеково Белебеевского уезда женился на Мухитязмал Аюновой с калымом в 500 руб., которая вскоре умерла. Затем он женился на ее сестре Бадернисе с приплатой калыма в размере 300 рублей²²⁵.

Это явление также обобщено: „*Ай батһа, бондоз бар, хатын улһа, балдыз бар*“ (после заката луны есть звезда, после смерти жены есть ее сестра). Однако в фольклоре звучало и осуждение обычая: „Конец дерева – кол, женитьба на сестре жены – зло“.

Остальные формы брака по сватовству заключаются в следующем. Брак отработкой (практиковался в основном в несостоятельных семьях): не имея средств для уплаты калыма, жених отработывал его в хозяйстве будущего тестя или тещи. Например, башкир дер. Караякупово Уфимского уезда Аккул Хурамышин в 1826 г. женился на дочери Тюрлибикс Нальровой Магрифе Кинскеевой с обязательством уплатить калым в размере 450 руб. Из этой суммы уплачено было им только 50 руб.

„Желая ускорить уплату (калыма), он нанялся в том же году к ней, Нальровой, в работники с платою в год по 100 руб.“²²⁶ Таких примеров немало²²⁷.

У несостоятельных башкир встречался еще и обменный брак, когда две семьи обменивались невестами. Глухое упоминание об этом содержится в одном незаконченном деле фонда Духовного управления мусульман в Уфе. В данном случае ни одна сторона не платила калым.

Еще одна форма брака – колыбельное сватовство, называвшееся у башкир „*бишек туйы*“ (колыбельная свадьба). В этом случае просватывали мальчика и девочку, чьи родители были близко знакомы или происходили из одной и той же социальной среды. Колыбельную свадьбу справляли порой еще до рождения детей. Две семьи договаривались о том, что в случае рождения у них мальчика и девочки они должны вступить в брак по достижении определенного возраста. Цель колыбельного сговора – обеспечить уплату калыма путем растягивания ее на длительный срок. Это было выгодно бедным семьям. Но к колыбельному сватовству нередко прибегали и богатые.

Колыбельный сговор совершался обычно, когда мальчику или девочке исполнилось 40 дней со дня рождения (в крайнем случае – до пяти лет). Отец мальчика направляет свата (*жусы*) к родителям девочки. В случае согласия последних назначается день колыбельного сговора. *Бишек туйы* проводится в доме родителей девочки. Отцы сторон для своих детей выбирают из другого рода (*тюбы-аймака, ара*) посаженных отцов и матерей (*хыяматлыҡ ата-әсә*). В обязанность последних входит выбор имен мальчику и девочке. В день колыбельной свадьбы сорокадневным мальчику и девочке муллой объявляются эти имена. Перед собравшимися гостями матери детей передают их в руки посаженных отцов. Певцами исполняется *һамаҡ* (рифмованная прибаутка) – о том, что дети эти рождены друг для друга. Затем посаженные отцы, назвав детей по именам, передают их посаженным матерям. *Һамаҡ* продолжается в виде наставлений детям. Ему – как будущему защитнику их покоя, ей – как будущей верной жене, хранительнице очага. После этого детей укладывают в одну колыбель, одев их в новые распашонки (*күлдәк*). Раздаются подарки посаженным отцам и матерям, сватам и другим присутствующим. *Бишек туйы* завершается всеобщим угощением²²⁸.

По достижении детьми 8–12 лет проводилась еще так называемая свадьба сережек (*һырга туй*). Родители детей готовили подарки: для „невесты“ – серьги и шаль, для „жениха“ – *намышлы билбау* (вышитый пояс), *сиккан тахья* – *тубәтәй* (вышитую тюбейку). В помощь детям выбирают с обеих сторон парня – *хушамат* (выбранный „товарищ“) и девушку-*хушамат* (выбранная „подрута“). *Хушаматы* в свою очередь

выбирают борцов (*кыраисе*) с тем, чтобы на поединке определить, какая из „брачащихся“ сторон является „би“. На *һырга туй* режут двух коров или баранов, чье мясо должны отведать все присутствующие. Затем исполняется обряд, по которому мальчику и девочке дарят *һебә хабырһаһы* (нижние-ложное ребро) и *муйым һойһе* (шея). Борцы с обеих сторон получают куски мяса прямо из рук детей. Причем победителю дарят *һебә хабырһаһы*, побежденному – *муйым һойһе*. По обычаю девушка-*кушамат* должна выйти замуж за победителя. Поэтому в качестве борца выбирала она своего возлюбленного. Когда побеждает батыр со стороны девочки и получает в подарок *һебә хабырһаһы*, то в будущем она становится *би бисә*, т.е. ее муж лишается права брать вторую жену. Кроме того, родители могли не выдавать ее тому, „кто укусил ее за ухо“ во время *һырга туй*. Если же победу одерживал батыр со стороны мальчика и получал в подарок *һебә хабырһаһы*, то в будущем жена его становилась *бай бисә*. В этом случае он имел право жениться второй раз, а первая жена становилась старшей. Борьба за определение *би бисә*, конечно же, связана с материальными интересами сторон. Отец девочки, которой завоевали право быть *би бисә*, во время венчания (*никаһ*) имел право произвольно устанавливать размеры приданого и калыма.

Һырга туй проходит так. С разных сторон дома выводят к людям закрытых покрывалами красного цвета мальчика, синего или зеленого – девочку. Дети пока не видят друг друга, а в назидание ей поют о том, чтоб она была скромной, послушной и т.д. С обеих снимают покрывала, а присутствующие желают им счастья. *Кушамат* мальчика, танцует и напевая, показывает девочке „жениховы“ подарки. Песня не простая, она содержит вопросы к девочке (например, сшила ли она кисет, вышила ли билбау). При этом поощряет ее серьги и платок – подарки ей и ее матери. *Кушамат* передает их мальчику, тот и дарит девочке. Мальчик, укусив девочку за ухо (*колах тешләтсе*), адевает ей серьги в уши и дарит шаль. Затем следовали подарки со стороны девочки. Присутствующие поздравляли их и желали счастья. Родители объявлялись сватами, мальчик – женихом, девочка – невестой.

Отец девочки давал обязательство не выдавать ее замуж за другого. С этого времени всерьез заговаривали о калыме, и вносился он по частям. Родители детей дарили борцам билбау, мать мальчика его *кушамату* – платок, мать девочки ее *кушамату* – перстень.²²⁹ Завершалась свадьба сережек – *һырга туй* угощением.

Есть основание колыбельное сватовство считать широко распространенным обычаем. Следы этого в изобилии имеются и в фольклорных, и в архивных материалах. Приведем некоторые из них. В 1822 году бывший кантонный начальник 2-го кантона (Екатеринбургский уезд) Ак-

жигит Кэижабасев помолвил двухлетнего сына Аллаяра с дочерью башкира дер. Кармаскалинно Шарыпа Бигильдианова с калымом в 1500 руб. Через 18 лет заключен был их брачный союз.²³⁰ Башкирка дер. Кубово Уфимского уезда Гайнихаят Гьббасова в 4 года просватана была за башкира дер. Сарт-Наурузово Абдулзепара Абдулсаттарова, но по достижении 18 лет в 1847 г. она отказалась выйти за него замуж.²³¹ В легенде „Залхизо“ речь идет о дружбе двух охотников, которые после рождения у них мальчика и девочки договорились о сватовстве. Провели *вишек туй* и *һырга туй*. Но после смерти отца „жениха“ другая сторона, рассчитывая на большой калым, репшется выдать совершеннолетнюю дочь третьей женой аульному богачу. От прежних обещаний и обязательств отец „невесты“ всецело отказывается. Но молодые, полюбившие друг друга, решили по-своему – убежали вместе. Девушка была поймана. Избитую и привязанную к хвосту коня, ее приволокли в деревню и насильно выдали баю. К детовке последнего незаметно прибыл и возлюбленный, но был пойман и убит. У легенды трагическая развязка: Зудьхизя скончалась от горя.

Известен также и брак путем умыкания. Обычай этот, существовавший длительное время, не осуждался мусульманской моралью. Разумеется, брак оформлялся по шарияту.

Как видим, создание семьи сопряжено с большими материальными затратами с обеих сторон. Неимущих и маломыслящих это било по карману. Поэтому бедняки зачастую женились путем похищения девушек.

Поговорка „Похищенная – опозоренная“ („*Урланган хыз – хурланган хыз*“) свидетельствует о весьма драматическом опыте народной жизни. Тетяяр из башкир дер. Тонмурдино Белебеевского уезда Абдували Гьбадуллин с товарищами в 1817 г. похитил 15-летнюю Самигу из дер. Каразириково Бирского уезда ввиду несогласия ее отца выдать за него замуж. Похититель изнасиловал ее и после долгой тяжбы женился на ней, а затем развелся. Она вышла замуж за другого тетяря, но и тот недолговечный брак прекращен был очередным разводом.²³² Башкирка дер. Муртазино Стерлитамакского уезда Хабиба Ишопина, просватанная башкиром дер. Бабаларово Оренбургского уезда Абдуллатифом Калбулатовым с калымом в 600 руб., в 1819 г. в отсутствие родителей была похищена жителем дер. Чумазино Магадией Чумазиным. Через 5 месяцев в своем прошении она требовала наказать виновного. Оскорбленная Хабиба судилась долго, пока ее не вынудили отказаться от нека.²³³ Походивший старшина Айлинской волости Тупей Субханкулов, имевший уже трех жен, сделал попытку похитить дочь башкира Кара-Табынской волости Куужбая Умитбаева 23-летней Салиху. Когда его замысел не удался, Субханкулов придумал версию, по которой он, яко-

бы был помолвлен с ней, когда ей исполнилось 6 лет. Последняя в своем прошении к начальнику 5-го кантона Кудую Кучукову заявила, что она „ни за что и никогда“ не выйдет за Субханкулова, ибо поклялась быть за женихом Карамашевым „до смерти“. Она твердо сказала: „... выйти замуж за него не желаю и не нахожу в том надобности, я о сем ему никакого слова не давала, да и гнушаюсь его старостью“²³³. Некоторые дела заканчивались взаимным удовлетворением претензий. Так произошло, например, с иском отца девушки Джавили из дер. Узунарво Стерлитамакского уезда, похищенной в 1833 г. сыном муллы. Похищенная согласилась стать женой похитителя, тем более, что помолвленный жених „от взятия ее к себе отказался“. Девушку похитили, когда она находилась в поле и одета была в дорожную одежду ценой в 239 руб. Это наводит на мысль, что умыкание девушки произошло с ее согласия. Тем самым отец был поставлен перед свершившимся фактом²³⁴.

Люди не оставались безразличными к судьбе похищенных девушек. Отношение к этому явлению передает поговорка: „*Ат урлаган бур булыр, хыз урлаган хур булыр*“ (кто угонит коня, тот будет вором, кто похитит девушку, тому уныение).

Семейная жизнь в основном складывалась мирная, но, разумеется, встречались и деспоты, доводившие жен своих до бегства из дома и вторичного замужества. Нельзя не обратить внимание на обилие материалов с просьбой башкир к властям помочь им вернуть беглянок. Еще в 1746 г. на это явление обратил внимание чиновник Уфимской провинциальной канцелярии следующим образом: „Также и башкирские, и татарские жены бегают от мужьев и чинят испотребность, на коих жалуются мужья в канцеляриях у командиров; мужья остаются без всякого довольствия и без платежа отданных за них при взятые за себя калымных денег и протчего“ (См. МИБ. Т. 3. С. 558). Общая формула этих просьб такая: „... жену мою, ныне вышедшую за другого в замужество, от башкира такого-то отобрать и возвратить ее в единообщее со мною сожитие“²³⁴.

Просьбу мужей о возвращении беглянок можно объяснить экономическими соображениями. Они не верили в восстановление разрушенных семей, но надеялись на возмещение материального ущерба, т.е. на возврат уплаченного ими калыма. Житель дер. Исергапово Оренбургского уезда Хасан Байзингитов просил вернуть жену или лошадей, угнанных беглянкой²³⁵. В 1847 г. от Валляма Мендеева, жителя дер. Ягудино Верхнеуральского уезда, ушла жена Маргуба Уразбаева к башкиру дер. Аблизино Ахмету Исламбаеву. Конфликт был улажен тем, что потерявший получил одну лошадь от нового мужа своей бывшей жены²³⁶.

Таковы формы брака у башкир.

ФОРМЫ РАЗВОДА

Предписания и установления Корана и шариа, особенно по части калыма и многоженства, а главное – повсеместная и ежечасная практика жизни, наподобие умыкания девушек и т.д., не могли упрочить положение семей, укрепить их устои, предотвратить разводы.

Относительно башкир в историко-этнографической литературе упоминается лишь одна форма развода. Это – талак. Однако она не раскрывает всей сути хода разрушения отдельных семей.

Кораном предусмотрены такие виды развода, как талак, зихар и айман. „Талак“ – слово арабское, означающее „быть свободным“²³⁷. Данный вид развода назывался еще и байном [окончательным] талаком и становился свершившимся фактом после трехкратного произнесения мужем слова „талак“. Это означало, что муж не может помириться с женой, пока она не выйдет замуж за другого и не разведется с ним. Только после заключения нового брака с прежней женой муж мог восстановить первоначальную свою семью. В мусульманских странах этот вид развода породил институт мухаллифов („промежуточных мужей“). Разведенная жена оставалась в доме мужа четыре месяца и десять дней. Срок этот („гиддат“, как он назван в материалах Оренбургского магометинского духовного собрания) нужен был для того, чтобы установить, не беременна ли женщина. Если да, то она до родов оставалась в доме мужа, а затем покидала этот дом, оставив мужу детей²³⁸. Развод мог быть и не окончательным, если слово „талак“ муж произносил один раз. В таком случае также оставался в силе гиддат. Супруги в этот период могли помириться.

Суть „зихара“ заключалась в том, что муж давал развод жене, назвав ее спиной (захруи) своей матери, а мать принадлежала к лицам, брак с которыми не разрешался. Зихар – неокончательный развод.

Слово „айман“ произошло от ишования клятвы. Мужчина клялся в том, что не будет иметь супружеских сношений с женой в течение гиддата, пока не совершит задуманного. Этот вид развода также был временным²³⁹.

Шариат предлагал такие виды разводов, как илла и хулла (хульа, таал). „Илла“ (в переводе с арабского) – „событие“, отягчающее ини-

машине от чего-либо; причина, предлог, отговорка, увертка. Этот вид был похож на „айман“. „Хулда“ (в материалах Оренбургского магометанского духовного собрания этот вид развода назван „хлюгом“) означает полюбовное соглашение. Название происходит от арабского слова „хулдун“ – пустота, вакантность. В этом случае жена предлагала мужу свой махр (калым) или часть приданого за право получить развод. Стало быть, хулда (хлюг) есть такой развод, когда инициатором выступает жена. Но формулу развода произносил муж. Хулда – это уже окончательный развод, так как он „понимается как обмен имущества на личность. Муж вступает в права по отношению к имуществу, а жена получает право на свою собственную личность“²⁰².

Исследователями отмечается легкость шариятского развода. Однако к нему не могли прибегать трудовые массы, только состоятельные люди юридическую возможность превращали в действительность²⁰³.

Из всех видов развода у башкир практиковались главным образом талак и хулда (хлюг). (Во всяком случае, другие виды не зафиксированы в архивных материалах Магометанского духовного собрания). Мужчины прибегали к основному виду развода – талак, женщины – к хулда. Основанием для развода в глазах мужчины служило главным образом неповиновение жены или невыполнение ею супружеских обязанностей. Даже любой пустяк мог разрушить семью. Так, например, башкир дер. Мушуги Мензелинского уезда Мухаметшахир Сейфуллин в 1861 г. развелся с женой Бибимарфухой из-за того, что во время его отсутствия 17-летняя супруга с подругами играла на улице с посторонними мужчинами²⁰⁴. Башкирка дер. Сентбабино Стерлитамакского уезда Кодысь Абдулфранцова жаловалась в 1847 г. на то, что ее муж Гашимов завидел ей три раза „харама талак“ и выгнал ее из дома, незаконно отобрав ее собственное имущество²⁰⁵. Осповрихвател Стерлитамакского уезда Сайфулла Буранбаев в 1848 г. в присутствии свидетелей заявил жене Шамсукамар Юламановой три раза „талак“, затем выдал жене разводное письмо, получив за это одну корову²⁰⁶.

Бедность часто служила причиной распада семьи. Житель дер. Аскарово Верхнеуральского уезда Абдулгафар Арсланбаев развелся с женой из-за того, что не мог в доме содержать ее. Не занимался он ни скотоводством, ни земледелием, так как для этого не имел ни возможностей, ни средств. Арсланбаев не смог доплатить остаток калыма в 500 руб. и сам „был вынужден искать себе пропитание в чужих людях“²⁰⁷.

Жены также могли потребовать развод. Основанием для этого со стороны жены являлось невыплата мужем калыма, положенного по брачному договору, необеспечение мужем продуктами питания, одеждой, а также обращение с ней.

Просмотр материалов Магометанского духовного собрания с этой точки зрения приоткрывает любопытную картину. В 1843 г. Бибихадиса Абдуллина из дер. Килсимбасво Оренбургского уезда вышла замуж за однодильца и однофамильца Зиганшу с калымом в 300 руб., но последний, не выплатив калым, увез ее к себе. „И во все это время живет со мною в несогласии, – пишет она в прошении, – всегда обходится со мною жестоко, не дает мне никакой одежды и пищи. Я предъявляла о сих его поступках мулле, деревенскому начальнику и жителям, но он, не вникая их убеждениям, всегда меня от себя прогонял, что меня вынудило просить развод“²⁰⁸. Кизибиха Шименева из дер. Семерово Троицкого уезда в 1834 г. развелась с мужем Гайнуллой Абакиевым ввиду разгульной жизни мужа, избивений им, из-за того, что распродал имущество жены и заставлял ее работать на пашне, в то время как сам „развлекался дома со второй женой“²⁰⁹.

Выкуп за согласие на развод, выплачиваемый женой мужу, включал в себя почти все калымное имущество и деньги. Но придерживались этого не всегда строго. Так, одни давали разводное письмо за 40 фунтов чая²¹⁰, другие – за сотни рублей денег или десятки голов скота. За развод хлюг между башкиркой Махбубьямал Нугумановой из дер. Яппарово Белебеевского уезда и мужем ее из дер. Ябалаклино Балгазином Аблаевым последняя дала выкуп в виде кафтана (80 руб.), кармазина (50 руб.), перины с подушкой (30 руб.), половинки книги Корана (6 руб.), покрывала, рубахи, холста (10 аршин в 10 руб.), 2 овец (10 руб.), жеребца (20 руб.), козы (3,5 руб.) – всего 209 руб. Кроме того, она уступила ему недоплаченный калым и причитающиеся ей от него до истечения гаддата деньги²¹¹.

Развод оформлялся разводным письмом и записью, которую делал мулла в метрической книге. Приведем содержание одного такого письма, поскольку такой текст в литературе отсутствует. „1846 года, генваря 18 дня, я, ниже подписавшийся, будучи в здравом рассудке, дал сие разводное письмо в том, что я при свидетелях добровольно развел жену свою Кинзесултану Мухаметгаллину с получением от нее кобылу мухортою, жребца сиваго, штофного халата, быка и всех вещей, какия были мною отданы в калым. В чем башкирец Абдулгариф Арсланбаев руку приложил. Значующиеся в сем письме лошади и вещи, отданы мужу Арсланбаеву, а по доброй воле развелась с ним, и в том женка Кинзесултана Мухаметгаллина тамгу приложила“²¹².

Брак, основанный на одних материальных расчетах, был непрочным. Развод в этих случаях закономерен. И, надо сказать, что был он весьма распространен как у далеких от башкир бурит²¹³, так и у соседних с ними татар²¹⁴. Если в 1864 г. в 11 уездах Оренбургской губернии семи му-

сульманами, причисленными в Башкирское войско, было заключено 9634 брака, то разводы отмечены 1355 раз (12,3% от всех браков за 1864 г.)²¹⁵. Начальник 10-го Уфимского кантона в 1865 г. подчеркивал, что „разводы (у башкир) – вещь весьма обыкновенная. И всегда делается с угнетением женщины. Пора оказать женщине должное покровительство, установить наблюдение за случаем разводов, которые по большей части делаются по одному легкомыслию мужей“²¹⁶.

В литературе имеет хождение мнение, по которому развод у мусульман по желанию мужа был более распространен, чем по инициативе женщ. Или встречается даже утверждение о том, что право развода, например, у мишарей практически принадлежало одному лишь мужу²¹⁷. Однако факты говорят об обратном. Не только среди башкир, но и среди всех мусульман края развод по инициативе женщины встречался гораздо чаще, чем принято думать. Об этом свидетельствуют многолетние данные о разводах у всех мусульман Уфимской губернии²¹⁸.

Таблица 23

Сведения о разводах в Уфимской губернии в 1860-х гг.

Виды разводов	1866 г.	1867 г.	1868 г.
Талак (по воле мужчин)	268 (17,0%)	291 (19,3%)	260 (21,4%)
Хлюг (по инициативе женщины)	1 313 (83,0%)	839 (80,7%)	955 (78,6%)
ВСЕГО:	1 581 (100%)	1 040 (100%)	1 215 (100%)

В 1876 г. там свершилось 1112 разводов, в т.ч. талак – 236 (21,2%), хлюг – 876 (78,8%) раз. Один развод приходился на 10 с лишним браков прошлых лет²¹⁹, и число талаков, т.е. разводов по инициативе мужей, было почти в 5-6 раз меньше хлюгов, т.е. разводов по инициативе жен.

Такое явление объясняется следующим образом. При талаках мужчины не всегда могли вернуть себе калым. Их иски о возврате калыма были сопряжены с судебной волокитой, продолжавшейся десятилетиями. Противоположная сторона часто отказывала в иске, ссылаясь на бедность хозяйства. Даже возникла такая поговорка: „Калым малы – хар һузы“ (калымное имущество – талые воды).

Мужчины, понявшие материальную невыгодность для себя развода по их инициативе, вынуждали жен подавать на развод. В результате они получали от жен вознаграждение за разводное письмо. Кроме того, вторичная женитьба их, предполагавшая обязательный выкуп жены, была сопряжена с большими трудностями экономического порядка. Здесь уместно привести древнее изречение: „Балаң үлдә, бер тәни йәхәң асор, хатының үлдә, бер өйрәң йәлхәң сыгар“ (если дитя умрет, то пропадет сон ночной, если умрет жена, то уйдет табуи коней). Поэтому мужчины неохотно шли на развод.

Преобладание разводов по инициативе женщины – это не что иное, как протест их против обычаев, законов шарната – норм мусульманской морали. Вместе с тем разведенным женщинам не грозило одиночество, ибо в башкирском обществе, как уже не раз говорилось, женщины всегда было меньше, чем мужчины. Они могли второй раз выйти замуж и получить калым. Одиноких молодых женщин почти не было в обществе. Все вышеперечисленные мотивы объясняют факт преобладания хлюга над всеми видами развода.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЧЛЕНОВ СЕМЬИ

Разводы касались и имущественных прав сторон. Но данная проблема до недавнего времени оставалась вне поля зрения исследователей. В историко-этнографических публикациях о башкирах лишь затрагивались некоторые вопросы об имущественных правах членов семьи. В последнее время появились и специальные работы известного этнографа Н. В. Бикбулатова о шариае и обычае в наследовании и разделе имущества у башкир в XIX – начале XX в., где рассматриваются общие моменты прав наследников по шариау и на основе нескольких примеров об имущественных отношениях у коренных жителей делается вывод сначала о решающей роли народных обычаев и шариятных правил, затем – о заметной роли обычного права, нежели норм шариаата²⁰⁰. В опубликованных тезисах автора данных строк об имущественных правах у башкир в XVIII – первой половине XIX в. подтверждается фактами мнение об определяющей роли в этих вопросах норм шариаата при функционировании других форм (обычного, феодального) права²⁰¹.

Несмотря на то, что башкирское общество восприняло не все нормы мусульманского права не только по имущественным вопросам, но и по другим (например, семейно-брачным, где у башкир, в частности, практиковалось лишь две формы развода – талак и хулла вместо обязательных пяти), вывод Н. В. Бикбулатова выглядит весьма категоричным. Выборочное восприятие не только башкирами, но и татарами и мишарями норм шариаата еще не означает приоритетности в их общественной жизни норм обычая.

Чтобы выяснить соотношение норм шариаата, обычного права и русского законодательства по интересующей нас теме, следует обратиться к фактам. Но прежде оговоримся, что при выяснении этого вопроса исходим из того, что в указанный период у башкир преобладала и даже господствовала малая индивидуальная семья, состоящая каждая в среднем в 1726 г. из 6 человек (85967 мужчин, столько же женщин: 28655 дворов), в 1795 г. по 12 уездам Оренбургской губернии – из 6,2 человека (162330 башкир: 26187 дворов). По 17 уездам нескольких губерний по той же ревизии было выявлено нами 30574 башкирских двора, где проживало 184560 человек. Стало быть, на двор приходилось 6 человек.

Исключение составляют лишь 30–50-е годы XIX в., когда из-за обременительности военной службы повышалась населенность двора (7–8 человек) вследствие возрастания удельного веса сложных семей. Вслед за отменой кантонного управления и переводом башкир из военного в гражданское сословие малая семья вернула себе ведущую позицию, и в 1866 г. она состояла в среднем из 6 человек.

И еще заметим, что приниженное положение женщины закреплялось юридически и освящалось религией. Законы Русского государства гласили: жена обязана повиноваться мужу как главе семейства, „пробывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома“²⁰². В судебной практике царской России при противоречивых показаниях свидетелей преимущество отдавалось мужчине, знатному перед незнатным, ученому перед неученым. Согласно Корану и шариаату, женщина не равна мужчине как в имущественном, так и в правовом отношении.

Начнем разговор с приданого. Сначала отметим отношение православных женщин к приданому. Если в XVII в. приданое рассматривалось законами как общая собственность семьи, то с XVIII в. оно превратилось уже в частную собственность жены и потому муж не имел никакого права на него. Словом, жена распоряжалась своим приданым по своему усмотрению, совершенно независимо от мужа²⁰³.

При заключении брачного союза у башкир определялся не только размер калыма, но и размер приданого. Ни одна невеста не переходила в дом жениха без приданого. Оно включало зимнюю и летнюю одежду со всеми украшениями, постельные принадлежности, деньги и скот. Размер приданого ничуть не уступал калыму. О весьма разорительном характере приданого и об исключительной выгоде для принимающих невесту свидетельствует поговорка „*Кыз озатхан ялангас калыр, килеи алган тўренэ урын халыр*“ (выдавший дочь замуж останется голым, принявший сноху станет зажиточным). Как у православных, так и у башкир приданое рассматривалось как единоличная собственность женщины. На деле же часто происходило наоборот, а потому посягательство мужа на ее имущество неизменно вызывало бурное недовольство. Башкирка Хадича Файрушина в 1861 г. ушла из дома мужа по той причине, что последний использовал в сугубо личных целях ее приданое. Муж заложил часть вещей в заклад, часть продал. Она была согласна возобновить супружество лишь при условии возврата мужем ее имущества. Магометанское духовное собрание предписывало ему возместить причиненный ей ущерб²⁰⁴. Башкир д. Большое Бадраково Фаткулла Губайдуллин в 1861 г. женился на Хайризаде Зайнулдиной с условием „отданную ей дошпаль в пользу свою не употреблять“²⁰⁵.

После смерти бездетной жены приданое обычно возвращалось ее родителям. Башкир д. Карагайсино Стерлитамакского уезда Иштин

Иткулов в своем прошении требовал от бывшего зятя возвращения приданого: „7 голов лошадей в 290 руб. ассигнациями, кашмау* дочери Вазифы, умершей бездетной“²⁶⁶. Бикбулат Бурангулов из д. Утяшево Стерлитамакского уезда после смерти бездетной дочери Кулябиги, выданной замуж за жителя д. Салихово Алимкула Кутлуялова, при имаме и медиатрах, т.е. посредниках, получил от бывшего зятя приданое дочери в составе 4 кобыл, жеребца, 5 коров, 2 овец, зеляна (верхняя одежда), 3 кашмау, хакала (женское нагрудное украшение), перины с двумя подушками и т.д.²⁶⁷

(При разводе жена уносила все приданое с собой. В случае ее смерти оно переходило к ее детям. После смерти мужа жена сохраняла за собой право владения приданным.) Ваова из д. Рыскулово Оренбургского уезда Канслува Иткучукова в 1827 г. жаловалась на то, что после смерти мужа она вышла замуж за мушнина Хасана Ишкеева, а родители покойного мужа удержали ее приданое в составе 11 коров и 1 лошади²⁶⁸. Однако вмешательство Духовного собрания мусульман через приходского муллу предотвратило это зло. Аналогичного характера еще пример. Бывший свекор попытался насильно выдать сноху-вдову за второго сына с небольшим калымом (2 лошади, овцы и вешни). Она отказалась от этого брака и вышла замуж за другого. После этого он присвоил ее приданое в составе 6 лошадей, 8 коров и 100 овец. Лишь Духовное собрание, обследовав это дело, заставило его вернуть захваченное.

Имущественные права православных женщин после смерти их мужей были определены русским законодательством. Законная жена после смерти мужа при живых детях и без них получает из недвижимого имущества 1/7 часть, а из движимого – 1/4. Приданое и собственное имущество жены в указанную часть не входило²⁶⁹.

Наследственные права мусульманок по отношению к имуществу умершего мужа определяются шариатом, русскими законодательными актами. Все жены умершего, сколько бы их ни было, получают совокупно из движимого и недвижимого имущества, „если останутся дети – 1/8 часть, если нет детей, то все жены вместе получают 1/4 часть, а прочее отдается другим наследникам. А каждая жена порознь получает из совокупной причитающейся женам части равную долю“, – говорилось в кодексе законов государства²⁷⁰. Однако вдовам нелегко было получить даже часть мужниного имущества. Упомянутая Канслува Иткучукова жаловалась Магометанскому духовному управлению в связи с тем, что родители умершего мужа ничего не дали ей из семейного имущества, в то время как „по магометанскому закону следует ей получить осьмую часть из оставшегося по смерти (мужа) имущества“²⁷¹. После долгих исков и мытарств через Духовное собрание она добились искомого.

* Кашмау – женский головной убор, украшенный кораллами.

Что касается имущественных прав женщины после развода, то они почти нигде – ни в Коране, ни в русском законодательстве – не были определены. Разведенная жена полностью зависела от бывшего мужа при разделе семейного имущества. В Коране нет указаний насчет того, какая часть имущества полагается разведенной жене. Он лишь рекомендует снабдить ее „в благоприличной мере, как подобает людям благотворительным“²⁷², т.е. все зависело от благосклонности бывшего мужа.

О правах других членов в мусульманских семьях русское законодательство умалчивает. А по шариату в случае смерти главы семьи в разделе наследства участвовали все ее члены. При этом доля сына в 2 раза превышала долю дочери; имущественные права невыделенных сыновей равны. Раздел имущества неразделенной семьи осуществляется после смерти ее главы. Вот примеры. Женатые братья Аккып, Коляк и Пинай Тленчиевы из дер. Акинеево Шамшадинской волости в 1709 г. мировой записью подтверждают, что „ранее разделили они по равной доле между собой скот и имущество“, а теперь и „дельные деревья и борти“ умершего отца²⁷³. Башкирка Дуванейской волости Ишкея Султингильдина в 1723 г. оставила запись о том, что в прошлые года она отделила 5 сыновей и сама жила с младшим (шестым) сыном. Она просила, что в случае претензии 5 выделенных сыновей на имущество младшего их брата после ее смерти считать ее недействительной²⁷⁴. Два женатых брата Шагиахметовы после смерти отца в 1849 г. продолжали жить в братской семье. И в 1861 г. они при имаме и одноаульдах „полюбовно разделили между собою наследное имение“. Когда старший из них захватил имущество младшего, кантонный начальник еще раз разделил по шариату наследство в равных долях между братьями²⁷⁵.

Раздельно живущие братья претендовали на часть имущества другого в случае смерти одного, если у них не было детей²⁷⁶.

Несколько слов об установлении опекуна над детьми-сиротами. Учреждалось оно по нормам шариата. Вот что говорится об этом в документе за 1861 г.: „По смерти родителей тотчас юртовой старшина (управлял группой сел. – А. А.) собирает стариков, муллу и составляет в присутствии их опись имущества, если осталось несколько сирот, то муллы по шариату разделяют каждому сироте имущество, потом избирается обществом из благонадежных родственников умершего или из посторонних опекун, сдается ему имущество и земли по описи, затем юртовой старшина оную опись с распиской опекуна в принятии имущества представляет кантонному начальнику и по удостоверению им утверждает опекуна в той должности. Благонадежный опекун о прибыли, убыли и состоянии имущества два раза в год предоставляет отчет юртовому старшине“²⁷⁷.

Опека юношей продолжалась до 18-летнего возраста, а девушек – до выхода их замуж.

В 1861 г. в Верхнеуральском уезде было 39, Осинском – 24, Троицком уезде – 26 опеки.

Таким образом, при сосуществовании всех форм права (обычного, мусульманского, феодального) определяющую роль в имущественных вопросах в XVIII – первой половине XIX в. играл шариат. Подтверждением тому является и тот факт, что почти все дела об имуществе решались в Оренбургском духовном собрании мусульман через представителей приходского духовенства. Нельзя отметить и то, что в вопросах наследования и раздела имущества женщины занимали приниженное положение.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ

Женщина, по Корану, есть существо с массой обязанностей, но лишенное элементарных прав. Женщина, по шариату, – рабочая сила, приобретенная за деньги или обмененная на скот. Среди мусульманок восточных стран широко распространено было затворничество, перенятое от византийцев, им вменялось в обязанность ношение ритуально покрывала, заимствованного от персов.

Каково же было положение башкирской женщины в семье и обществе? Мнения исследователей на сей счет разноречивы. Если П. С. Назаров, П. Небольсин, Д. П. Никольский и С. И. Руденко считали положение башкирской женщины довольно сносным, относительно свободным и даже лучшим, чем положение русских женщин, то Фон Лев Берггольд сравнивал замужнюю башкирку-катайку с рабыней²⁷⁸.

В целом, по сравнению с мужчиной, она была неравноправна в семье и в обществе. Социального равенства мужчин и женщин не было во всех антагонистических обществах. В первой половине XIX в. встречается даже открытая продажа женщин. Вот случай, происшедший в 1832 г. Поступок, „противный магометанскому закону“, совершил житель аула Баклаво Белебеевского уезда Химетулла Фейзуллин, продавший свою жену Шамсубадар (из дер. Дюсметево Уфимского уезда). За 80 руб. купил ее подпоручик Башкирского войска Астай Бакиров. И только после 10-летней судебной волокиты она была возвращена отцу по его жалобе²⁷⁹.

Вместе с тем следует отметить некоторое своеобразие в положении башкирки. Известно, что в период классового расслоения женщина у кочевников занимала более высокое положение, чем у земледельцев. Почти такое же положение у женщины в башкирском обществе. Исследователи едины в мнении о том, что башкирки „пользовались относительно большей свободой, чем женщины многих других мусульманских народов“. И проявление такой свободы они видят в том, что башкирки почти не знали затворничества и покрывала²⁸⁰. П. М. Кудряшев не мог не подчеркнуть свободу башкирских женщин по сравнению с мужчинами „без покрывала“, хотя они и не могли участвовать с посторонними мужчинами в общем разговоре. По П. М. Кудряшеву, девушки имели больше свободы, чем замужние женщины. Они, например, ходили в платках

или с непокрытой головой и не носили кашмау²⁰. Проф. Л. И. Климович писал: „Среди многих народов, как, например, киргиз, казахов, башкир, карачаевцев, курдов, обычай женского затворничества и ношения ритуальных покрывал вообще не привились или приняли другие формы, обычно связанные с пережитками патриархально-родового строя“²¹. Л. И. Шайдуллина, изучавшая положение восточных мусульманок в семье и обществе, считает, что башкирская женщина „во все времена оставалась свободной от ношения покрывала и не подвергалась затворничеству. Причиной этому была суровая жизнь кочевников, когда женщине, наравне с мужчиной, приходилось делить все тяготы кочевой жизни. У башкир, принявших ислам, женщина оставалась свободной от этих обычаев. Девушки вступали в брак будучи уже взрослыми, сами выбирали себе мужей“²².

Отмечая справедливость этих суждений, подчеркнем, что до победы ислама в XIII–XIV вв. женщины в Башкирии были гораздо более свободны, чем впоследствии.

Женщины активно участвовали в общественной жизни и освободительной борьбе народа. Долго сопротивлялся натиску монголо-татарских полчищ башкирский народ, который, по свидетельству венгерского монаха Юлиана – очевидца событий, – не могли покорить в течение 14 лет²³. В этом была и немалая заслуга женщины. До наших дней дошло предание, повествующее о борьбе башкир против иноземцев, а именно монголо-татарских завоевателей. Башкирский батыр Сураман, согласно этой легенде, сражался с ними до глубокой старости, пока не был убит ими. После Сурамана возглавила борьбу его жена. А в числе продолжателей правого дела были батыры и из девушек²⁴.

В XV–XVIII вв. мусульманское духовенство стремилось окончательно вытравить из сознания башкир языческие представления об окружающем мире, утвердить нормы мусульманской морали о женщине. Особенно после открытия в 1789 г. Магометанского духовного собрания в самом центре Башкирии – Уфе заметно распространяются догмы ислама среди оседлых башкир. Царизм, открывая это духовное учреждение, преследовал классовые цели – укрепить свои позиции в беспокойном Башкирском крае, где часто вспыхивало сопротивление феодально-колониальному наступлению. В органической связи с этим усилилось и порабощение женщины. Девушки, однако, вопреки всему этому, продолжали принимать активное участие в народных празднествах, на скачках и в борьбе, о чем красочно рассказывает башкирский фольклор.

В годы борьбы с царизмом женщины были в первых рядах повстанцев. Так, в ходе башкирского восстания 1735–1740 гг. были взяты в плен

с оружием в руках – Шара Касимова, Фатъма Биктимирова, Ятбика и Рабикат Бикбаевы, жительницы деревни Монгашево²⁵.

Наравне с мужчинами женщины участвовали в Отечественной войне 1812 года. Уфимец В. Зефиров, посетивший дом ветерана войны Ян-туре, описал подвиг безымянной патриотки, вместе с ним участвовавшей в освободительной войне и за это награжденной медалью²⁶.

Девушка до замужества не знала затворничества, была свободной и не знала ограничений. Поэтому в народе говорили: „*Кыз сагым – солтан сах, килен сагым – алтан сах*“ (девушка – султанша, сноха – полметка). Старая женщина также обходилась без покрывала. В семье она играла исключительно большую роль. Был высок ее авторитет среди остальных членов семьи.

Но нельзя не подчеркнуть негативное воздействие обычая и ислама на положение женщины. Касалось это прежде всего снохи (*килен*). Элементы затворничества относились прежде всего к ней. Она не имела права входить в комнату, если там находился посторонний мужчина. Увидев тестя (*хайны*) или старшего брата мужа (*хайнага*), она обязана была прикрывать половину лица платком. Домашняя работа всей своей тяжестью падала на нее. Она обязана была угождать и мужу, и свекрови. Тяжелая судьба такой женщины весьма точно отражена в фольклоре. Поговорки „*килен кеше – сит бауыр*“ (сноха – чужой человек), „*килен кәне – эт кәне*“ (жизнь снохи – судьба собаки), „*килен кеше гәм кеше, алабай менән тиң кеше*“ (снохи – человек неравноправный, равный собаке) – тому яркий пример. И все это свидетельствует о тяжелом и унижительном положении снохи в неразделенной семье. В малой семье ее жизнь была несколько лучше. Здесь она была более самостоятельной в сфере домашнего хозяйства.

Словом, жизнь женщины проходила по следующим этапам: до замужества она более или менее свободна, не знает затворничества и ритуального покрывала; выйдя замуж и становясь снохой в неразделенной семье, она зависима и унижена; в более пожилом возрасте вновь возвращалась утраченная свобода – она становилась относительно независимым и уважаемым членом семьи и общества.

Нельзя сказать, что женщина мирилась со своим положением, унижением ее достоинства. Против своего бесправия она боролась всеми возможными средствами. Судя по фольклорным свидетельствам, башкирки выступали против раннего брака (об этом свидетельствует историческая песня „*Филмияза*“), против насильственной продажи их за калым („*Мэзинэкэй*“, „*Залифэкэй*“), против обычая умыкания („*Филмияза*“ же), против выдачи девушек замуж за стариков (песня „*Залхизэ*“). Сюжет этих произведений нередко завершается трагически. Башкир-

скому фольклору присущ особый жанр обрядовых женских песен – *сеңләу*, в которых в форме плача девушки, отданной нелюбимому, многоженцу или старику, выражался укор родителям. Девушка пела:

Раздвоен хвостик ласточки, отец,
Как ножницы, раздвоен навегда.
Ты продал старику меня, отец,
Ему не буду парой никогда²⁸⁸.

О том же немало свидетельств в архивохранилищах. Как видно из них, девушки в ответ на унижение своей личности либо оставляли на пути открытого протеста, либо предпочитали смерть или одиночество насильственному замужеству. Салиха Куяжбаева, выражая свое отношение к многоженцу-старика, претендующему на ее руку, решительно заявила в своем прошении на имя начальника 5-го кантона Кулуя Кучукова (1820 г.): „Быть его, Субханкулова, женою ни за что не соглашусь, будь и принудиться буду, лучше изберу вечно вдовствовать или последнюю мою отрадою и утехою сочту себе самопроизвольную смерть“²⁸⁹. На претензии башкира дер. Абдиново Верхнеуральского уезда Хуснутдина Шарыпова на замужнюю Шахирбину Габейдуллину (дер. Кучумово) под предлогом того, будто „прежде высватал“, в 1826 г. она ответила решительно: „Не желаю быть женой Хуснутдина“²⁹⁰. В 1833 г. Изилбану Шукурова из дер. Накаево Челябинского уезда жаловалась на то, что ее в 20 лет отец просватал за нелюбимого и что она отказалась от него²⁹¹. Халима Султангулова из дер. Яппарово Белебеевского уезда в своем прошении рассказывала, что она еще в детстве просватана была отцом за одновульда Валита Назмутдинова, но на беду после смерти родителей и по достижении совершеннолетия в нарушение „условий отца“ брат попытался выдать ее замуж за другого человека – жителя дер. Казангулово Адильгирей Ишмухаметова. Девушка брату своему объявила протест, „быть женою Адильгирея не согласна“, заявила она. И все ж претендент насильно увез ее к себе, а поэтому она просила власти не поддерживать похитителя, чтобы она могла „выйти замуж по желанию“²⁹². Дочь Абдрахима Рахматуллина Буляк из дер. Ушар (Семиостровная) Мензелинского уезда поведала такую историю: с малолетства она воспитывалась у бабушки, отец, будучи разведен с женой 20 лет назад, не участвовал в воспитании, тем не менее попытался насильно выдать ее замуж. В 1842 г. она просила Магометанское духовное собрание, чтобы „без ее согласия ни с кем не венчали“, а „дозволить по избранию выйти в замужество за кого пожелает сама“. Она твердо решила: если не выйдет замуж по своей воле, то „проживет вечно без брака“. Духовное собрание удовлетворило ее просьбу – „Пусть она выходит в замужество за кого сама пожелает с согласия ближнего своего валия, минуя отца“²⁹³.

Значит, женщина не была безглаза, безропотна.

В чем причины относительной свободы башкирки в семье и обществе? Главная из них, конечно же, в особенностях кочевого скотоводческого хозяйства. Женщина играла в ту пору исключительно большую роль в производстве материальных благ, а потому находилась в постоянном контакте с мужчиной. Уход за скотом, доение кобылиц и коров, обработка молочных продуктов – дело ее рук. Она же активно участвовала в заготовке сена, уборке урожая.

Исключительно высока была роль женщины в домашней промышленности. Она катала войлок (*кейез басму*), занималась выделкой овчины, кож, шкур (*тире илэу*), витьем веревок из конского волоса (*ит хылынан архан-бау үрү*), прядла лен, шерсть (*етен, айы илэу*), ткала (*һуғыу*) холст (*етен*), сукно (*бустау*), паласы (*балас*), полотенца (*һалғы, тастамал*), вязала платки из козьего пуха (*шәл байләу*), варежки, носки из шерсти (*һөндөн байләй, ойох байләу*). Женщина шила одежду, головные уборы, обувь. В 1770 г. академик И. И. Лепехин в своих путевых записках отмечал, что башкирки „портняжат, сапожничают, кожевничают и валяют войлоки. Кожевничество их от всех кожевных выделок отменно... Из приготовленной самими кожи делают они себе не только обувь, но и всю домашнюю утварь“²⁹⁴. О большой роли женщины в земледелии и промыслах говорится и в „Экономических примечаниях“ к Генеральному межеванию земель. Например, там замечено, что в Белебеевском уезде в 20-х годах XIX в. башкирки „сверх полевой работы упражняются в рукоделии, прядут лен, шерсть, ткнут холсты, сукна, валяют кошмы и войлоки для себя и на продажу“²⁹⁵. О многочисленных обязанностях женщины очень подробно и точно писал преподаватель Уфимской духовной семинарии В. М. Черемшанский: „... все обязанности домашних работ лежат преимущественно на их ответственности. Так в продолжение целого лета они занимаются уходом за коровами и кобылицами, доят их, готовят кумыз, из коровьего молока бьют масло и другие припасы – не только для ежедневной пищи, но и для приготовления на службу мужьям, как то: коптят конину, делают крут... Затем в свободное от этих занятий время женщины готовят для своего семейства сукно, холст, шьют белье и даже сапоги, участвуют в трудах мужей во время сенокоса и уборки сена. По возвращении с кочевки в свои зимние юрты, они озабочиваются множеством новых хлопот, так – поправка печей или чувалов, обтягивание брешашицей окон, приготовление круны, обделка пеньки, пряжа шерсти, выделка сукна, онучь, пошитие кафтанов, шуб, сапогов, валяние кошом для ханбиток и надзор за детьми составляют исключительные занятия женщины“²⁹⁶.

Если вся деревянная и берестяная посуда делалась главным образом мужчиной, то разнообразные сосуды из кожи изготовлялись исклю-

чительно хозяйкой. Названия таких кожаных сосудов зафиксированы одним автором еще в 30-х годах XVIII в. Вот они: «... имеют же они сабы (*hava*), в чем квасят кумыз (*хымы*), которых шивают из двух, из трех кож лошадиных и яловечных, а из одной кожи шивают меньше сабов именем джасмак (*ясмак*), а из (кож) ног лошадиных делают турсуки (*турхык*), а делающих из (кож) передних (ног) называют куллок (*хул-льк*), из (кож) задних ног бутлук (*ботлок*)», того ж делают из лошадиных кож, которые снимают с лошадиных голов, башкуник, в которых употребляют мед, кумыз, молоко и воду»²⁹⁷.

Весь домашний труд – тоже на ней. Представление о внутреннем расположении и убранстве башкирского дома, о результатах женского труда дает статья преподавателя Уфимской духовной семинарии В. Зефирова «Взгляд на семейный быт башкирца», часто бывавшего в аулах Стерлитамакского уезда. «Я вошел в избу, – писал он, – довольно обширную, чисто прибранную и разделенную на две половины домашней работы красивым пестрядным занавесом. Кругом стен были широкие нары (*уриндык*), устланные кошками. По углам передней стены были навалены одна на другую перины и подушки. По стенам для украшения развешано множество полотенец с широкими красными коймами. Печь с чувалом (*сымак* – род камин) была выбелена и в углублении между ними, как знак достатка, стоял светлый самовар с большими медными ручками. Прибавлю к этому, что с сожалением смотря на беспорядочное расположение улиц в башкирских селениях, на наружную неопрятность их домов, нельзя не удивляться их внутренней чистоте и опрятности»²⁹⁸.

Заготовка продуктов на зиму, приготовление пищи входили в непременную обязанность хозяйки дома. Кулинарным ее искусством, приготовлением, в частности, национального блюда бишбармак В. Зефиров восторгался так: «Надобно знать, что за приятность, что за вкус, а особенно, когда хозяйка, искрошив баранину мелко на мелко и, желая выказать все свое доброхотство и любовь к гостю, зачерпнет своей пятерней из чашки баранины и поднесет к его рту – так я уже не знаю как выразить это наслаждение, – оно выше всякого понятия!»²⁹⁹.

Огромная роль женщины в производительном труде и в домашнем хозяйстве и способствовала большей самостоятельности ее в семье и обществе.

Другая причина относительной свободы башкирки, думается, в институте приданого. Как уже говорилось, размер приданого был ничуть не меньше, чем размер калыма. Приход жены в дом мужа с большим приданым, иногда по размеру превышающим объем калыма, делает ее положение, по справедливой оценке С. И. Руденко, «достаточно независимым»³⁰⁰. В связи с этим можно хотя бы гипотетично утверждать: в тех

случаях, когда приданое по размеру своему уступало калыму, свершалась, вероятно, купля-продажа невесты, и, естественно, положение ее было более зависимо; напротив, когда оно превышало калым, брак не мог стать куплей-продажей девушки, и ее положение в семье, конечно же, было более свободно и сравнительно независимо.

Третья причина относительной независимости женщины – в том, что предписания ислама, мусульманская мораль не проникли глубоко в быт и семью башкир. Что башкиры – плохие почитатели ислама, писали и современники. Начальник Комиссии Башкирских дел генерал-лейтенант А. И. Румянцев в рапорте от 26 июня 1736 г. писал начальнику Казанских и Сибирских заводов В. Н. Татищеву, которому была поручена борьба с восставшими башкирами Сибирской дороги: «К молитве готовятся, Коран целуют и оную они (башкиры) присягу без умоления ни во что не аменяют, нарушают присягу, хотя и целуют Коран»³⁰¹. П. И. Рычков, предлагая в 1774 г. отменить должность ахунов в башкирских дорогах, отмечал: «... башкирцы хотя и магометанами именуются, но закон свой, следственно и ахунов, мало уважают»³⁰². В начале XIX в. Н. Попов также обратил внимание на плохое знание ислама башкирами Пермской губернии³⁰³. В 1825–1826 гг. П. И. Кудряшев подчеркивал, что магометанская вера у башкир «не доходит до фанатизма» и что, не зная арабского языка, мусульманское духовенство имеет в большинстве своем «самые слабые, самые сбивчивые понятия» о догматах ислама³⁰⁴. Анонимный автор середины XIX в. в своей записке «О башкиро-мещеряках (1852–1855 гг.)» высказался так: «Веру, как башкиры, так и мещеряки, исповедуют магометанскую, причем последние, как более несколько тверже в ней, нежели первые, подобно всем кочевым народам знакомые весьма мало с догматами своей религии и неслашком усердные в исполнении возлагаемых ею обязанностей»³⁰⁵. Перед отменой кантонной системы управления в Башкирии в 1864 г. кантонные начальники совершали инспекторские поездки в башкирские волости, в результате которых представляли отчеты о своих наблюдениях над коренными жителями края, об их подготовке к переводу из военного в гражданское сословие. Вот к какому выводу пришел князь Церетелев: «Мушты вообще не пользуются большим уважением и значением в частной жизни башкир и потому, не участвуя на общественных сходках, не могут иметь влияние ни на действия обществ, ни на частные желанья башкир...»³⁰⁶. Представитель коренного населения Альмухамет Куватов точно заметил, что башкиры «не всегда следуют правилам Аль-корана и смыслу шарията, так что большая часть из них, отступая от правил магометанского закона, не слушается мушлов, не ходит в мечети для совершения пятидневных в день молитв и даже не соблюдает поста (ураза)»³⁰⁷.

Все это не могло не способствовать относительной свободе и сравнительно независимому положению башкирской женщины.

²⁹⁷ Тунгурь, буряне и усургане хулалкх называли хулае, ботлакх – ботса // Совет Башкортостана. 10 мая 1961 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Башкиры расселены были на огромной территории от г. Перми на севере до р. Яик (Урал) на юге и от р. Тобол на востоке до р. Волги на западе. Несмотря на массовые казни, репрессии и ссылки после подавления башкирских восстаний 1661–1664, 1681–1684, 1704–1711, 1735–1740, 1755 гг. и Крестьянской войны 1773–1775 гг., численность башкир росла как за счет естественного прироста, так и за счет временного перевода части припущенников-мусульман в башкирское сословие.

В башкирском обществе мужчины было больше, чем женщины. Исключение составляли западные и северные уезды, где их соотношение было в пользу женщин. Больше половины башкир вело оседлый образ жизни, меньшая их часть – полукочевой.

2. Во всех хозяйственных районах малая семья господствовала над сложной. На основе малой семьи ретегерировалась неразделенная семья, распавшаяся через определенные промежутки времени на малые. Неразделенная семья генетически и стадильно не связана с большой патриархальной семьей периода распада родового строя. Везде была известна неразделенная семья, которая и нашла относительно большее распространение у полукочевых жителей Восточной Башкирии, чем у оседлых земледельцев Западной и Северной Башкирии.

3. Родовая экзогамия уступает свое место экзогамии родовых подразделений – аймак (тюба) и ара. Поколенное ограничение было повседневной реальностью.

Башкиры не всегда придерживались принципов эндогамии. Несмотря на запреты и препоны со стороны царского правительства, в силу ряда причин значительную долю занимали национально-смешанные браки, заключенные с представителями тюркских народов, родственных по языку и религии. Вместе с тем смешанные браки для подавляющего большинства башкир не были столь широкими, чтобы нарушить эндогамии. Но западные – бугульминские, мензелинские, слабужские и сарapulьские – башкиры в этом отношении составили исключение. У них наблюдается разрушение эндогамии. В итоге к 1926 г. произошла не только

языковая, но и этническая ассимиляция 166 тыс. вышеупомянутых башкир татарами. В этом определенную роль сыграли тептяри, являвшиеся связующим звеном между вотчинниками и пришлыми татарскими крестьянами. Тептяри – это феодально зависимые от вотчинников и казны люди, вышедшие из своей общины и сословия. Институт тептярей – местного происхождения, порождение вотчинного права башкир, следствие социально-экономических и политических причин, но затем развитый массовым переселением поволжских крестьян. Первоначально среди тептярей были одни башкиры. Позже национальный состав их расширяется. Термин „тептяр“ происходит не от персидского слова, а от башкирского (тюркского) – *типтереу-типтер-типтер*. В межэтнических процессах Западной Башкирии, в ассимиляции башкир тех мест татарами тептяри играли особую роль. По своему социальному и экономическому положению тептяри были близки к татарам-припущенникам. Все эти категории крестьян были безземельными, поэтому экономически они зависели от припущавших их общин.

В ассимиляции западных – бугульминских и мензелинских – башкир татарами играли немаловажную роль и другие факторы. К ним относятся близость башкир и татар в языковом и культурно-бытовом отношении, наличие сходных черт в социально-экономических отношениях (однотипное хозяйство), одинаковое вероисповедание. Демографический (возрастание численности татар и уменьшение численности башкир в Западной Башкирии) и географический (территориальное смешение башкир и татар) факторы немало способствовали ассимилятивному процессу. Благодаря смешанным бракам у западных башкир произошло разрушение эндогамии. Все это привело к этническому поглощению западных башкир татарами.

4. Ранние браки – более исключение, нежели правило. Возраст вступающих в брак определялся обычным правом и законами Русского государства.

5. Из всех форм брака калымный – основной. Согласно брачавшихся сторон не всегда учитывалось. Женитьба предполагала уплату калыма, размер которого резко колебался в зависимости от социальной принадлежности сторон. Эта форма брака предопределяет многоженство, вызванное хозяйственной необходимостью. Многобрачные семьи известны были башкирам всех хозяйственных районов. Однако их сравнительно больше знали зажиточные полукочевники, чем их оседлые собратья.

Полигамия наиболее развита в неразделенных семьях. Многобрачие, как и неразделенная семья, – атрибут главным образом кочевого общества, перешедший затем к оседлым башкирам силой инерции.

Решающее влияние на прирост населения оказывали моногамные семьи, но не многобрачные, вызывавшие массу негативных моментов.

С калымным браком тесно связаны левират и сорорат. Добровольный или принудительный левират предполагает многобрачие. Сорорат весьма редок. Левирату отдавалось предпочтение, нежели сорорату.

Брак отработкой, как и брак путем умыкания, встречался в немущих семьях, в то время как колыбельное сватовство можно было увидеть в семьях всех социальных слоев.

6. Из многочисленных форм развода у башкир практиковались главным образом талак и хлюг. К талаку прибегали в основном мужчины, к хлюгу – женщины. В силу ряда причин преобладал развод по инициативе женщины, нежели мужчины. Однако не только талак, но и хлюг ущемляли интересы женщин.

7. Ущемлялись и имущественные права женщины. Неприкосновенной собственностью жены считалось приданое, которое способствовало относительной ее свободе.

8. Во всех антагонистических обществах, в том числе и башкирском, женщина занимала приниженное положение. Вместе с тем башкирки пользовались относительной свободой, они не знали ритуального покрывала и затворничества. Женщины активно участвовали в освободительной борьбе народа, принимали участие в войнах и походах, народных праздниках.

Женщины протестовали против унижавших их достоинство обрядов и законов Корана и шариа.

Основные причины относительной свободы башкирских женщин в семье и обществе – прежде всего в их активном участии в производительном труде, в особенностях института приданого и в слабом проникновении ислама в семейный быт башкир.

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, Т. 21, С. 25–26.
- ² Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир // Записки Географического общества СССР. Т. 43. Вып. 2. Л., 1925. С. 244–269; *Он же*. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М., Л., 1955. С. 259–272.
- ³ Берхольц Л. Горные башкиры-китайцы // Этнографическое обозрение. 1983, № 3; Назаров П. С. Башкиры // Там же. 1890. № 1; Зеленин Д. К. О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // Там же. 1908. № 3; Никольский Д. П. Башкиры. СПб., 1899; Небольсин П. Заметки о башкирах // Отечественные записки. 1850. № 73; и мн. другие.
- ⁴ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Уфа, 1957. С. 114–117.
- ⁵ Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX в.) // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа, 1962.
- ⁶ Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. М., 1991. С. 135–161.
- ⁷ Нафиков Э. З. Социалистическая семья. Вопросы становления и развития (На материалах Башкирской АССР). Уфа, 1974.
- ⁸ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1355. Д. 929, 932, 935, 940, 1093, 1094, 1106, 1113, 1120, 1136, 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1884, 1886.
- ⁹ Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 82.
- ¹⁰ Тухватуллин Ф. Материалы к истории башкир. Уфа, 1928. С. 44; Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 222.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1886. Л. 81.
- ¹² Там же. Л. 81–83.
- ¹³ Там же. Д. 938. Л. 114 об.
- ¹⁴ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 219.
- ¹⁵ Там же. Д. 109. Ч. XI. Л. 267.
- ¹⁶ Южноуральский археографический сборник (далее – ЮАС). Вып. 2. Уфа, 1976. С. 199–307, 340–342.
- ¹⁷ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 167. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.
- ¹⁸ Асфандияров А. З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 33; Кетнер П. И. Девятая ревизия. СПб., 1857. С. 12.

- ¹⁸ Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начала XX вв. М., 1981. С. 13.
- ¹⁹ ЮАС. Вып. 2. С. 204, 205, 268–269.
- ²⁰ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 430 (1834 г.).
- ²¹ В работе Р. Г. Кузеева говорится о „превышении числа женщин над мужчинами“. См.: Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // Археология и этнография Башкирии: В 5 т. Т. 3. Уфа, 1968. С. 344.
- ²² Асфандияров А. З. Указ. соч. // Страницы истории Башкирии. С. 34–35.
- ²³ Сухарева О. А., Биксанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айыуран. Ташкент, 1955.
- ²⁴ Монагарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре прикамских народностей. М., 1972.
- ²⁵ Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // КСИЭ. Вып. 28. 1957.
- ²⁶ Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 32.
- ²⁷ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972. С. 141.
- ²⁸ Руденко С. И. Башкиры. Ч. II. Быт башкир. С. 253.
- ²⁹ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Уфа, 1957.
- ³⁰ Археология и этнография Башкирии. Т. 1. С. 49, 250.
- ³¹ Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. М., 1981. С. 98–102.
- ³² Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 6–7.
- ³³ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР, 1981, № 3. С. 80–81.
- ³⁴ Абрамзон С. М. Указ. соч. С. 34.
- ³⁵ Кисляков Н. А. Указ. соч. С. 23–24.
- ³⁶ Там же. С. 17, 34.
- ³⁷ Чистов К. В. Традиционные и „вторичные“ формы культуры // Расы и народы. Вып. 5. М., 1975.
- ³⁸ Александров В. А. Указ. соч. // История СССР. 1981, № 3; Свердлов М. Б. Семья и община в Древней Руси // Там же. 1981, № 3. С. 105.
- ³⁹ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 156, 514, 636, 677.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Вып. 1. Оренбург, 1877. С. 56, 68, 77, 84, 104.
- ⁴² ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 469.
- ⁴³ ЮАС. Вып. 2. С. 197–307.
- ⁴⁴ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки, бывш. им. В. И. Ленина (далее – РО РГБ), Ф. 364 (М. К. Любавский). Картон 9. Ед. хр. 1. Л. 239.
- ⁴⁵ Там же. Л. 235–336. Башкир Гарейской волости Казанской дороги Ямангул Назаргулов в 1772 г., донося на старшину об утайке им 7 дворов отделившихся от отцов сыновей, писал, что последние „ни в какие службы не употребляются и подможных денег не платят“ (РГАДА. Ф. 452. Оп. 2. Д. 53. Л. 5 об.).
- ⁴⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 115. Л. 20 об.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 16 (Госархив). Д. 808. Л. 94 об.
- ⁴⁸ Материалы по истории Башкирской АССР (далее – МИБ). Т. 4. Ч. 2. М., 1956. С. 44.
- ⁴⁹ Сравн.: у бурят „женитьба“ – гэрлэхэ (гэр – юрта) – „обзаводиться юртой“ (см. кн.: Басаева К. Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1980. С. 23).
- ⁵⁰ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. С. 115.
- ⁵¹ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 145. Л. 1698 об., 1699.
- ⁵² Там же. Л. 1286, 1287.
- ⁵³ Там же. Л. 1128, 1129 об., 1130.
- ⁵⁴ Там же. Л. 1438, 1439.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 2. Д. 104-а. Л. 8, 8 об.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 145. Л. 27 об.–1128.
- ⁵⁷ Там же. Л. 1782 об.–1783.
- ⁵⁸ Там же. Л. 1406 об.–1407.
- ⁵⁹ Там же. Л. 1141, 1142.
- ⁶⁰ Там же. Л. 1123 об., 1124.
- ⁶¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 92.
- ⁶² Там же. Д. 194. Л. 2-4, 84 об., 246 об.
- ⁶³ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 431.
- ⁶⁴ Там же. Д. 172. без пагинации.
- ⁶⁵ Там же. Д. 104-а. Л. 1–109.
- ⁶⁶ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 145. Л. 109–238.
- ⁶⁷ Там же. Д. 145. Л. 1134–1146, 1153, 1154, 1344, 1373, 1444–1467, 1677–1753, 1730–2014, 2071–2093; Д. 146. Л. 262–609.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 575, без пагинации.
- ⁶⁹ Жданко Г. А. Узбеки и каракалшаки // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962. С. 328, 491; Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. М., 1979. С. 15.
- ⁷⁰ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 457, 458, 515, 520, 528, 549, 550.
- ⁷¹ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. С. 116–117;

- Н. В. Бисбулатов: „Большая семья у кочевников, в том числе и у башкир, была менее монолитной, чем у оседлых земледельческих народов“ (см.: Башкирская система родства. С. 99).
- ²² ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 250. Л. 1–2.
- ²³ Там же. Д. 6281. Л. 2 об.–3.
- ²⁴ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. М., 1969. № 6. С. 85, 87; *Он же*. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 27.
- ²⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ), изд. 1. Т. 9. № 6890.
- ²⁶ Научный архив УНЦ РАН (далее – НА УНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 12. Д. 42. Л. 93.
- ²⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 476. Л. 1, 1 об.
- ²⁸ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 46. Л. 1405. Ровно через 52 года сын его, Нурали-хан, свергнутый с престола и в 1786–1790 гг. отбывавший ссылку в Уфе, скончался там. Писарем Нурали-хана с 1758 г. был башкир Габбас Суюшев (РГАДА. Ф. 16. Д. 934. Ч. 5. Л. 59, 389; Д. 991. Ч. 1. Л. 332).
- ²⁹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 44. Л. 418, 419, 421.
- ³⁰ МИБ. Ч. 1. М., Л., 1936. С. 460.
- ³¹ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия. С. 85.
- ³² См.: Исхаков Д. М. Тевтяри. Опыт этностатистического изучения // Советская этнография. 1979. № 4; *Он же*. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Там же. 1980. № 3, 4; *Он же*. О некоторых особенностях этнического взаимодействия татар и башкир в XVIII–XIX вв. Опыт этностатистического анализа // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978–1979 гг. Тезисы докладов. Уфа, 1980.
- ³³ Исключения составляют статьи У. Х. Рахматуллина „К вопросу о припуске на башкирские земли в первой половине XVIII в.“, „Тевтяро-бобыльское население Башкирии в XVIII в.“ (см. кн.: Страницы истории Башкирии. С. 4–24).
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 618. Л. 16.
- ³⁵ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 450. Л. 32.
- ³⁶ Там же. Л. 28 об.
- ³⁷ Там же. Л. 32.
- ³⁸ У. Х. Рахматуллин считает, что „бесплатное поселение припущенников не обнаружено“. См. сб.: Страницы истории Башкирии. С. 11–12.
- ³⁹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5499. Л. 101 об.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1. Д. 450. Л. 34.
- ⁴¹ ЮАС. Вып. 2. С. 292–307, 281–291.
- ⁴² Рычков П. И. История Оренбургская. С. 94.
- ⁴³ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 3. Казань, 1897. С. 391.
- ⁴⁴ Ахмаров Г. Н. Тевтяри и их происхождение. Казань, 1907. С. 9–10, 26.
- ⁴⁵ Рахматуллин У. Х. Тевтяро-бобыльское население Башкирии в XVIII в. // Страницы истории Башкирии. С. 17–18.
- ⁴⁶ Комиссаров Г. Население Башкирии в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1926. С. 24.
- ⁴⁷ Юлдашев А. А. Говор тевтярей Учалынского района Башкирской АССР // Сборник статей, посвященный академику В. А. Гордлевскому. М., 1953.
- ⁴⁸ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6333. Л. 398–402. По другим данным, собственной (купленной, вотчинной) земли у них было меньше – 145272 дес., или 15,9% от всех форм земли.
- ⁴⁹ МИБ. Т. 3. С. 490.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 639. Л. 1, 2; Д. 647. Л. 1.
- ⁵¹ Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 47.
- ⁵² МИБ. Ч. 1. С. 128.
- ⁵³ У. Х. Рахматуллин считает, что среди учтенных в 1723 г. бобылей-башкир не зафиксировано. См. сб.: Страницы истории Башкирии. С. 14.
- ⁵⁴ А. Д. М. Исхаков уверяет читателей, что бобылями назывались только лишь финноязычные крестьяне. См.: Тевтяри... (журн.: Советская этнография. 1979. № 4. С. 30).
- ⁵⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619. Л. 26, 44–51, 115 об.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1038. Л. 2.
- ⁵⁷ Там же. Д. 1198. Л. 3.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 594. Л. 4, 6.
- ⁵⁹ Там же. Л. 7, 218, 222.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 377. Л. 1.
- ⁶¹ Там же. Д. 4928. Л. 86.
- ⁶² Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.
- ⁶³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.
- ⁶⁴ Там же. Д. 13. Л. 1–1 об.
- ⁶⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 187. Л. 1 об.
- ⁶⁶ Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-При-

- уральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 38.
- ¹¹¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 370. Л. 1, 2.
- ¹¹² Там же. Д. 6333. Л. 413.
- ¹¹³ Там же. Л. 287, 410, 413.
- ¹¹⁴ Рахматуллин У. Х. Указ. соч. // Страницы истории Башкирии. С. 24.
- ¹¹⁵ Чулошников А. П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII – первой половины XVIII в. // МИБ. Ч. 1. С. 15; Васильев С. М. К вопросу о землепользовании пришлого населения Башкирии в конце XVII – начале XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. С. 132.
- ¹¹⁶ Очерки по истории Башкирской АССР: В 2-х т. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 967.
- ¹¹⁷ Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 14.
- ¹¹⁸ Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 84.
- ¹¹⁹ Хайрутдинова Т. Х. Образование говора златоустовских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979. С. 45.
- ¹²⁰ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619.
- ¹²¹ Рукописный отдел Института истории СССР. Фонд А. П. Чулошникова. Л. 11.
- ¹²² Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 5.
- ¹²³ ЮАС. Вып. 2. С. 281–295.
- ¹²⁴ Садыкова З. Ф. Формирование говоров оренбургских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. С. 80.
- ¹²⁵ Рамазанова Д. Б. К вопросу о формировании белебеевского подговора мензелинского говора среднего диалекта татарского языка // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. С. 19, 20.
- ¹²⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619.
- ¹²⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 196. Л. 14 об.
- ¹²⁸ МИБ. Т. 3. С. 493.
- ¹²⁹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 225–226.
- ¹³⁰ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 81. Л. 224.
- ¹³¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619. Л. 116–148.
- ¹³² ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619. Л. 194–253.
- ¹³³ Там же. Л. 79–89.
- ¹³⁴ Там же. Л. 186.
- ¹³⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 450. Л. 3–21.
- ¹³⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619. Л. 18 об.
- ¹³⁷ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. С. 323.
- ¹³⁸ МИБ. Т. 3. С. 45, 164–165, 192.
- ¹³⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 44.
- ¹⁴⁰ ЮАС. Вып. 2. С. 319, 327–328, 330.
- ¹⁴¹ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 236–238.
- ¹⁴² ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1506. Л. 123.
- ¹⁴³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 929, 932, 935, 938, 940, 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1884, 1886.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 450. Л. 3–21, 122–131.
- ¹⁴⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6. С. 86, 87.
- ¹⁴⁷ Исхаков Д. М. Расселение и численность татар... С. 30; Он же. О некоторых особенностях этнического взаимодействия татар и башкир в XVIII–XIX вв. С. 68.
- ¹⁴⁸ Рамазанова Д. Б. К вопросу о формировании белебеевского подговора мензелинского говора среднего диалекта... С. 4–10.
- ¹⁴⁹ ЮАС. Вып. 2. С. 338.
- ¹⁵⁰ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619. Л. 59, 60.
- ¹⁵¹ ЮАС. Вып. 2. С. 301.
- ¹⁵² Там же. С. 319.
- ¹⁵³ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619. Л. 55.
- ¹⁵⁴ Рамазанова Д. Б. Указ. соч. С. 7, 8, 10, 11.
- ¹⁵⁵ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 368, 369.
- ¹⁵⁶ Неволин К. П. Подп. собр. соч. Т. 5. История Российских гражданских законов. СПб., 1857. С. 164.
- ¹⁵⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 4951. Л. 3, 13, 16, 19, 24.
- ¹⁵⁸ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 430 (1834 г.); Асфандияров А. З. Брак и развод у башкир в XVIII – первой половине XIX в. // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 137–146.
- ¹⁵⁹ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 575 (1834 г.).
- ¹⁶⁰ Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. С. 74, 77.
- ¹⁶¹ Вахабов М. В. Ислам и семья. М. 1980. С. 146.
- ¹⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 81.

- ¹⁶⁰ ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 78. Л. 25–25 об.
- ¹⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 81.
- ¹⁶² Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963 (сура 4, аят 3).
- ¹⁶³ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 3. СПб., 1813. С. 23.
- ¹⁶⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2913. С. 8.
- ¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 726. Л. 1–2.
- ¹⁶⁶ Башкорт халык ижады / Составление, вступительная статья и комментарии Ф.Надршиной. Уфа, 1980. С. 250.
- ¹⁶⁷ Вельмишлов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями // Приложение к IV тому „Записок Императорской академии Наук“. № 6. СПб., 1864. С. 35.
- ¹⁶⁸ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1042. Л. 1.
- ¹⁶⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 955. Л. 2–3, 9–10.
- ¹⁷⁰ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1579. Л. 1.
- ¹⁷¹ Там же. Д. 409. Л. 1, 17, 33–34.
- ¹⁷² Там же. Д. 346. Л. 1, 1 об.
- ¹⁷³ Башкорт халык ижады. 1980. С. 120, 313.
- ¹⁷⁴ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 5873. Л. 1.
- ¹⁷⁵ МИБ. Т. 3. С. 485.
- ¹⁷⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 173.
- ¹⁷⁷ Рычков П. И. Указ. соч. С. 92–93.
- ¹⁷⁸ РО ГБЛ. Ф. XII (Паннины). Л. 6.
- ¹⁷⁹ Щекатов А. Ф. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч. 1. М., 1801. С. 374.
- ¹⁸⁰ Попов Н. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁸¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 104. Л. 13.
- ¹⁸² РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2913. Л. 8.
- ¹⁸³ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 160.
- ¹⁸⁴ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 70. Л. 52.
- ¹⁸⁵ Скалозубов Н. А. Очерки экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1893. С. 28.
- ¹⁸⁶ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 145. Л. 1232–1571, 1677–1851, 2071–2093; Д. 156. Л. 478–479; Д. 161. Л. 607–738, 763–1244; Д. 291, листы не указаны; Д. 292. Л. 3–660; Д. 313. Л. 1–26; Д. 345. Л. 2–26, 245–259; Д. 372, листы не указаны; Д. 374. Л. 25–26, 289–304; Д. 469. Л. 2–771; Д. 570. Л. 20 об.; Д. 574. Л. 35–726; Д. 575, листы не указаны.
- ¹⁸⁷ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 419, 448, 458, 503, 515, 520, 549, 550 (VIII ревизия).
- ¹⁸⁸ Шайдулина Л. И. Коран и шариат о положении женщины в семье и обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1963. С. 11.
- ¹⁸⁹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 49. Л. 138.
- ¹⁹⁰ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 161. Л. 832.
- ¹⁹¹ Там же. Д. 145. Л. П24.
- ¹⁹² Там же. Л. 1127.
- ¹⁹³ Там же. Л. 1127 об.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 1148.
- ¹⁹⁵ Там же. Д. 430.
- ¹⁹⁶ Там же. Д. 575.
- ¹⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁹⁸ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 2353. Л. 15.
- ¹⁹⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15197. Л. 70.
- ²⁰⁰ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 104. Л. 14.
- ²⁰¹ Шарль Р. Мусульманское право. М., 1959. С. 60.
- ²⁰² ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 78. Л. 47.
- ²⁰³ Руденко С. И. Башкиры. Ч. II. С. 256.
- ²⁰⁴ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 145. Л. 1156, 1157, 1280, 1281, 1681, 1682.
- ²⁰⁵ Там же. Д. 384. Л. 147–148.
- ²⁰⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 292. Л. 392–393; Д. 469. Л. 48–65, 151–153.
- ²⁰⁷ Там же. Д. 430.
- ²⁰⁸ Там же. Д. 575.
- ²⁰⁹ Там же. Д. 468. Л. 81.
- ²¹⁰ Башкорт халык ижады. Беренсе китап. Йырзар. Уфа, 1974. С. 369.
- ²¹¹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15197. Л. 70 об.
- ²¹² Там же. Ф. 295. Оп. 3. Д. 112. Л. 7.
- ²¹³ Там же. Д. 513. Л. 1.
- ²¹⁴ Там же. Д. 263. Л. 1–2.
- ²¹⁵ Там же. Д. 273. Л. 1–2, 16–17, 21–22.
- ²¹⁶ Там же. Д. 941. Л. 1.
- ²¹⁷ Там же. Д. 276. Л. 1, 4 об.
- ²¹⁸ Там же. Д. 2125. Л. 8, 8 об.
- ²¹⁹ Бурагулов М. Башкирские свадебные обряды // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 215-а. Л. 1–4.
- ²²⁰ Там же. Л. 4–50.
- ²²¹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1579. Л. 1.
- ²²² Там же. Д. 1584. Л. 1, 8.

- ²²² Там же. Д. 9. Л. 1-2, 30.
- ²²³ Там же. Д. 23. Л. 2, 2 об., 52.
- ²²⁴ Там же. Д. 29. Л. 2, 10, 10 об.
- ²²⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1275. Л. 1-2, 4-4 об.
- ²²⁶ Там же. Ф. 295. Оп. 3. Д. 50. Л. 1; Д. 906. Л. 1; Д. 1218. Л. 2; Д. 1724. Л. 3; Д. 1724. Л. 1-2; Д. 1768. Л. 1.
- ²²⁷ Там же. Д. 2340. Л. 24 об.
- ²²⁸ Там же. Д. 2325. Л. 14-15.
- ²²⁹ *Шайдуллина Л. И.* Арабская женщина и современность. М., 1978. С. 15.
- ²³⁰ *Она же.* Брак и развод у мусульман // Арабские страны. История. М., 1963. С. 206.
- ²³¹ *Она же.* Арабская женщина и современность. С. 15.
- ²³² Хидия. Комментарий мусульманского права. Перевод с английского под редакцией Н. И. Городекова. Ташкент, 1893. Т. 1. С. 347.
- ²³³ *Вагабов М. В.* Указ. соч. С. 75.
- ²³⁴ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 4942. Л. 1, 16-17.
- ²³⁵ Там же. Д. 2352. Л. 5.
- ²³⁶ Там же. Д. 2347. Л. 1-1 об., 16-17.
- ²³⁷ Там же. Д. 2322. Л. 13, 41, 48.
- ²³⁸ Там же. Д. 2342. Л. 6-8.
- ²³⁹ Там же. Д. 1441. Л. 1, 9.
- ²⁴⁰ Там же. Д. 6132. Л. 20 об.
- ²⁴¹ Там же. Д. 2310. Л. 1-1 об., 5 об.-6.
- ²⁴² Там же. Д. 2322. Л. 14.
- ²⁴³ *Залкинд Е. М.* Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М., 1970. С. 175.
- ²⁴⁴ *Шайдуллина Л. И.* Коран и Шариах о положении женщины в семье и обществе // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1963. С. 11.
- ²⁴⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15159. Л. 8, 23, 41 об., 70, 89 об., 106 об., 124 об., 160, 174 об., 189 об.
- ²⁴⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 70. Л. 52-52 об.
- ²⁴⁷ *Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари. М., 1972. С. 147.
- ²⁴⁸ Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. С. 76.
- ²⁴⁹ Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, б/г. С. 59.
- ²⁵⁰ *Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.* Указ. соч. С. 139, 160.
- ²⁵¹ *Асфандияров А. З.* Имущественные права у башкир в XVIII – первой половине XIX в. // Научное наследие башкирских ученых-эмигрантов и вопросы современности (Вторые валдовские чтения). Востоковедение в Башкортостане. История. Культура III. Тезисы между-
- народной научной конференции от 2 июня 1995 г. Уфа, 1995. С. 38-42.
- ²⁵² *Михайлова М. М.* Русские законы о женщинах. М., 1913. С. 29.
- ²⁵³ *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. История российских гражданских законов. СПб., 1857. С. 117-120.
- ²⁵⁴ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 4920. Л. 4-6.
- ²⁵⁵ Там же. Д. 4919. Л. 38.
- ²⁵⁶ Там же. Д. 1664. Л. 2.
- ²⁵⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1251. Л. 2, 7.
- ²⁵⁸ Там же. Д. 266. Л. 2.
- ²⁵⁹ *Михайлова М. М.* Указ. соч. С. 39, 46.
- ²⁶⁰ Там же. С. 47.
- ²⁶¹ Там же. Д. 266. Л. 2.
- ²⁶² *Шайдуллина Л.* Брак и развод по мусульманскому праву // Арабские страны. История. М., 1963. С. 208.
- ²⁶³ МИБ. Т. 3. С. 48.
- ²⁶⁴ Там же. С. 202.
- ²⁶⁵ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 5379. Л. 7, 11.
- ²⁶⁶ Там же. Д. 1154. Л. 1; 2, 4, 8.
- ²⁶⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15156. Л. 2.
- ²⁶⁸ *Назаров П. С.* К этнографии башкир // „Этнографическое обозрение“. 1890. № 1. С. 190; *Никольский Д. П.* Указ. соч. С. 93; *Небольсин П.* Указ. соч.; *Руденко С. И.* Башкиры. Т. II. Л., 1925; *Берггольц Ф.* Горные башкиры – катаяцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3.
- ²⁶⁹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1195. Л. 1-3, 4-6, 9, 10.
- ²⁷⁰ *Руденко С. И.* Башкиры. Ч. II. С. 258.
- ²⁷¹ *Матвиевский П. Е.* Н. М. Кудряшев и его этнографическое описание башкир в первой четверти XIX в. // ЮАС. Вып. 1. Уфа, 1973. С. 96.
- ²⁷² *Климович Л. И.* Ислам. М., 1965. С. 293.
- ²⁷³ *Шайдуллина Л. И.* Брак и развод по мусульманскому праву // Арабские страны. История. М., 1963. С. 209.
- ²⁷⁴ *Ашинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.: Л., 1940. С. 85-86.
- ²⁷⁵ Башкорт халык ижады. 1980. С. 159, 160.
- ²⁷⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 411. Л. 591, 592.
- ²⁷⁷ Оренбургские губернские ведомости (далее – ОГВ). 1847. № 17.
- ²⁷⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 79.
- ²⁷⁹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 29. Л. 10.
- ²⁸⁰ Там же. Д. 184. Л. 11.

- ²⁹¹ Там же. Д. 1060. Л. 1.
²⁹² Там же. Д. 946. Л. 1-2, 13.
²⁹³ Там же. Д. 1828. Л. 1, 13.
²⁹⁴ *Лепехин И. И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и доктора медицины Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. Ч. II. СПб., 1802. С. 38-39.
²⁹⁵ РГАДА. Ф. 1355. Д. 929 (1829 г.). Л. 53.
²⁹⁶ *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 148-149.
²⁹⁷ Ответы капитана Стрижевского на программу В. Н. Татищева. Казань, 1909. С. 9.
²⁹⁸ ОГВ. 1851. № 3.
²⁹⁹ ОГВ. 1851. № 4.
³⁰⁰ *Руденко С. И.* Башкаты. Ч. II. С. 257.
³⁰¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 41. Л. 450.
³⁰² РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 211. Л. 20 об.
³⁰³ *Попов Н.* Указ. соч. С. 23, 26.
³⁰⁴ *Матвеевский П. Е.* Указ. соч. С. 96.
³⁰⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 1828-а. Л. 35-35 об.
³⁰⁶ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13022. Д. 191 об.
³⁰⁷ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 104. Л. 14.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Расселение и численность башкир	5
Формы семьи	10
Экзогамия и эндогамия	28
Формы брака	51
Формы развода	69
Имущественные права членов семьи	74
Положение женщины в семье и обществе	79
Заключение	86
Примечания	89

22572

Исторический институт
 В. И. Ленинский

Для заметок

Анвар Закирович Асфандияров

БАШКИРСКАЯ СЕМЬЯ В ПРОШЛОМ
(в XVIII – первой половине XIX в.)

Редактор *Данилова Г. Б.*

Художественный редактор *Мухтаруллин А. Р.*

Технический редактор *Абдрахманова В. Р.*

Корректоры *Николова А. В., Пастушкова И. П.*

